Кн. С. А. ВОЛКОНСКАЯ

ГОРЕ ПОБѢЖДЕННЫМЪ

VAE VICTIS

ВОСПОМИНАНІЯ

ORESTE ZELUK, EDITEUR
PARIS

Владиміръ Казиміровичъ,

слышите-ли Вы меня?

ГЛАВА I.

Wer hat das Haus so schlecht gebaut ?
Faust, Zweiter Teil.

Май 1919 г. Маленькая грязная рѣчка. Нѣсколько солдатъ съ ружьями. Мостикъ. Еще какія-то послѣднія колебанія, обрывки неизжитыхъ сомнѣній: я еще на русской землѣ, могу еще повернуть обратно. Всего нѣсколько шаговъ, а какъ трудно...

Надо рѣшаться. Я не могу пропустить дарованнаго мнѣ судьбою случая: Возможность безнаказанно покинуть родину дважды не дается.

Нѣсколько шаговъ... Вотъ — мостъ перейденъ. Кончено. Я въ Финляндіи. Позади Россія — Совѣтская Россія. Впереди свободная страна, спокойная жизнь, нормальные люди... Но сердце не поетъ отъ радости. На душѣ камень. П. П.*) остался по ту сторону границы.

Десять дней карантина въ Теріокахъ. Когда водолазовъ подымаютъ наверхъ изъ глубинъ, ихъ вытаскиваютъ на поверхность не сразу, а заставляютъ сначала пройти черезъ послѣдовательный рядъ

*) Князь Петръ Петровичъ Волконскій.

камеръ со все уменьшающимся давленіемъ: человѣческій организмъ не выноситъ слишкомъ рѣзкихъ контрастовъ. Нельзя было людей привыкшихъ къ тяжелымъ условіямъ жизни въ красномъ Петроградѣ прямо перенести въ повышенную атмосферу послѣ-военной Европы. Впрочемъ аналогія эта, подобно большинству аналогій, не вполнѣ точна: Финляндское Правительство заботилось не столько о выносливости нашихъ сердецъ, сколько огораживало себя отъ того яда, который могъ въ нихъ таиться. Подъ видимостью санитарнаго карантина занимались выуживаніемъ носителей большевицкаго микроба и производили тщательный отборъ дѣйствительно пострадавшихъ во время революціи отъ тѣхъ, кто подъ маскою жертвъ несли въ сосѣднія страны губительныя сѣмена коммунистической пропаганды. Своего рода таможенный осмотръ, на которомъ запрету подвергались не чай, духи или сигары, а коммунистическія симпатіи и утопическія мечты о раѣ на землѣ.

Долгіе, однообразные дни. Одно хорошо: удается телеграфно снестись съ родными и узнать, что моя дочь*) благополучно эвакуирована изъ Крыма на англійскомъ броненосцѣ и находится сейчасъ вмѣстѣ съ Бабушкою**) недалеко отъ Лондона. Только для этого — въ безпокойствѣ за ея судьбу, выѣхала я изъ Россіи. Не вернуться-ли обратно?

Смотрю на волны Финскаго залива. По вечерамъ видны огни Кронштадта. Какъ близко до Петрограда. Думаю о бѣломъ домикѣ на Фурштадт-

---

*) Княжна Софія Петровна Долгорукая, моя дочь отъ перваго брака.

**) Княгиня Ольга Петровна Долгорукая, мать моего перваго мужа.

ской. Что-то они тамъ теперь дѣлаютъ? Изъ - за этого дома, со всѣмъ находившимся въ немъ имуществомъ, belle-mère не согласилась воспользоваться заграничнымъ паспортомъ: уѣхать — это значило оставить все на разграбленіе. Ради матери, старой и глухой, остался и П. П. "Пойми-же, что я не могу покинуть здѣсь мою старую больную мать, одну въ домѣ съ прислугою", говорилъ онъ мнѣ. А она говорила: «Tout va changer ces jours-ci avec l'aide de Dieu, pourquoi risquer des difficultés plus grandes par tes extravagants projets.» И еще: «Il faut croire en la miséricorde de Dieu».

Ну какъ съ этимъ спорить? Кончилось тѣмъ, что я уѣхала одна.

Гельсингфорсъ. Всѣ бѣжавшіе въ тѣ годы изъ Совдепіи помнятъ чувство радости, которое охватывало ихъ при видѣ открытыхъ магазиновъ, ресторановъ, булочныхъ. Никакой фейерверкъ роскоши въ витринахъ Bond street или rue de la Paix не вызывали никогда въ сердцахъ такого восторга какъ любая захудалая финская лавчонка. Какъ правило, физическія лишенія не оставляютъ въ памяти длительнаго слѣда; но развѣ можно забыть то чисто звѣриное ощущеніе жадности, съ какимъ накидывались мы на сладкіе пирожки, на свѣжее масло, на настоящій бѣлый хлѣбъ? Все это было-бы смѣшно...

Съ тою-же жадностью что на булки, набросилась я и на иностранныя газеты: что пишутъ о Россіи? Въ Петроградѣ всю зиму держались слухи о предстоящей скоро интервенціи. Недавно, перебирая старыя бумаги, я напала на нѣсколько записокъ того времени — переписку П. П. съ матерью. Они,

несмотря на то что жили подъ одною крышей, имѣли обыкновеніе регулярно обмѣниваться такими записочками, посылая ихъ съ прислугой изъ одного конца дома въ другой. Еще въ январѣ 1919 г., сообщая о слышанныхъ ею новостяхъ, она писала:

«Les Blancs sont à Волосово près Gatchina, Mannerheim en tête qui amène du pain à Petrograd... Schlusselbourg est pris ou plutot occupé par l'escadre anglaise»*).

А недѣлю позднѣе П. П. писалъ ей:

«Radkevitch**) reoptimiste parle de la prise de Pskoff (!) par les blancs et de nouveau d'un terme de 2 à 4 semaines qui pourrait amener libération»***).

Послѣднее время слухи объ интервенціи стали особенно упорны; были такіе, что сами видѣли подъ Кронштадтомъ дымки англійской эскадры. Съ волненіемъ раскрывала я первыя иностранныя газеты: можетъ быть, найду въ нихъ, если не опредѣленныя свѣдѣнія, то хоть какія-нибудь указанія или намеки... Принимаюсь сначала за мѣстныя газеты, затѣмъ за Стокгольмскія, наконецъ за «Times» и за «Matin». На первомъ мѣстѣ мирные переговоры. Это понятно. Глаза всего міра были въ тѣ дни устремлены на Версаль, гдѣ трое главныхъ побѣдителей заняты были подведеніемъ итоговъ и бились

*) Все это было разумѣется лишь плодомъ досужей фантазіи: Генералъ Маннергеймъ, диктаторъ Финляндіи, какъ извѣстно,никогда во главѣ похода на Петроградъ не становился. Если бы всталъ, многое могло бы сложиться иначе. Англійская же эскадра, какъ была, такъ и осталась для насъ до конца прекрасной мечтою.

**) Андрей Александровичъ Радкевичъ, изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Умеръ въ большевицкой тюрьмѣ около года спустя.

***) На самомъ дѣлѣ Псковъ, взятый красными въ ноябрѣ 1918 года, былъ вновь занятъ бѣлыми послѣ эвакуаціи города нѣмцами, не въ январѣ, а въ концѣ мая 1919 года. Да и то, увы, не на долго.

надъ тѣмъ, чтобы эквивалентнымъ числомъ золотыхъ марокъ и квадратныхъ саженей выразить стоимость нѣсколькихъ милліоновъ человѣческихъ жизней и четырехъ лѣтъ нечеловѣческихъ страданій. Перевернувъ страницу, попадаю на описаніе послѣдняго состязанія въ боксѣ,имена побѣдителей въ тенисномъ турнирѣ... Дальше идетъ статья о причинахъ войны, сообщеніе о предполагаемой поѣздкѣ принца Валлійскаго въ Канаду... О Россіи всего нѣсколько строкъ въ одной изъ большихъ газетъ. И все. Въ другихъ газетахъ имя Россіи даже не упоминается. Вотъ вамъ и дымки англійской эскадры.

Гельсингфорсъ... Стокгольмъ.. Лондонъ. Все полно русскими эмигрантами, всюду масса знакомыхъ. На меня, какъ на свѣжаго человѣка "оттуда", набрасываются съ разспросами: "Что, скоро падутъ большевики?" Никто не сомнѣвается въ томъ, что это вопросъ нѣсколькихъ недѣль, въ худшемъ случаѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Мой робкій скептицизмъ встрѣчается улыбками. Живутъ широко, при случаѣ закладывая послѣднія драгоцѣнности — вѣдь все дѣло въ томъ, чтобы продержаться еще нѣсколько недѣль.

Сейчасъ легко критиковать. Тогда-же и я думала какъ всѣ; быть можетъ, только ставя немного болѣе отдаленные сроки. Не могли-же мы полагать, что цивилизованная Европа спокойно отвернется отъ вчерашняго союзника и предоставитъ кучкѣ фанатиковъ вести страну къ гибели согласно замыслу германскаго генеральнаго штаба. Мало кто тогда уже угадывалъ, что насъ ждетъ впереди. Помню, какъ въ самомъ началѣ большевизма князь Юрій Ивановичъ Трубецкой однажды сказалъ мнѣ: "Увидишь, это протянется десять лѣтъ". Слова его показались мнѣ глупою шуткой.

Знал̀ъ еще и Александръ Ивановичъ Гучковъ. Ему съ самаго начала все было ясно. "Россія погибла. Мы катимся къ пропасти" — это онъ говорилъ мнѣ въ самые первые дни февральскаго переворота, когда все кругомъ ликовало, шумѣло и размахивало красными тряпками. Онъ зналъ, но былъ безсиленъ помочь.

Въ Стокгольмѣ за большимъ обѣдомъ встрѣчаю стараго знакомаго, испанскаго дипломата Агуэра. Онъ былъ назначенъ посломъ въ Петербургъ наканунѣ большевицкаго переворота и теперь ожидаетъ водворенія въ Россіи нормальнаго правительства, чтобы ѣхать предъявлять свои вѣрительныя грамоты. Для того, чтобы быть поближе къ мѣсту своего новаго поста, рѣшилъ поселиться въ Стокгольмѣ, — ждать - то вѣдь все равно не долго.

Лондонъ. Дядя Саша задержалъ для меня комнату въ Ритцѣ. До чего все таки сильно обаяніе роскоши!

Какое разочарованіе. Оказывается, даже англійская полиція беретъ взятки. Величавая фигура въ темно-синемъ мундирѣ, олицетвореніе на землѣ идеи права и справедливости, — и тутъ - же скомканная фунтовая бумажка, поспѣшно сунутая въ руку и способствующая скорѣйшему полученію разрѣшенія на право жительства въ Англіи. Еще одна погибшая иллюзія.

Въ Лондонѣ задерживаюсь не долго. Спѣшу къ дочери въ Bath. Тихій провинціальный городокъ, весь погруженный въ мечты о прошломъ своемъ ве-

ликолѣпіи, живущій и сейчасъ воспоминаніями о Beau Brummel'ѣ и модницахъ прошлаго столѣтія. Гладко, чистенько, какъ по всей Англіи; бархатный газонъ, вѣковыя липы, отличныя дороги. И люди — чопорные, однообразные, и скучные - скучные, безнадежной скукою англійскихъ middle classes. Трудно придумать уголокъ болѣе подходящій для отдыха, болѣе успокоительный для нервовъ "жертвъ революціи".

Моя дочь сильно выросла и возмужала: мы вѣдь съ нею почти что годъ въ разлукѣ. И какой годъ! Имъ тоже не мало пришлось пережить: занятіе Крыма большевиками, приходъ нѣмцевъ, передышка подъ бѣлыми, новое наступленіе большевиковъ; эвакуація на англійскомъ броненосцѣ и величественный жестъ Императрицы Маріи Федоровны, заявившей, что не уѣдетъ до тѣхъ поръ, пока всѣмъ желающимъ не будетъ дана возможность покинуть Ялту. Особенно запомнилась дѣвочкѣ сцена ночного обыска въ Мисхорѣ, когда два пьяныхъ матроса съ револьверами въ рукахъ допрашивали старую княгиню, любезно при этомъ приговаривая: "Не бойтесь, Мадамъ, не бойтесь". Софка ухватилась за Бабушку и, какъ Миссъ Кингъ съ гордостью мнѣ доложила, не отошла отъ нея, несмотря на уговоры, до самаго конца обыска. Любопытно посмотрѣть, какіе воспитательные результаты дастъ подобное внѣдреніе реальной жизни въ дѣтскую и что выйдетъ изъ этихъ дѣтей, первыя воспоминанія которыхъ будутъ не игры въ жмурки, не нянины сказки, а револьверы и пьяные матросы?

— Когда я была молода, говорила княгиня, я часто мечтала о томъ, какъ интересно и романтично было - бы жить въ эпоху великой французской революціи. Теперь я, увы, на собственномъ опытѣ уз-

нала, что революціи и не интересны, и не романтичны". А позднѣе она говорила мнѣ: «Tous les jours de ma vie j'ai adressé au bon Dieu les mots de la prière — donnez nous notre pain quotidien, mais jamais je n'ai pensé qu'un jour viendrait où il me faudrait les comprendre littéralement».

Софка уже знала о моемъ второмъ бракѣ, и воспринимала его, какъ личную для себя обиду... Посланный, съ которымъ я ей отправила письмо въ ноябрѣ 1918 г., какимъ-то чудомъ сумѣлъ пробраться изъ Петербурга въ Мисхоръ. Но выполнивъ порученіе, сразу-же слегъ въ тяжеломъ сыпнякѣ. Что стало съ нимъ потомъ — я не знаю.

Тихіе солнечные дни въ Bath. По утрамъ княгиня спускалась въ городъ пить цѣлебную воду, днемъ мы катались по окрестностямъ, вечерами раскладывали пасьянсы. Со стороны глядя, полная тишина и спокойствіе. Но на сердцѣ съ каждымъ днемъ наростала и усиливалась тревога. Краткія газетныя сообщенія становились все страшнѣе. По всей Россіи новая волна террора. Глухо упоминалось о массовыхъ арестахъ, разстрѣлахъ... Что-то дѣлается въ бѣломъ домикѣ на Фурштадтской?

Изъ "Писемъ которыя до него не дошли":

"Наперекоръ всѣмъ законамъ механики, сила Вашего притяженія не только не уменьшается обратно пропорціонально квадрату разстоянія, а чѣмъ дальше, и главное чѣмъ дольше, тѣмъ все сильнѣе даетъ себя чувствовать. Скоро наступитъ моментъ, когда сила эта, преодолѣвъ и сопротивленіе инерціи, и цѣпкость родительской любви, и голосъ благоразумія, понесетъ меня сквозь всѣ препятствія по прямой линіи въ Петроградъ. Со времени моего

отъѣзда изъ Россіи я не получила ни одного письма. Ставлю ультиматумъ судьбѣ: ежели наступающая недѣля не принесетъ мнѣ успокоенія, я начинаю дѣйствовать...

Конечно, всѣ мнѣ говорили, что это безуміе: думать о томъ, чтобы въ настоящее время возвращаться въ Россію — для этого надо быть сумасшедшей. Доказывали, что, во-первыхъ, это мнѣ никогда не удастся: граница сейчасъ закрыта, всякія сношенія съ Россіей порваны. А въ случаѣ удачи — что я могу тамъ сдѣлать, чѣмъ смогу помочь? Мое присутствіе явится только лишнимъ бременемъ въ и безъ того тяжелой обстановкѣ. Не знаю, можетъ быть они и правы. Можетъ быть, дѣйствительно не удастся мнѣ проникнуть въ Россію. Можетъ быть, и правда, не будетъ отъ меня никакой помощи. Можетъ быть... А все-таки, дольше здѣсь оставаться я не могу. По крайней мѣрѣ, проѣду въ Финляндію, поближе къ русской границѣ; оттуда легче будетъ узнать о томъ, что творится въ Петроградѣ, попытаюсь какъ-нибудь снестись съ П. П. А тамъ видно будетъ.

Разставаніе съ дочерью... Она еще мала и плохо отдаетъ себѣ отчетъ въ происходящемъ: жизнь часто насъ разлучала, развѣ этотъ разъ чѣмъ-нибудь отличенъ отъ предыдущихъ? Мой поѣздъ уходитъ рано утромъ. Княгиня еще въ постели; прощаясь, она меня благословляетъ крестнымъ знаменемъ, и я выхожу отъ нея со слезами на глазахъ. Софка и Миссъ Кингъ провожаютъ меня на станцію.

Слѣдуютъ нѣсколько дней суетни въ Лондонѣ: паспортъ, визы и т. д. Подыскиваю школу для Софки. Закупаю цѣлый ящикъ всевозможныхъ консервовъ: страшно подумать, сколько въ такомъ ящикѣ заключено потенціальной радости для нихъ, тамъ, въ Петроградѣ. Но удастся-ли довезти?

Останавливаюсь этотъ разъ у Феликса Юсупова. Удивительная квартира, удивительна обстановка и окружающіе люди, удивителенъ самъ Феликсъ. Не знаю никого, кто-бы такъ умѣлъ обворожить. Точно мы любимъ людей за ихъ добродѣтели!

Подготовленія къ отъѣзду осложняются еще множествомъ порученій, которыми заваливаютъ меня со всѣхъ сторонъ. Этотъ проситъ навѣстить родныхъ въ Петроградѣ, тотъ провѣдать, что дѣлается на его квартирѣ, третій не знаетъ, въ живыхъ-ли еще его старуха мать. Какъ тутъ отказаться?

Эсъ-эсъ*) пріѣхалъ изъ Парижа. Съ Эсъ-эсъ связываетъ меня давнишняя дружба, и нѣсколько мѣсяцевъ совмѣстной жизни при большевикахъ, и наконецъ общій арестъ, съ предшествовавшимъ ему ночнымъ обыскомъ, во время котораго я, затаивъ дыханіе, ожидала — доберутся-ли товарищи до одного уголка надъ печкой, куда впопыхахъ заброшенъ былъ мною портфель съ бумагами — такими бумагами, о содержаніи коихъ и по сей день жутко вспомнить. Отыщи ихъ товарищи въ ту ночь, и біографія моя несомнѣнно закончилась-бы тогда-же. Но это, согласно знаменитой формулѣ Киплинга, "совсѣмъ другая исторія".

---

*) По понятнымъ причинамъ, нѣкоторыя имена въ этой книгѣ пришлось замѣнить именами вымышленными.

Эсъ-эсъ очень-бы хотѣлъ удержать меня отъ поѣздки, но понимаетъ, что отговаривать безполезно. Чтобы оказать мнѣ услугу, предлагаетъ дать мнѣ письмо къ Л. Б. Красину, котораго онъ давно знаетъ и съ которымъ связанъ многими, хотя и не совсѣмъ мнѣ понятными нитями. Принимаю съ благодарностью, — почемъ знать, возможно, что въ дальнѣйшемъ письмо это мнѣ пригодится.

Тутъ помѣщается эпизодъ, какъ будто незначительный, но имѣвшій сложныя и весьма для меня непріятныя послѣдствія. Нѣсколько дней послѣ разговора съ Эсъ-эсъ, я завтракала въ предмѣстьи Лондона у своей двоюродной сестры Софьи Эйбиси. Мужъ Софьи, морякъ, причастенъ былъ въ то время къ нашей морской развѣдкѣ заграницей. Вмѣстѣ со мною завтракалъ у нихъ въ тотъ день одинъ изъ коллегъ Эйбиси, ѣхавшій черезъ нѣсколько дней по дѣламъ службы въ Норвегію. Назову его Н. Узнавъ, что у меня мужъ въ Петроградѣ, Н. любезно предложилъ, не хочу - ли я воспользоваться исключительно вѣрной оказіею и переправить мужу письмо. Очень обрадовалась и тутъ-же, послѣ завтрака, сѣла писать П. П. Имѣя ввиду исключительность представившагося случая, писала откровеннѣе обычнаго: упомянула и о своихъ планахъ, и о томъ, что везу на всякій случай съ собою письмо къ Л. Б. Красину. Искренно поблагодарила Н. за его любезность. Нѣсколько дней спустя покинула Лондонъ.

Эсъ-эсъ поѣхалъ проводить меня до Ньюкастля, гдѣ я садилась на пароходъ. На душѣ тоскливо и томительно. Впереди полная неизвѣстность. Правда, гадалка въ Лондонѣ увѣряла меня, что все окончится благополучно и что она ясно видитъ меня съ мужемъ, разгуливающими по Пиккадилли,

но какъ знать, говорило-ли въ ней истинное вдохновеніе или всего лишь необходимость какъ-нибудь оправдать полученную гинею? Пароходъ, наконецъ, трогается подъ лязганье цѣпей, подъ размахиванье платочками и громкія пожеланія "счастливаго пути"... (какъ въ молодости мы всегда презираемъ эти стандардизированныя проявленія чувства!)... Стою на палубѣ, опершись о перила и долго смотрю на удаляющійся берегъ и на все уменьшающуюся фигуру Эсъ-эсъ.

ГЛАВА II.

Hätte Gott mich anders gewollt,
Er hätte mich anders gebaut.
Goethe.

Въ Стокгольмѣ ждетъ меня ударъ: получено извѣстіе о томъ, что П. П. арестованъ. Привезъ это свѣдѣніе только что перебравшійся черезъ границу баронъ Б. Э. Нольде, который самъ былъ арестованъ въ одно почти время съ П. П. Но его выпустили, а П. П. остался.

Этимъ отметаются послѣднія сомнѣнія относительно необходимости моей поѣздки въ Россію: безъ посторонней помощи выбраться изъ большевицкой тюрьмы немыслимо. Въ то же время, однако, доходятъ до меня со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія о томъ, что переходъ границы связанъ сейчасъ съ чуть - ли не непреодолимыми трудностями. Знаю одно: where there's a will, there's a way. По прошествіи нѣсколькихъ дней ѣду въ Гельсингфорсъ.

Въ Гельсингфорсѣ сразу принимаюсь за дѣло. У меня имѣются адреса нѣсколькихъ "спеціалистовъ" по переправленію черезъ границу. Моя цѣль ясна: такъ или иначе мнѣ надо добраться до Петрограда. За деньгами дѣло не стало, трудности или

опасности въ расчетъ не принимаются. Отвѣты получаю уклончивые: сейчасъ исключительно трудный моментъ, надзоръ за границею весьма усиленъ, даже курьеры развѣдки временно не ходятъ. Надо обождать нѣсколько дней, выяснить обстановку, посмотрѣть, какъ и что: зайдите опять въ концѣ недѣли.

Выжидаю довольно спокойно. Встрѣчаю кое - какихъ знакомыхъ. Тутъ и старый пріятель Агуэра, перебравшійся сюда изъ Швеціи, и милый, веселый совѣтникъ нашей миссіи въ Стокгольмѣ — Беръ, развлекающій насъ по вечерамъ пѣніемъ цыганскихъ романсовъ. Но дни идутъ, а мои дѣла ни съ мѣста. Хуже того: тѣ-же лица встрѣчаютъ меня теперь опредѣленнымъ отказомъ: "Переправить васъ черезъ границу сейчасъ не беремся. Обождите нѣсколько недѣль, тамъ видно будетъ". Нѣсколько недѣль! Когда П. П. сидитъ въ тюрьмѣ! Когда каждый день можетъ тамъ вспыхнуть новая волна террора... Нѣсколько недѣль, когда каждый часъ дорогъ. Нѣтъ, что-бы тамъ ни было, а я должна перебраться на ту сторону.

Обращаюсь къ генералу Юденичу, командующему Сѣверо - Западной Арміей. Любезно принимаетъ, любезно выслушиваетъ, поглаживаетъ длинные усы, обѣщаетъ сдѣлать "все отъ него зависящее". Дѣйствительно сдѣлаетъ? Или это только трафаретная учтивая формула?.. Черезъ короткое время убѣждаюсь, что практическихъ результатовъ не будетъ. Изъ-за "учтивой формулы" потеряла нѣсколько дней.

Случайно въ холлѣ гостинницы встрѣчаю Лили Демидову, которую знаю съ дѣтства. Сейчасъ Лили находится въ томъ-же состояніи тревоги, что и я; но не за мужа (она не была замужемъ), а за сестру,

за Вѣру, оставшуюся въ Россіи. Лили мучаютъ самыя мрачныя предчувствія: отъ Вѣры уже сколько времени нѣтъ вѣстей. "Но послушай, Лили, вѣдь твои страхи не обоснованы. П. П., какъ мужчина, рискуетъ несравненно больше, чѣмъ Вѣра. Къ тому-же, намъ достовѣрно извѣстно, что онъ въ тюрьмѣ. А ты-же сама только что убѣждала меня не терять надежды". Все это было ни къ чему: какимъ - то непостижимымъ образомъ она знала... Дѣйствительно, предчувствіе не обмануло. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя пришло извѣстіе о томъ, что за отказъ выдать мѣстонахожденіе мужа Вѣру разстрѣляли. Сначала, будто-бы, пытали. Звѣрскимъ образомъ...

Лили берется свести меня къ генералу Маннергейму. Диктаторъ Финляндіи — его слово здѣсь законъ. Что для него такая мелочь, какъ помочь мнѣ перебраться черезъ границу! Генералъ принимаетъ насъ отмѣнно любезно, долго съ нами бесѣдуетъ, обѣщаетъ разузнать насчетъ границы. Мое настроеніе сразу подымается. Увы! не надолго. Черезъ нѣсколько дней получаю отвѣтъ: "Переходъ границы въ настоящее время невозможенъ; обождите нѣсколько недѣль, быть можетъ, положеніе измѣнится". Все та-же сказка про бѣлаго бычка. Что-же мнѣ теперь дѣлать? Ужъ если диктаторъ не помогъ, у кого еще искать поддержки? О томъ, чтобы "ждать нѣсколько недѣль" не можетъ, конечно, быть и рѣчи. Остается одно: правдой или кривдой добраться самой до границы и на мѣстѣ поискать проводника. Затрудненіе въ томъ, что вся пограничная полоса на военномъ положеніи, безъ особыхъ разрѣшеній туда не пускаютъ. Принимаюсь хлопотать.

Гельсингфорсъ, сначала казавшійся такимъ милымъ, чистенькимъ, уютнымъ — съ каждымъ

днемъ становится все тоскливѣе. Медленные, тяжелые финны, ненавидящіе все русское, на каждомъ шагу ставящіе намъ препятствія, срывающіе на насъ свои вѣковыя обиды*). Мы тогда еще не привыкли къ положенію "паріевъ Европы" и всякое національное оскорбленіе больно задѣвало самолюбіе. Съ непривычки. (Впрочемъ, я несправедлива. Были у меня среди финляндцевъ и друзья, — милые сердечные, гостепріимные. Что-бы я безъ нихъ дѣлала? Да и что-бы мы всѣ дѣлали, пожелай тогда финляндское правительство закрыть доступъ въ свою страну русскимъ бѣженцамъ? Вѣдь, по сравненію съ этимъ, все остальное мелочи)!

Тутъ-же рядомъ попадались намъ и былые наши союзники. Глядя на нихъ, сердца наши тихо млѣли отъ зависти. Подчеркнуто высокомѣрные, холеные, блестящіе, сыпающіе деньгами; для нихъ всѣ двери настежь, передъ ними всѣ на заднихъ лапкахъ. Они господа положенія и даютъ это чувствовать. Все то же вѣковое —

«Vae victis!»

Начинаю приходить въ недоумѣніе. Изъ всѣхъ моихъ хлопотъ, всей моей бѣготни, ничего не выходитъ. Всѣ усилія разбиваются о какую - то невидимую стѣну. Теряю терпѣніе, мечусь отъ одного къ другому, спорю, убѣждаю... Толка никакого.

Однажды, подъ вечеръ, докладываютъ мнѣ посѣтителя. Фамилія мнѣ незнакомая. "Кто такой?" — "Русскій офицеръ". — "Просите".

---

*) Отъ друзей, недавно посѣтившихъ Финляндію слышала, что сейчасъ тамъ нѣтъ ничего похожаго на то руссофобство, коимъ сопровождался подъемъ національной гордости въ первые мѣсяцы финляндской самостоятельности. Русскимъ живется въ Финляндіи не хуже, а во многихъ отношеніяхъ даже и лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Онъ начинаетъ такъ: "Я товарищъ Павлика Шувалова. Знаю, что вы его родственница и близкая пріятельница. То, что я дѣлаю сейчасъ, я дѣлаю исключительно ради Павлика, которому глубоко преданъ, хотя этимъ я и нарушаю служебную тайну. Я пришелъ васъ предупредить. Вы собираетесь въ Россію. Имѣйте ввиду, что васъ не пропустятъ. Не большевики, нѣтъ. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что англійская развѣдка въ Гельсингфорсѣ получила предупрежденіе о томъ, что вы являетесь виднымъ большевицкимъ агентомъ и везете письмо Троцкому. Не спрашивайте меня, откуда исходятъ эти свѣдѣнія; я не знаю, а если-бы и зналъ, не въ правѣ былъ-бы вамъ этого раскрывать. Я лично убѣжденъ въ томъ, что это неправда, иначе-бы я, конечно, не былъ здѣсь. Но повторяю, вамъ лучше отказаться отъ всякихъ попытокъ пробраться въ Россію. Имѣется приказъ васъ не пропускать, а если вы все-таки пойдете, то можете быть увѣренной, что васъ либо арестуютъ, либо пристрѣлятъ на границѣ". Больше я ничего отъ него не добилась. Помню только, какъ уходя, уже въ дверяхъ, онъ обернулся и сказалъ: "Кстати, если имѣются у васъ какіе-нибудь компрометирующіе документы, совѣтую вамъ ихъ уничтожить". Дверь безшумно за нимъ затворилась.

Что испытывала старушка, проснувшаяся отъ летаргическаго сна въ закрытомъ гробу, въ то время какъ траурная процессія переходила Николаевскій мостъ по пути на Смоленское кладбище? Что испытывалъ знаменитый банкиръ Левенштейнъ въ то мгновеніе, когда ошибясь на своемъ аэропланѣ дверьми, онъ вдругъ понялъ, что ступилъ не на полъ уборной, а въ безконечную пустоту надъ Ла-

маншемъ? Что, наконецъ, чувствовали тѣ несчастные, что сидя въ окопахъ, внезапно, по неосмотрительности какого-то разсѣяннаго наблюдателя, попадали подъ ураганный огонь своей-же артиллеріи? Что? Удивленіе, боль, негодованіе, отчаянье?

Мнѣ съ первой - же минуты было ясно, что изъ создавшагося положенія, несмотря на всю его нелѣпость, выпутаться будетъ далеко не просто. Во всякомъ случаѣ, трудно будетъ это сдѣлать быстро. Для меня-же time было не money, а несравненно больше: на картѣ стояла свобода, а можетъ быть и голова П. П. Я могла, конечно, шумѣть, ругаться, опровергать, доказывать... Но все это было бы хуже, чѣмъ безполезно. Такого рода дѣла должны улаживаться неслышно: вытаскивать ихъ на свѣтъ Божій, устраивать скандалъ, — это только себѣ-же на голову. Очевидно, лучше всего было-бы мнѣ найти лицо, достаточно близко меня знающее, чтобы гарантировать гдѣ нужно абсурдность взводимыхъ на меня обвиненій и въ то-же время настолько вліятельное, чтобы слово его было принято на вѣру. Однако, какъ на зло, никакихъ вліятельныхъ друзей у меня въ то время въ Финляндіи не было. Ничего какъ будто не оставалось дѣлать, какъ ѣхать улаживать возникшее недоразумѣніе въ Стокгольмъ. Тамъ это, навѣрное, будетъ не трудно устроить, но слишкомъ обидно было изъ-за такой глупости терять столько драгоцѣннаго времени.

Ломаю себѣ голову надъ тѣмъ, откуда могла вынырнуть такая дикая сплетня. Кто мой врагъ? Мнѣ трудно себѣ представить, чтобы кто-нибудь могъ сознательно хотѣть причинить мнѣ зло. Неужели есть такой человѣкъ на свѣтѣ? Или это про-

сто ошибка, какое-то фантастическое недоразумѣніе, случайное совпаденіе неизвѣстныхъ мнѣ фактовъ? Чутьемъ чую, что вся эта исторія таинственными нитями связана съ письмомъ, которое Эсъ-эсъ далъ мнѣ для Красина. Знаю, что надо письмо уничтожить, но долго не могу рѣшиться разстаться съ драгоцѣнной бумажкой: она, вѣдь, тотъ главный козырь, на который я разсчитывала для спасенія П. П. изъ тюрьмы. Но ничего не подѣлаешь. Запираю дверь на ключъ и тщательно на свѣчѣ сжигаю все письмо до конца. Пепелъ стираю въ порошокъ и пускаю изъ окна по вѣтру.

Чувствую себя вродѣ какъ заяцъ въ западнѣ, какъ Шарпантье противъ Демпсей за секунду до "нокъ аут-а". Сдаться, уѣхать, начать все сначала? Или идти напроломъ, махнувъ рукой и на красныхъ и на бѣлыхъ? Мысли одна другой мрачнѣй, планы одинъ другого непрактичнѣе сплетаются въ мозгу въ лихорадочный клубокъ. Изъ подсознанія выплываютъ всѣ когда-либо слышанные разсказы объ ужасахъ, творящихся въ Чека. Пока я тутъ бездѣйствую, П. П. казнятъ, пытаютъ, разстрѣливаютъ... Въ разстроенномъ воображеніи мелькаютъ картины одна другой невыносимѣе: желтолицые палачи... темный подвалъ съ лужами запекшейся крови... крики пытаемыхъ... голыя тѣла, въ мукахъ, извивающіяся на склизкомъ полу... И разумъ и воля безсильны обуздать расходившіеся нервы. Я бѣгаю изъ угла въ уголъ по маленькой своей комнатѣ въ Societätshuset'ѣ, я валяюсь на постели, зарывъ голову въ подушки, я лежу на полу и реву, до крови искусавъ себѣ пальцы. Курю папиросу за папиросой, до тошноты, до головокруженія. Но отъ этого не легче.

Я ходила въ соборъ молиться, ставила свѣчу

передъ чудодѣйственной иконой. Я бродила ночи напролетъ по улицамъ города, просиживала часами на какой - нибудь заброшенной скамейкѣ, тупо глядя впередъ передъ собою, до тѣхъ поръ, пока любопытные взгляды городового или шаблонныя приставанія ночного гуляки не заставляли меня сдвинуться съ мѣста. Подъ утро я возвращалась къ себѣ въ гостиницу, падала въ изнеможеніи на кровать и плакала...

When night is darkest then dawn is nearest. Какъ разъ въ это время въ Гельсингфорсъ пріѣхалъ Эйбиси. Эйбиси, самъ причастный къ развѣдкѣ, работающій въ Лондонѣ совмѣстно съ англичанами — лучшаго deus ex machina судьба не могла мнѣ послать. "Сандикъ, Сандикъ, какое счастье что ты пріѣхалъ!"

Эйбиси отправился къ начальнику англійской развѣдки въ Гельсингфорсѣ:

— Скажите пожалуйста, правда - ли что у васъ имѣются свѣдѣнія противъ княгини Волконской?

Справляются въ доссье.

— Да, въ ней подозрѣваютъ большевицкаго агента. Свѣдѣнія получены изъ вашей-же организаціи.

— ???

Все выяснилось: недоразумѣніе произошло изъ-за моего письма къ П. П., которое взялся ему переслать морской офицеръ, встрѣченный мною у Эйбиси въ Лондонѣ. Письмо мое онъ вскрылъ и прочитавъ о томъ, что я заручилась на случай бѣды рекомендаціей къ какому - то таинственному Л. Б. (я изъ осторожности не проставила цѣликомъ имени Красина, а лишь его иниціалы Л. Б. — Ле-

онидъ Борисовичъ), сдѣлалъ изъ этого абсурдный выводъ, что я агентъ Троцкаго, (усмотрѣвъ должно быть подъ "Л. Б." страшный обликъ Льва Бронштейна), и сразу-же побѣжалъ къ англичанамъ: ловите - де большевичку.

Глупость на службѣ у ложно понятаго чувства долга? Неумѣнье критически мыслить въ связи со всегдашней военной шпіоно - маніей?.. Ну, да ладно, all's well that ends well. А съ вами, Н., мы еще когда-нибудь посчитаемся.

Теперь, что путанница съ развѣдками ликвидирована, дѣло очевидно быстро пойдетъ на ладъ. Эйбиси обѣщаетъ самъ заняться моимъ путешествіемъ. Чего - же лучше? Ужъ кто-кто, а этотъ сумѣетъ помочь. Самое позднее — черезъ двѣ недѣли я буду въ Петроградѣ.

Отчего это не случилось? Почему проекты наши одинъ за другимъ проваливались, курьеръ, котораго мы ждали запаздывалъ, нужное намъ лицо оказывалось въ отъѣздѣ и т. д.? Одна проволочка за другой. Многое было въ этомъ отъ судьбы, коечто и отъ насъ самихъ. Вѣдь не виноватъ Эйбиси въ томъ, напримѣръ, что у моторной лодки во время пробнаго перегона изъ Выборга въ Гельсингфорсъ испортился въ пути моторъ? Мы пережили при этомъ нѣсколько очень непріятныхъ минутъ и въ результатѣ чуть оба не погибли, съ механикомъ въ придачу. Море было бурное, и большія, казавшіяся огромными, волны неукоснительно несли лодку прямо на скалы. Эйбиси и я схватились за весла; но судорожные удары наши по водѣ совершенно безсильны были хоть сколько нибудь задержать по-

ступательное движеніе лодки по направленію къ скаламъ: весьма непріятнаго вида, прямымъ острымъ скаламъ. Механикъ тѣмъ временемъ ковырялся въ моторѣ. Я положила весла. Будь что будетъ. Эйбиси потомъ увѣрялъ, что мы были на волосокъ отъ гибели. Но мнѣ было не очень страшно; ничего похожаго на тотъ настоящій страхъ, когда кажется, что сердце вотъ - вотъ остановится отъ ужаса. Вѣроятно, я просто не достаточно ярко себѣ представляла, какъ мы черезъ нѣсколько минутъ будемъ тонуть; и какъ волны будутъ бить наши тѣла объ эти, съ каждою секундой къ намъ приближавшіяся, острыя, черныя скалы. Казалось, спасенію придти было не откуда: въ способностяхъ нашего механика я успѣла уже до этого изрядно разувѣриться. Но чего только не сдѣлаетъ человѣкъ, когда смерть глядитъ ему прямо въ глаза. Даже умъ у него появится. Помнится, ужъ и Эйбиси бросилъ весла въ сознаніи полной безнадежности нашего положенія, когда моторъ вдругъ зафыркалъ, закашлялся и — заработалъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы были внѣ опасности.

Ясно, что во всей этой исторіи Эйбиси ничуть не былъ повиненъ. Планъ - же былъ хорошій: Эйбиси ночью провезетъ меня на быстроходной моторной лодкѣ мимо Кронштадтскихъ фортовъ и высадитъ на берегу гдѣ-нибудь возлѣ Ораніенбаума, откуда я уже собственными силами сумѣю добраться до Петрограда. Но на новую лодку не было денегъ, а основательное исправленіе стараго мотора требовало нѣсколькихъ недѣль. Въ результатѣ ничего изъ этого проекта не вышло. И все такъ. Не сомнѣваюсь, что теоретически Эйбиси искренно хотѣлъ мнѣ помочь и дѣлалъ все что могъ, чтобы наладить мой переходъ границы. Теоретически. А на

практикѣ? А на практикѣ, развѣ можетъ не дрогнуть рука, когда приходится самому открывать молодой женщинѣ, къ тому - же еще близкой тебѣ родственницѣ, выходъ на арену съ дикими звѣрьми? Развѣ можетъ не заколебаться воля, не возникнуть въ сердцѣ желаніе обставить рискованное предпріятіе возможно большими гарантіями безопасности? И чѣмъ дальше, тѣмъ, видимо, все строже становились критеріи, которымъ долженъ былъ удовлетворять каждый вновь вырабатываемый проектъ. А въ такомъ дѣлѣ развѣ могутъ быть гарантіи безопасности? Вотъ, ничего и не получалось.

Въ моихъ словахъ нѣтъ и тѣни упрека по адресу Эйбиси. Не ему было толкать меня на путь опасности. Настаивать, добиваться было моимъ дѣломъ... но мы всѣ знаемъ, какъ легко поддаться искушенію собственную ношу взвалить на чужія плечи. На себя потомъ и пеняй.

Ранняя осень. Тихіе, свѣтлые дни. Какъ прозраченъ былъ воздухъ вечеромъ на взморьѣ, какъ хороши сосновые лѣса въ окрестностяхъ Гельсингфорса; какъ ярко свѣтила луна и какъ томно квакали лягушки, когда мы ночью возвращались на лодкѣ, тихо скользя мимо спящихъ поселковъ. Эхъ... эхъ... что-то будетъ?

Изъ письма къ моей дочери:

2. VIII. 1919. Still from Helsingfors.

Time seems to have stopped. Nothing changes, nothing happens. No news from Petrograd. No possibility of getting there. The only nice thing these days was the arrival of your two letters from Bath... Am trying to learn Swedish — just for the sake of doing something. It will be one of the many useless things I have done in my life...

Въ концѣ августа Эйбиси заявилъ, что ему надо ѣхать въ Ревель. Штабъ главнокомандующаго туда уже переѣхалъ, русское дѣло все больше сосредотачивалось въ Эстоніи. Тамъ - же находилось и бутзфорское, по командѣ генерала Марша въ двадцать минутъ сформированное, Сѣверо-Западное правительство. Ясно было, что пора и намъ туда перебираться. "Намъ" — ибо не оставаться - же мнѣ одной въ Гельсингфорсѣ. Всѣ мои расчеты на переходъ границы строились на Эйбиси, на его развѣдкѣ, его курьерахъ. Не удалось меня переправить изъ Финляндіи, удастся изъ Эстоніи. Ужъ и такъ упущено слишкомъ много времени.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Гельсингфорса я отправилась къ профессору N., бывшему моему учителю и одному изъ первыхъ хирурговъ въ Россіи; а также одному изъ благороднѣйшихъ людей на бѣломъ свѣтѣ.

"Профессоръ, я къ вамъ съ большою просьбою: мой мужъ находится въ совѣтской тюрьмѣ и мнѣ надо идти его выручать. Вы сами знаете, какъ незавидна участь тѣхъ, кто попадается въ руки краснымъ. Въ особенности женщинъ. Приходится молиться о томъ, чтобы смерть была скорой и не слишкомъ мучительной. Держать - же при себѣ револьверъ не всегда возможно: спрятать его трудно, а въ случаѣ ареста оружіе является лишней противъ васъ уликой. Мнѣ-бы надо имѣть нѣчто менѣе громоздкое, чѣмъ револьверъ".

Я замолчала. Молчалъ и профессоръ, задумчиво глядя помимо меня, куда - то вдаль, въ раскрытое окно. Казалось, онъ про меня забылъ. Прошло нѣсколько минутъ... Можетъ быть, я напрасно къ нему обратилась?

— Что-же вы, собственно, хотите?

— Думаю, что хорошая доза морфія будетъ въ данномъ случаѣ наиболѣе подходящей.

— Почему-же вы обращаетесь ко мнѣ? Вы сами врачъ и имѣете такое же право какъ и я прописывать сильно - дѣйствующія средства".

— По закону — да. Но вѣдь въ жизни это не совсѣмъ такъ. Quod licet Jovi...

Онъ усмѣхнулся.

— Сколько - же вамъ нужно?

— Это, профессоръ, предоставляю вамъ.

Онъ пододвинулъ бумагу и сталъ писать. Проставилъ число, расписался.

— Вотъ.

— Благодарю васъ, профессоръ.

Странно устроенъ нашъ языкъ. Тѣ-же два слова для сосѣда, передавшаго мнѣ за столомъ горчицу, и въ такомъ случаѣ, какъ сейчасъ. "Благодарю васъ, профессоръ".

Съ тѣхъ поръ я больше съ нимъ не встрѣчалась. Помнитъ - ли онъ меня — не знаю. Что - же до меня, то я твердо увѣрена, что никакая, даже самая злостная амнезія не въ состояніи будетъ вытравить изъ моей психики памяти о профессорѣ N.

Тихій, старый Ревель лихорадочно забредилъ: штабъ русскаго главнокомандующаго, штабъ эстонскаго главнаго командованія, чины обѣихъ армій, члены правительства — Сѣверо - Западнаго и мѣстнаго, эстонскаго, иностранныя миссіи, развѣдки, контръ - развѣдки и проходимцы всѣхъ національностей и безо всякой національности, — было отъ чего забредить. Всѣ гостиницы переполнены, всѣ меблированныя комнаты сданы, всѣ кофейни набиты народомъ, въ загородныхъ ресторанахъ и

увеселительныхъ мѣстахъ до поздней ночи музыка, шампанское, скандалы. Весело.

Мы съ Сандикомъ поселились за городомъ, у самаго Екатериненталя: двѣ чистенькія комнаты, аккуратная старенькая хозяйка, рядомъ паркъ. Чего - же больше? Правда, не было ни ванной комнаты, ни центральнаго отопленія, ни текучей воды въ комнатахъ, но смѣшно было - бы на такихъ пустякахъ останавливаться. Вѣдь не комфорта ради мы пріѣхали въ Ревель.

Въ первый-же день Сандикъ свелъ меня къ Старосольскому, представителю организаціи въ Ревелѣ; онъ-де и устроитъ мой переходъ границы. Небольшого роста, черный, подвижной, съ хитрыми бѣгающими глазами. Онъ сразу меня не взлюбилъ: ему, видимо, не нравилась ни моя дружба съ Эйбиси, ни то, что мы вмѣстѣ пріѣхали въ Ревель. Ему, должно быть, казалось, что Эйбиси такъ долго задерживается на Балтикѣ изъ - за желанія помочь мнѣ переправиться черезъ границу. Онъ думалъ, но по совѣсти говоря, я не имѣю ни малѣйшаго права утверждать, что онъ думалъ то или иное. Онъ мнѣ своихъ тайныхъ мыслей не повѣрялъ, держался-же онъ со мною всегда вполнѣ корректно и любезно. Что-же касается Эйбиси, то онъ безъ сомнѣнія хотѣлъ мнѣ помочь. Но что-бы ни говорить, а мы всѣ знаемъ, что Эйбиси не изъ числа тѣхъ, что способны пожертвовать интересами дѣла ради какихъ-бы то ни было личныхъ побужденій. Если онъ считалъ нужнымъ оставаться въ Эстоніи, надо полагать, что онъ уже и тогда зналъ о готовящемся на Западномъ фронтѣ наступленіи. Разразившіяся вскорѣ событія явились блестящимъ подтвержденіемъ правильности взятой имъ линіи.

Возможно также, что Старосольскій дорожилъ

своею самостоятельностью, которую присутствіе Эйбиси до извѣстной степени ограничивало. Не знаю. Я-же была убѣждена, что еслибы только Эйбиси занялся моимъ дѣломъ немного интенсивнѣе, немного больше приложилъ усилія, то цѣль моя давно была - бы достигнута. Впрочемъ, должна оговориться: если Старосольскій былъ въ своихъ сужденіяхъ пристрастенъ, то я-то ужь подавно была пристрастна.

А время шло. Въ Ревелѣ повторялось то-же, что въ Гельсингфорсѣ: то ожидавшійся курьеръ не пришелъ, то на границѣ не спокойно и надо дать волненію улечься, то необходимо дождаться полученія какихъ-то важныхъ свѣдѣній и т. д. и т. д. Я все время жила увѣренностью, что если не на этой, то на будущей недѣлѣ я непремѣнно отправлюсь. Дни летѣли съ невѣроятной быстротой.

Равновѣсіе было нарушено рядомъ категоричныхъ телеграммъ изъ Лондона, требовавшихъ, чтобы Эйбиси немедленно туда вернулся. Я не старалась его удерживать. Не потому, что не хотѣла мѣшать его работѣ, не потому, что проснулось во мнѣ сознаніе необходимости жертвовать личными интересами ради цѣлей общаго большого дѣла. Каюсь. Руководила мною просто увѣренность въ томъ, что старанія мои были-бы напрасны и слова мои былибы горохомъ объ стѣну. Къ тому же, Сандикъ очень убѣдительно мнѣ доказывалъ, что его присутствіе не имѣетъ для меня теперь значенія, что всѣ необходимыя мѣры приняты, Старосольскій будетъ держать меня въ курсѣ всего, и самое позднее черезъ десять дней я перейду границу; въ Ревелѣ онъ или нѣтъ, — это рѣшительно ничего не мѣняетъ. Такъ - то оно такъ, и все это звучало вполнѣ

логично. Но я не разсуждала логично. Развѣ можно логикою успокоить расходившіеся женскіе нервы? Эйбиси былъ моею главной опорою; и фактически, и психологически. Съ его отъѣздомъ почва выскользала у меня изъ подъ ногъ.

Потянулись длинные, тоскливые дни. Дѣлать было рѣшительно нечего, книги давно всѣ перечитаны. Ни одного, не то что хорошаго, а даже самаго плохенькаго детективнаго романа; даже книгѣ Эдгара Уолласа я - бы тогда обрадовалась.

Ѣздила въ Фалль знакомиться съ новымъ beau frère' омъ и его многочисленною семьей. Я много слышала отъ П. П. о прекрасномъ старомъ Фаллѣ, въ которомъ протекло все его дѣтство; о паркѣ, простиравшемся до самаго моря, о мостикѣ, аркою перекинутомъ черезъ рѣчку, о старомъ домѣ съ окнами на водопадъ.

Прекрасный старый Фалль!

Неужели толпа, громившая его, бившая вещи, рвавшая книги, уничтожившая все въ домѣ вплоть до послѣдней фарфоровой бездѣлушки, усыпавшая всѣ полы сплошь, точно густымъ бѣлымъ ковромъ, сотнями и сотнями вырванныхъ изъ книгъ печатныхъ страницъ, — неужели эта толпа состояла не изъ гориллъ, а изъ людей, такихъ - же людей, какъ мы съ вами? Мы, какъ классъ, осуждены были на погибель; со всей нашей культурой, нашими традиціями, идеалами и понятіями о чести — всѣмъ тѣмъ, что заставляло жгучею завистью изнывать сердца пролетаріевъ. Осудили насъ не они. Осудила исторія, — Ленинъ взялъ лишь на себя роль добровольнаго палача. Осудила не столько за грѣхи — не было, вѣроятно, въ мірѣ класса болѣе высоко

идейнаго нежели русское дворянство конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія, сколько за ошибки (правъ таки былъ Талейранъ съ его: « C'est pire qu'un crime — c'est une faute »).

А каковы именно были эти ошибки, узнаютъ должно быть изъ учебниковъ исторіи наши правнуки.

Бѣдный старый Фалль. Изо всего, что было въ домѣ, уцѣлѣлъ лишь одинъ единственный предметъ — огромная ваза изъ темнаго ясписа, вышиною больше человѣческаго роста, стоявшая когда-то въ Зимнемъ Дворцѣ и подаренная Императоромъ Николаемъ Первымъ шефу жандармовъ графу Бенкендорфу, прадѣду П. П. Ваза была опрокинута, сброшена съ пьедестала на полъ, — ее били, топтали, рубили топорами, но разбить все-таки не смогли. Царская ваза одна устояла противъ злобной ярости разнузданной толпы. Какая символика!

Я-бы легко могла принять приглашеніе beau frère'a и остаться погостить въ Фаллѣ, еслибы не чувство тоскливаго безпокойства, охватывавшее меня каждый разъ что я хотя-бы не на долго уѣзжала изъ Ревеля. Стоило мнѣ отъѣхать на нѣсколько верстъ отъ города, какъ уже начинало томить меня предчувствіе какихъ - то необыкновенныхъ событій, увѣренность, что вотъ сейчасъ разыгрываются тамъ дѣла необыкновенной важности и что, благодаря моему отсутствію, я упущу оказію, которую такъ давно и такъ безплодно ожидаю. Въ лихорадочной тревогѣ, сломя голову спѣшила я обратно въ городъ, съ тѣмъ лишь, чтобы убѣдиться, что ничего особеннаго за это время не случилось и что время моего отправленія столь-же неопредѣленно, какъ и раньше. И вновь тянулись длинные, тоскливые дни ожиданія.

Можно какъ угодно кичиться собственной самостоятельностью, но бываютъ моменты,когда одиночество больше не подъ силу; когда самый съ виду незначительный разговоръ или какіе - нибудь полчаса, проведенные въ бесѣдѣ съ друзьями являются той благодѣтельной дозой брома, которая лучше всякаго лекарства успокаиваетъ нервы и отвращаетъ угрозу новой безсонной ночи. Я знала, что въ семьѣ Л. А. Зиновьева я всегда встрѣчу радушный пріемъ и что, сидя у нихъ за чайнымъ столомъ, легко смогу свести на нѣтъ какой - нибудь особенно пугающій перспективой своихъ длинныхъ пустыхъ часовъ вечеръ. Бывала я и у Фольмеръ - Ганзеновъ — краснокрестныхъ датчанъ, у которыхъ подъ звуки грамофона танцовали по воскресеньямъ фокстротъ англійскіе офицеры и неопредѣленные иностранцы всѣхъ національностей. Госпожа Фольмеръ - Ганзенъ оказала мнѣ большую услугу: научила меня штопать чулки. Странно теперь подумать, что только послѣ 30-ти лѣтъ пришлось мнѣ впервые столкнуться съ проблемой рваныхъ чулокъ. Помню плачевные результаты первыхъ моихъ попытокъ стянуть края дыры крупными стежками, подобными тѣмъ, какими принято на операціонномъ столѣ зашивать брюшину. Говорятъ — "вѣкъ живи, вѣкъ учись" или — "лучше поздно чѣмъ никогда", но признаюсь, что въ данномъ случаѣ "никогда" было-бы мнѣ гораздо болѣе по душѣ.

Однако, главными, единственными имѣвшими значеніе, были мои чуть - ли не ежедневные визиты къ Старосольскому. "И чего вы, княгиня, безпокоитесь", прищурившись говорилъ онъ, "если что будетъ новаго, я вамъ сразу сообщу".

Прошелъ послѣдній срокъ, указанный Эйбиси,

прошло и еще нѣсколько дней... Что-жъ, такъ безъ конца и будетъ?

Я знала, что Эйбиси задержался по дѣламъ въ Стокгольмѣ и только черезъ два дня долженъ былъ выѣхать въ Лондонъ. Зайдя въ ближайшее почтовое отдѣленіе я взяла телеграфный бланкъ и написала: «No further developments stop please come back need you badly». Три дня спустя Сандикъ былъ въ Ревелѣ.

Послѣ чего событія пошли быстрѣе. Помню, какъ темной ночью, подъ дождемъ пробиралась я со Старосольскимъ по пустыннымъ улицамъ стараго Ревеля. Въ грязномъ дворѣ у сапожника помѣщалась конспиративная квартира. Въ обмѣнъ на крупную сумму денегъ получила я тамъ настоящій членскій билетъ, выданный центральнымъ комитетомъ эстонской коммунистической партіи. Предатели имѣются повсюду; да и что мы, порядочные люди, безъ нихъ дѣлали-бы? По виду въ немъ не было ничего особеннаго: лицо какъ лицо, какія бываютъ у интеллигентныхъ рабочихъ или мастеровыхъ. Не было у него ни "маленькихъ бѣгающихъ глазъ", ни "внушающей недовѣріе подленькой усмѣшки", ни "слабовольно очерченной линіи рта" — всѣхъ этихъ классическихъ аттрибутовъ предателя детективнаго романа (знаменитое Оскаръ Уайльдовское «life imitates art» въ данномъ случаѣ не оправдывалось). Съ билетомъ коммунистки я могла не бояться немедленнаго ареста въ Россіи. Тамъ-же условились мы о днѣ и часѣ моей переправы черезъ Псковское озеро. А затѣмъ, молча, осторожно (ужъ не выслѣдилъ-ли кто?) пробирались мы назадъ по тѣмъ - же темнымъ, кривымъ переулкамъ.

Мои чувства были смѣшаны: планъ мнѣ не нравился. Предполагалось, что, переправившись въ Россію, я открыто предъявлю только что купленный мною билетъ и подъ маскою эстонской коммунистки отправлюсь съ даннымъ мнѣ рекомендательнымъ письмомъ къ одному видному большевику въ Псковѣ. Дальше уже мое дѣло убѣдить его отправить меня въ Петроградъ. Несмотря на кое-какія полученныя мною указанія, ясно было, что все это предпріятіе держится на волоскѣ. Лгать хорошо я не умѣю, всегда избѣгала пользоваться этимъ оруді-емъ трусовъ и слабыхъ. Конечно, сейчасъ мнѣ было не до этическихъ соображеній: я-бы не погнушалась никакимъ средствомъ, пусть даже самымъ низкимъ, самымъ подлымъ, еслибы оно могло содѣйствовать спасенію П. П. Но я знала, что малѣйшій невѣрный шагъ — и все дѣло сорвется. И я попаду въ Чека. Однако, выбора не было. Мысль о новой отсрочкѣ, новыхъ недѣляхъ неопредѣленнаго выжиданія была нестерпима. Будь что будетъ, а мой жребій брошенъ.

Много лѣтъ спустя, въ Парижѣ, я какъ-то спросила Эйбиси: "Скажи мнѣ, Сандикъ, какъ это вышло, что послѣ столькихъ колебаній ты рѣшилъ отправить меня такимъ рискованнымъ и такимъ непріятнымъ путемъ?" Онъ усмѣхнулся и пожалъ плечами: "Такъ, вѣдь, ты-же не отправилась".

Дѣйствительно, не отправилась. Судьба рѣшила иначе. (Зналъ-ли Сандикъ уже тогда о томъ, что готовится? Вполнѣ возможно. И про себя посмѣивался надъ моими нѣсколько торжественными и, въ сущности, совершенно излишними приготовленіями? Тоже вполнѣ возможно).

Такъ ясно помню эти послѣдніе дни въ Ревелѣ, приподнятое настроеніе наканунѣ страшнаго шага и долгія одинокія прогулки по дорожкамъ огромнаго пустыннаго парка, густо усыпаннымъ шуршащимъ желтымъ ковромъ изъ опавшихъ листьевъ; — "На это золото не купишь ничего ты, Но ни за что и не отдашь". Солнечная морозная погода, красивый видъ на взморье и на старый городъ, и впереди, скоро, свиданіе съ П. П.

Мое отправленіе было назначено на вторникъ ночью. А уже въ воскресенье дошли до насъ первые слухи о начавшемся наступленіи Юденича.

Въ слѣдующіе дни вѣсти объ успѣхѣ бѣлыхъ подтвердились: наши войска быстрымъ темпомъ двигались на Петроградъ. Мы ликовали. Въ конечномъ успѣхѣ никто не сомнѣвался. Не сегодня - завтра Петроградъ будетъ взятъ. Большевицкій кошмаръ разсѣется. Начнется новая жизнь. Были, вѣроятно, трезвые голоса — мы ихъ не слыхали. Помню, какой дисгармоніею прозвучало предостереженіе г-жи Фолмеръ - Ганзенъ: "Подождите радоваться, Петроградъ еще не взятъ". Ну, конечно — иностранка, что она понимаетъ въ русской психологіи? Мы чувствовали, мы знали, что долгожданный поворотный пунктъ наступилъ, что народъ проснулся и большевикамъ теперь крышка. Смущала только мысль о возможности послѣднихъ эксцессовъ, знаменитая угроза Троцкаго "хлопнуть дверью". Старалась объ этомъ не думать.

Планъ переѣзда черезъ Псковское озеро для меня теперь самъ собою отпадалъ. И проще и вѣрнѣе слѣдовать за наступающей арміею. Надо было только спѣшить не опоздать къ моменту взятія Пе-

трограда. (И мимолетная страшная мысль — а вдругъ П. П. куда-нибудь увезли?)...

Полученіе документовъ, разрѣшеніе проѣхать на фронтъ, наконецъ, устройство самой поѣздки — все это взяло не много времени. Первый этапъ — Нарва: городъ запруженъ всевозможными штабами, тыловыми учрежденіями, обозами, санитарными повозками и т. д.; шумъ, сутолока, руготня, безпорядокъ. Дальше... дальше... Но желѣзнодорожное сообщеніе еще не налажено и поѣздъ дальше не идетъ. Послѣ короткой рекогносцировки, Эйбиси возвращается съ извѣстіемъ о томъ, что въ Гатчину сейчасъ отправляется грузовикъ Краснаго Креста и что графъ А. Н. Игнатьевъ готовъ любезно предоставить намъ на немъ два мѣста. Благодаримъ и не безъ труда взгромождаемся на какіе - то краснокрестные тюки. Кромѣ насъ ѣдетъ еще и самъ Игнатьевъ, исполняющій сейчасъ роль представителя Международнаго Краснаго Креста, его молоденькій адъютантъ графъ Нирод, Люликъ Мейендорфъ и нѣсколько незнакомыхъ мнѣ молодыхъ людей. При другихъ условіяхъ это было - бы пріятнымъ пикникомъ; но я нахожусь всецѣло во власти собственныхъ мрачныхъ мыслей, и все окружающее для меня—лишь случайные эпизоды на моемъ пути. Грузовикъ тащится медленно — пыхтѣніе мотора, грохотъ, тряска. Меня разбираетъ нетерпѣніе: скорѣе, только бы скорѣе. Наши войска, должно быть, подойдутъ сегодня къ самому Петрограду. Такъ хотѣлось - бы войти въ городъ вмѣстѣ съ первыми разъѣздами. А мы тутъ плетемся. Удары пульса сливаются съ ударами мотора. Кабы только возможно было мускулами сердца выполнить работу поршней въ цилиндрахъ. Какъ-бы мы тогда полетѣли!

На ночь остановились въ Ямбургѣ. Эхъ, Ямбургъ, городъ печальной памяти! Злую шутку сыграла надо мною здѣсь судьба.

Всѣ мы ѣхали на-легкѣ. У меня было съ собою два "мѣста": небольшой чемоданъ со всѣми личными, наиболѣе необходимыми предметами — нѣсколько смѣнъ бѣлья, туалетныя принадлежности, новое мое стило, флаконъ духовъ, которые Эс-эсъ привезъ мнѣ изъ Парижа, электрическій фонарикъ и т. д. Каждый предметъ тщательно выбранъ и обдуманъ, точно для путешествія въ центральную Африку или экспедицію съ Бирдомъ къ южному полюсу; почемъ знать, можетъ быть, пройдетъ много мѣсяцевъ, пока не попаду опять въ цивилизованные края. Второе "мѣсто" — это все тотъ - же ящикъ со съѣстными припасами и консервами, который ѣдетъ со мною изъ Лондона и который зубами и ногтями приходилось отстаивать отъ покушеній со стороны таможенныхъ чиновниковъ всѣхъ странъ — шведскихъ, финляндскихъ, эстонскихъ. Давно, вѣроятно, забросила - бы его, если бы не поддерживала рисуемая воображеніемъ картина: П. П. въ тюрьмѣ, послѣ многихъ мѣсяцевъ совѣтскаго голоданія, ѣстъ сардинки, шоколадъ и настоящіе англійскіе бисквиты, запивая ихъ Мартелловскимъ коньякомъ. Для этого стоило многое перенести. Но о печальной судьбѣ моего ящика рѣчь будетъ впереди.

До Ямбурга мы добрались только къ ночи. Не безъ труда, лишь благодаря энергіи Игнатьева, удалось въ забитомъ войсками городкѣ найти уголъ для ночлега. Ночлегъ корявый — безъ кроватей, даже безъ диванов, но, по крайней мѣрѣ,

крыша и тепло. Въ концѣ октября ночи въ тѣхъ краяхъ холодныя. Автомобиль съ вещами пристроили въ какой - то военный гаражъ. Сами - же, уговоривъ хозяевъ поставить самоваръ, принялись закусывать. Меня вдругъ взяло раздумье: страшно мнѣ стало за мой чемоданъ, оставшійся на автомобилѣ — что, какъ пропадетъ? Это была-бы катастрофа. Хоть и скучно возиться, но вѣрнѣе перетащить его сюда. Прошу Сандика этимъ заняться; отправился съ нимъ и еще кто-то изъ нашей компаніи. На дворѣ уже совсѣмъ черно. Сидимъ, ждемъ: долго что-то наши не возвращаются. Наконецъ, хлопнула дверь въ прихожей. По лицу Эйбиси сразу понимаю, что что-то случилось. И руки у него пустыя. А мой чемоданъ? Да, я угадала — чемоданъ пропалъ. Поставилъ его Сандикъ рядомъ съ автомобилемъ, на минуту отвлекся — чемоданъ исчезъ. Онъ бросился искать, но чемодана и слѣдъ простылъ. Ночь, никто ничего не видѣлъ, мало-ли всякаго народа шляется. Такъ ни съ чѣмъ и вернулся. Принялись мы составлять заявленія этапному коменданту, начальнику гарнизона, мѣстной полиціи, — да гдѣ ужъ тутъ. Вся Сѣверо - Западная армія проходила въ тѣ дни черезъ Ямбургъ, развѣ есть у начальства время думать о какомъ - то тамъ украденномъ чемоданѣ. Но мнѣ-то какъ быть? Ни смѣнной рубашки, ни даже куска мыла, ничего не осталось. О томъ, чтобы купить вещи въ Ямбургѣ или въ Гатчинѣ, и думать нечего. Даже и въ Петроградѣ это врядъ-ли будетъ возможно. Вернуться въ Ревель? Нѣтъ. Пусть буду безъ рубашки, но съ пути я не сверну... Эйбиси сидитъ въ углу, смущенный, несчастный. Смотрю на него злыми глазами: тебѣ непріятно, а мнѣ - то каково!

Рано утромъ двигаемся дальше, на Гатчину.

Я не буду говорить объ общемъ положеніи; ни о томъ отношеніи къ себѣ, какое встрѣчала Бѣлая армія въ отвоеванныхъ отъ большевиковъ областяхъ. Говорятъ, были по деревнямъ торжественныя встрѣчи съ хоругвями и хлѣбъ - солью. Не знаю. Не видѣла. По нашему адресу населеніе не проявляло ни особой радости, ни какой - либо непріязни. Положимъ, мы шли не съ войсками, а нѣсколько дней позади нихъ. Да и контакта съ мѣстными людьми у насъ было мало. Развѣ что шина лопнетъ возлѣ деревни или понадобится воды налить въ радіаторъ. Впечатлѣніе отъ этихъ случайныхъ встрѣчъ было въ общемъ такое: присматриваются, выжидаютъ, главный вопросъ — веземъли продовольствіе. Не берусь судить о причинахъ неудачи Юденичскаго наступленія. Причинъ, вѣроятно, было много: и то, что не сговорились съ Финляндіей, и то, что англичане въ критическую минуту не поддержали. Были, вѣроятно, еще и тысячи другихъ причинъ. Почемъ я знаю. Имѣлъ, вѣроятно, значеніе и недостаточно высокій нравственный уровень бѣлыхъ войскъ. Увы! чего грѣха таить, далеко намъ было до "бѣлыхъ рыцарей". Были и висѣлицы, были и молодцы Балаховича... Однимъ изъ крупныхъ промаховъ нашего командованія было, на мой взглядъ, неумѣніе доставить въ занятыя области продовольствіе. Говорятъ, что еслибы только мы взяли Петроградъ, все было-бы иначе; что уже стояли подъ парами суда, груженныя провіантомъ для Петроградскаго порта; хватило - бы на всю губернію. Возможно, что это и такъ. Даже вполнѣ вѣроятно. Но пока что, населеніе голодало. И логика людей понятна: голодали при красныхъ, голодаемъ и при бѣлыхъ. Гдѣ-же разница? Намъ помогаетъ Англія, съ нами Эстонія, а кромѣ нѣсколь-

кихъ мѣшковъ бѣлой муки (да и то для избранныхъ) ничего подвезти не смогли. Да полно, ужъ такъ-ли мы сильны? Можетъ быть, красные сильнѣе?

Въ Гатчинѣ всей компаніей остановились у моей бывшей квартирной хозяйки, г-жи Пусевой. Два года тому назадъ я тренировалась на летчика въ Гатчинской военной школѣ и прожила у нея все лѣто, снимая для себя нижній этажъ дачи. Какое хорошее это было время. Полеты два раза въ день: подъ вечеръ и рано утромъ, на разсвѣтѣ. Солнце только встаетъ, надъ землей еще держится легкій туманъ, а наверху уже ясно. Нервы взвинчены, душа наслаждается; такъ спокойно и такъ одиноко. А потомъ, выключивъ моторъ, долгій планирующій спускъ — внизъ, на землю. Это было два года назадъ. Многое, очень даже многое можетъ измѣниться за два года.

Приведя себя немного въ порядокъ (да, нелегко мнѣ будетъ безъ моего чемодана), отправились въ штабъ, разузнать, какъ и что. Прошли къ Родзянко. — "Что, завтра будете въ Петроградѣ?" — "Гм... гм..." Однимъ изъ первыхъ моихъ вопросовъ было: "А какъ Павликъ Шуваловъ?" — я знала, что его полкъ принималъ участіе въ бояхъ гдѣто подъ Гатчиной. Родзянко нѣсколько секундъ молчалъ: "Вы развѣ не слыхали?" — "Нѣтъ, что? Раненъ? Убитъ?..." Онъ потупилъ глаза: "Вчера днемъ, недалеко отсюда. Осколкомъ разорвавшагося снаряда раненъ въ бокъ. Скончался въ больницѣ нѣсколько часовъ спустя".

Въ первую минуту не вѣрится. Этого не можетъ быть; произошла ошибка. Не знаю, пережи-

ваютъ - ли другіе люди это секундное колебаніе, точно мысль отказывается воспріять страшное извѣстіе и слова, какъ пустые звуки, скользятъ по поверхности сознанія. И лишь потомъ, когда уже начинаетъ разсѣиваться первичное оцѣпенѣніе, какъ моментальный спазмъ боли прорѣзываетъ всю тебя внезапное пониманіе: ты никогда больше не увидишь его. Никогда.

На слѣдующій день мы его хоронили. Какъ непохожи другъ на друга всѣ тѣ многія похороны, на которыхъ приходилось мнѣ въ жизни присутствовать. Торжественныя офиціальныя церемоніи съ музыкой и войсками, и горячія молитвы за оградой деревенской церкви; похороны во время холерной эпидеміи въ Македоніи — большая зіяющая яма и ряды наскоро сколоченныхъ деревяныхъ гробовъ, торопливо опускаемыхъ въ каменистую землю. Позднѣе — похороны на фронтѣ, походный алтарь подъ открытымъ небомъ, рядъ свѣжихъ холмовъ, и слова священника, заглушаемыя грознымъ гуломъ артиллеріи. Вспоминалось мнѣ, какъ стояла я рядомъ съ Павликомъ на похоронахъ одного изъ нашихъ санитаровъ, убитаго во время обстрѣла. Мы съ Павликомъ работали въ одномъ отрядѣ — Семнадцатомъ Передовомъ Отрядѣ Краснаго Креста, и вмѣстѣ продѣлали весь первый, незабываемый годъ войны. Лодзь, Равка, Варшава, Прасныш... сколько воспоминаній! Позднѣе Павликъ изъ Краснаго Креста перешелъ въ дѣйствующую армію (хотя давнишнее поврежденіе ноги совершенно освобождало его отъ военной службы); пошелъ не въ гвардію, а простымъ вольноопредѣляющимся въ одинъ изъ Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ. Весь онъ въ этомъ. Въ теченіе послѣдующихъ нѣсколькихъ лѣтъ пути наши почти не пере-

крещивались. Послѣдняя наша встрѣча была зимою 19-го года, когда онъ пробрался изъ Финляндіи въ Петроградъ съ порученіемъ одной изъ бѣлыхъ организацій попытаться спасти изъ заключенія четырехъ великихъ князей. Онъ опоздалъ: всѣ четверо были наканунѣ разстрѣляны. Павликъ ту ночь провелъ у насъ на Фурштадтской. (Вотъ еще моральный казусъ: имѣешь - ли право, живя въ домѣ матери, старой, глухой и больной, подвергать ее риску тюрьмы и даже разстрѣла, оказавъ гостепріимство бѣлому офицеру? Для меня отвѣтъ былъ ясенъ, для П. П. съ нимъ связаны были мучительныя сомнѣнія). Позднѣе мы узнали, что Павликъ благополучно вывезъ съ собою въ Финляндію княгиню Палей, вдову в.к. Павла Александровича. Дальше — бѣлое движеніе, благородный порывъ, издали блеснувшій куполъ Святого Исакія Далматскаго, и мгновенно все оборвавшій безсмысленный осколокъ металла... "Вѣчную память подаждь Господи..." Эхъ Павликъ, Павликъ! Тонкій, остроумный, беззавѣтно храбрый. Отчего это всегда лучшіе погибаютъ? Unkraut vergeht nicht.

Трудно сказать, когда именно начало складываться убѣжденіе, что на фронтѣ не все ладно. Сначала было смутное подозрѣніе, въ которомъ и самимъ себѣ не рѣшались признаться. Тѣшили другъ друга словами о временной пріостановкѣ, о необходимости дать войскамъ передохнуть, о новыхъ отрядахъ, подходящихъ съ тыла; боялись смотрѣть другъ другу въ глаза, чтобы не прочесть въ нихъ того, что въ душѣ каждый уже зналъ. Но насталъ день, когда больше скрывать было нельзя. Зловѣщіе слухи вырвались изъ тайниковъ и откры-

то носились по городу. На лицахъ читались растерянность и страхъ.

Теоретически я, конечно, всегда допускала возможность неудачи бѣлыхъ. Въ такомъ случаѣ мой планъ былъ готовъ: остаться позади войскъ, какъ можно ближе къ Петрограду, и такимъ образомъ автоматически очутиться на той сторонѣ. Лучшаго способа перехода границы нельзя было придумать.

"Подъ напоромъ превосходныхъ силъ красныхъ, наши войска вынуждены отойти". Уже отданъ приказъ объ эвакуаціи Гатчины. А я все продолжала надѣяться: вдругъ счастье повернется, удачное сраженіе, красные разбиты, положеніе возстановлено... Эвакуація началась; потянулись на западъ обозы. Мысль - же все еще цѣпляется: а можетъ быть... а вдругъ... Чудеса вѣдь случались и раньше. Почему - бы не на сей разъ? Съ какою радостью отдала - бы я всю гордую самоувѣренность скептическаго ума, закаленнаго годами медицинской работы. Ради одного маленькаго чуда.

Изъ нашей компаніи первымъ собрался Игнатьевъ съ Ниродомъ. "Княгинюшка, милая, ѣдемте съ нами. Оставаться, это-же безуміе. Вы сами не понимаете, на что идете". — "Не могу, не могу, не уговаривайте". Эйбиси рѣшилъ обождать еще день или два. Можетъ быть, вродѣ меня, онъ надѣялся на чудо. Пошли на станцію проводить уѣзжавшихъ; уже послѣдніе вагоны скрылись за водокачкой, а я все стояла и смотрѣла вслѣдъ. "Сандикъ, Сандикъ, что-же теперь будетъ?"

Эйбиси оставался дольше всѣхъ. Уѣхалъ штабъ корпуса, одни за другими свертывались и другія учрежденія; одно за другимъ исчезали знакомыя лица. "Сандикъ, надо собираться и тебѣ".

Это былъ какой - то самый послѣдній поѣздъ. Когда пойдетъ, неизвѣстно: когда - нибудь въ теченіе ночи. Прощались мы на вокзалѣ. Холодно, мрачно, тускло горитъ одинокая лампа, по платформѣ бѣгаютъ взадъ и впередъ какіе - то растерянные люди. Намъ обоимъ тяжело. Его сильно лихорадило. (Только много мѣсяцевъ спустя я узнала, что, еле добравшись до Нарвы,онъ слегъ и нѣсколько недѣль пролежалъ въ бреду). Наконецъ, ожиданіе становится слишкомъ мучительнымъ. Прощаюсь, возвращаюсь на нашу опустѣвшую квартиру. Пусто, тоскливо. Не раздѣваясь, ложусь на кровать. Проходитъ полчаса... часъ... Внезапно, стукъ въ дверь. Открываю. "Сандикъ! Неужели вернулся?" Секундная вспышка надежды: красные разбиты, бѣлые снова наступаютъ. — "Нѣтъ, нѣтъ, я только выяснилъ, что мой поѣздъ не двинется раньше двухъ часовъ утра". Сидимъ въ полутьмѣ. Молчимъ. О чемъ говорить? Слишкомъ много всего на душѣ, слишкомъ темно будущее, слишкомъ тягостно за погибающее бѣлое дѣло. "Сандикъ, ты боленъ, поди назадъ въ вагонъ, лягъ тамъ". Прощаемся еще разъ. Этотъ разъ уже окончательно. Увидимся - ли когда-нибудь?

ГЛАВА III.

Мы не сумѣли, не смогли..
Ну что-жъ, еще немного,
И сгинемъ мы съ лица земли.
Туда намъ и дорога.

И. Тодането.

Я осталась одна со своей хозяйкой въ пустомъ домикѣ въ саду, на самой окраинѣ Гатчины. А тамъ дальше — притаившійся, наполовину вымершій, пугливо насторожившійся, выжидающій городъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней не было ни бѣлыхъ, ни красныхъ. Жили слухами — зловѣщими, несуразными, шопотомъ передаваемыми подъ вечеръ забѣгавшими сосѣдками: "Слыхали? большевики сожгли Царское. Солдаты у нихъ — одни китайцы да латыши. Женщинъ по жребію дѣлили. Мужчины — кто только могли, откупились, остальныхъ — на висѣлицу. Тутъ - же на площади передъ дворцомъ и вѣшали. Потомъ подожгли городъ съ четырехъ сторонъ, а сами бѣжали. Теперь сюда идутъ". — "Ой, Господи, страсти какія". Четыре дня жили ожиданіемъ. Утромъ думали: доживемъ - ли до вечера? Что кругомъ дѣлается, гдѣ бѣлые, гдѣ красные — никто ничего не зналъ. Слухи самые противорѣчивые, самые нелѣпые ползли по городу. Какъ

разобрать: что правда, что вздоръ? Фантастика стала жизнью, жизнь стала кошмаромъ. Стерты всѣ грани между возможнымъ и невозможнымъ.

Красные вошли въ Гатчину подъ вечеръ. Я какъ разъ возвращалась домой изъ собора; на главной улицѣ вижу: они идутъ. Въ городъ входилъ красный пѣхотный полкъ; шли весело, молодцовато (побѣда, вѣдь, дѣйствуетъ на психику лучше всякаго доппинга). Сбѣжались мальчишки, вышелъ встрѣчать кое - кто изъ "своихъ". Изъ разговоровъ поняла, что этотъ самый полкъ уже раньше стоялъ въ Гатчинѣ. Солдаты узнавали знакомыхъ, перекидывались съ публикой шутками. Кое-гдѣ помахали изъ оконъ красными тряпками. Другихъ демонстрацій я не видѣла. Лица у встрѣчныхъ большею частью хмурыя, замкнутыя. У всѣхъ одна забота: какъ знать, на кого ляжетъ тяжелая рука Чека? Кого посадятъ?.. Кого разстрѣляютъ?..

Я спѣшу домой. Лучше избѣгать показываться на улицахъ. Можетъ быть, кто-нибудь и запомнилъ мою физіономію, видѣлъ меня съ бѣлыми офицерами, замѣтилъ, какъ я входила въ штабъ. Неизвѣстно, откуда можетъ грозить опасность; въ каждомъ невинномъ прохожемъ мнѣ мерещится потенціальный доносчикъ. Главное — поскорѣе убраться изъ Гатчины. Маленькій городокъ, здѣсь каждый тараканъ на учетѣ. Въ ближайшіе дни начнутся обыски, регистраціи — всегдашній большевицкій ритуалъ. У меня подходящихъ документовъ нѣтъ: попадусь — не выберусь. Надо пользоваться тѣмъ, что сѣти еще не разставлены и поскорѣе уходить. Къ тому - же, только въ Петроградѣ получу я извѣстія о П. П.

Уходить. Да, но какъ? Желѣзныя дороги, понятно, не дѣйствуютъ, начнутъ дѣйствовать для публики не раньше какъ черезъ нѣсколько дней, въ лучшемъ случаѣ. Къ тому-же, это, вѣроятно, будетъ связано съ контролями, провѣрками документовъ и т. д. Мимоходомъ брошенная фраза: "товарищъ, ваше удостовѣреніе", и я погибла. Нанять автомобиль? Чуть не забыла, что автомобили давно всѣ реквизированы, что ни частныхъ гаражей, ни частныхъ машинъ больше не существуетъ. Взять экипажъ? Но и это не такъ-то просто. Разспросами, переговорами я рискую обратить на себя вниманіе; начнутъ думать, соображать — а въ нынѣшней обстановкѣ праздная мысль, пробужденная въ чьемъ - нибудь мозгу легко можетъ стать искрой, которая взорветъ мину подъ моими ногами. Всѣ мы въ дѣтствѣ забавлялись видомъ жука, который, учуявъ опасность, застываетъ въ полной неподвижности, чтобы малѣйшимъ движеніемъ не привлечь къ себѣ вниманіе врага; для меня минимумъ опасныхъ движеній заключался, какъ это ни парадоксально, въ томъ, чтобы идти пѣшкомъ. Признаюсь, перспектива сорока двухъ верстъ пѣшкомъ мало меня привлекала. Я не люблю ходить, всегда избѣгала пользоваться собственными ногами, какъ средствомъ передвиженія. Но разъ нѣтъ выбора... Рѣшаю отправиться на слѣдующее утро.

Послѣдній вечеръ у гостепріимной моей хозяйки. Всѣ приготовленія закончены. Поужинали; скоро пора ложиться спать. Сидимъ на кухнѣ и тихо разговариваемъ. На душѣ тревожно: въ городѣ красные. Вдругъ еще пожалуютъ съ обыскомъ. Домикъ госпожи Пусевой расположенъ въ очень пустынномъ мѣстѣ: отъ сосѣдей отдѣленъ большимъ садомъ, напротивъ какіе - то сараи, позади желѣз-

ная дорога, дальше поля. Деревянный домикъ въ два этажа; мы съ хозяйкой живемъ наверху, нижній этажъ весь заколоченъ.

"И вы не боитесь, послѣ моего ухода, оставаться здѣсь совсѣмъ одна? Могутъ воры ночью забраться, а тутъ сколько ни кричи, все равно никто не услышитъ".

Госпожа Пусева въ отвѣтъ только пожала плечами... Фатализмъ? Твердая вѣра въ милосердное Провидѣніе? Или просто старческая скаредность, нежеланіе истратить нѣсколько лишнихъ рублей на содержаніе служанки? Какъ разъ въ это время послышался странный шорохъ. Хозяйка прислушалась: "Внизу кто-то ходитъ". Она схватила свѣчу, хочетъ пойти посмотрѣть. Насилу отговорила ее: героическіе жесты не всегда благоразумны. Все равно, мы сдѣлать ничего не можемъ, а такъ они — кто - бы они ни были — рѣшатъ, что домъ пустой и уйдутъ. Сидимъ, лампу потушили, ждемъ. Двѣ испуганныя женщины, темной ночью въ запущенномъ домѣ прислушиваются къ шагамъ грабителя. Весьма фотогенично.

Снизу глухо доносятся звуки шаговъ, слышно, какъ ходятъ изъ одной комнаты въ другую; подошли къ роялю, заиграли. Нѣтъ, это не воры — даже Арсенъ Люпенъ не развлекался во время работы игрою на рояли. Значитъ, либо солдаты, либо чекисты; эти пострашнѣе всякихъ воровъ. Невольно всплываетъ въ памяти виданная мною гдѣ-то карикатура: грабители, вламываясь въ квартиру, успокаиваютъ на смерть перепуганныхъ хозяевъ — "Не бойтесь, мы не изъ Чека, мы обыкновенные воры".

Сидимъ и дрожимъ; бѣжать немыслимо. Въ такія мгновенія каждая секунда вѣчность. Піанистъ внизу играетъ съ увлеченіемъ. Узнаю извѣстный

ноктюрнъ Шопена, который такъ любилъ намъ Радванъ играть въ Парижѣ. Значитъ, играющій человѣкъ музыкально образованный; а разъ образованный человѣкъ, значитъ чекистъ. Другого объясненія не можетъ быть. Никогда звуки прекрасной мелодіи не доставляли слушателямъ меньше удовольствія; никогда тайный смыслъ ихъ не представлялся болѣе зловѣщимъ. Какъ долго это продолжалось? Минуты? Часы?.. Неужто, въ самомъ дѣлѣ, нужна высшая математика, чтобы доказать намъ относительность времени? Одинъ послѣдній аккордъ, и все смолкло. Что теперь будетъ? Тишина. Ушли?.. Долго еще сидимъ въ темнотѣ, боясь пошевельнуться. Наконецъ, набрались храбрости и пріоткрыли дверь на лѣстницу: все тихо. Они ушли... На этотъ разъ пронесло.

Странно, до чего повязанный на голову намѣсто шляпы платокъ можетъ измѣнить весь внѣшній обликъ. Этому способствуетъ и мѣшокъ за спиной съ небольшимъ запасомъ провизіи, зубною щеткой, да кусочкомъ мыла, подареннымъ мнѣ Игнатьевымъ. Не крестьянка, конечно; но за полуинтеллигентку легко можно принять: не то поповна, не то сельская учительница. Сойдетъ.

Выступаю рано: впереди сорокъ двѣ версты. Сорокъ двѣ версты! Особенно смущаетъ дошедшее до меня наканунѣ извѣстіе, что послѣ восьми вечера на улицахъ Петрограда появляться запрещено. Ходятъ патрули, останавливаютъ, спрашиваютъ документы. А если документовъ нѣтъ?

Сначала дѣлала привалъ каждыя пять верстъ, затѣмъ каждыя двѣ версты, подъ конецъ каждую версту. Мѣшокъ за спиною становился все тяжелѣе,

толстые башмаки очень скоро натерли ноги, и передвигаться дѣлалось все труднѣе и труднѣе. Дойду-ли? По дорогѣ попадаются идущія въ Гатчину войска. На меня не обращаютъ никакого вниманія. А я-то ихъ боялась! Стрѣлка часовъ передвигается все медленнѣе, версты становятся все длиннѣе (все тотъ - же знаменитый законъ относительности). Усталость дѣлается все ощутительнѣе. Одна тупая мысль: дойти. Точно вьючное животное,передвигаю ноги безъ мыслей, безъ чувствъ. Вдругъ сзади голосъ: "Эй, тетка, куда идешь?" Усталость въ одинъ мигъ смахнуло, точно пылесосомъ. Настораживаюсь, внутри все сжалось, боюсь оглянуться: неужели попалась?

Кто - то сзади нагоняетъ. Нѣтъ, не красная армія, не Чека, всего на всего простая крестьянка: "Намъ, кажись, по дорогѣ". Чуть не расцѣловала ее. Только очень ужъ любопытная баба, все ей надо знать: откуда, куда, зачѣмъ. Хоть на тайнаго агента она и не похожа, все же съ облегченіемъ вздохнула, когда удалось, наконецъ, отъ нея отвязаться. А время идетъ, солнце уже клонится къ западу. Усталость одолѣваетъ съ каждымъ шагомъ все сильнѣе. Чувствую, нѣту моихъ силъ, не дойти мнѣ. Какъ быть? Въ полѣ ночевать — замерзнешь, да и страшно очень. Стучусь по дорогѣ въ одинъ домъ, въ другой: "Пустите переночевать. Заплачу какъ слѣдуетъ, не поскуплюсь".

Какое тамъ, и слушать не хотятъ:

"Проходи себѣ, матушка, съ Богомъ. Не такое теперь время — чужихъ въ домъ пускать". И дверь захлопывается передъ носомъ.

Была минута отчаянья. Казалось, никакимъ напряженіемъ воли не осилю я послѣднихъ десяти верстъ. Но ноги упрямо продолжали идти. Разъ

или два вспыхивалъ было лучъ надежды: сзади обгоняла повозка. Но мои знаки, мои крики были тщетны: въ отвѣтъ на нихъ не замедляли даже хода, и одного взгляда на каменныя рожи возницъ было достаточно, чтобы въ корнѣ оборвать всякую иллюзію о помощи. И все - таки, не знаю какъ, я продолжала идти.

Счастье улыбнулось только подъ самымъ Петроградомъ: проѣхала мимо линейка, черная съ желтымъ, бывшаго дворцоваго вѣдомства, въ какихъ раньше пѣвчихъ возили; теперь, очевидно, принадлежала совѣтскому учрежденію. Проѣхала и остановилась. По собственному почину остановилась, — я - бы такихъ господъ задерживать не рѣшилась. Не то у нихъ сбруя отстегнулась, не то возжа оборвалась. Подхожу:

— Не подвезете-ли, товарищи?

Косятся, молчатъ. Лица холодны и безвыразительны. Вынимаю нѣсколько коробокъ папиросъ — хорошихъ, иностранныхъ. Угрюмыя лица растянулись въ подобіе улыбокъ; типичныя ersatz — улыбки. Папиросы въ Совдепіи дороги, зато человѣческая симпатія пріобрѣтается дешево.

— Такъ какъ-же, товарищи, подвезете?

— Что-жъ, садитесь, пожалуй. До города довеземъ, а дальше нельзя.

Ладно. И то хорошо. Хотя мнѣ какъ разъ былъ-бы расчетъ проскочить вмѣстѣ съ ними за Нарвскія ворота: много шансовъ за то, что тамъ устроена заграда и производится провѣрка документовъ; а этихъ, очевидно, останавливать не будутъ. Взбираюсь на козлы рядомъ съ кучеромъ. До чего невѣроятно пріятно протянуть ноги!

— Откудова идете, товарищъ?

Не безъ робости пускаюсь въ импровизацію о

томъ, какъ гостила у тетки въ Гатчинѣ, какъ неожиданно нагрянули бѣлые, такъ что и бѣжать не поспѣли.

— Натерпѣлись вѣрно?

— Н-да, всего было.

Не посовѣстилась пустить нѣсколько словъ объ "ужасахъ", которыхъ Гатчина натерпѣлась подъ бѣлыми. Не знаю, явилась-ли бы произнесенная мною про себя reservatio mentalis достаточнымъ оправданіемъ въ глазахъ оклеветанныхъ мною друзей? Но въ ту миниуту я готова была самыхъ близкихъ мнѣ людей обвинить въ самыхъ чудовищныхъ звѣрствахъ, если только могла этимъ поддержать интересъ "товарища кучера" къ моему повѣствованію. Впрочемъ, въ излишнія подробности лучше было не вдаваться. Объясняю дальше, что служу сидѣлкою въ больницѣ, отпускъ, конечно, просрочила, то-то будетъ непріятностей. Н-да...

Тараторю безъ умолка: если отвлечь его вниманіе, то онъ, можетъ быть, забудетъ остановиться не доѣзжая воротъ. Вотъ уже вырисовываются передъ нами въ сумеркахъ очертанія Нарвской арки. Еще нѣсколько спѣшныхъ измышленій, и мы въ чертѣ города.

— Тпру, тпру... Заболтался я съ вами, скоро и Обводный. Скорѣе, товарищъ, слѣзайте.

— Спасибо, одолжили.

Ноги еле держатъ. Все тѣло ноетъ нестерпимо. Ну, да теперь недалеко. Смотрю на часы: уже начало девятаго. Съ каждою минутою пребываніе на улицѣ становится опаснѣе. До Фурштадской, пожалуй, не дойти; къ тому-же, не особенно удобно нагрянуть къ belle-mère въ столь поздній часъ. Рѣшаю пойти переночевать въ городскую больницу, въ которой до прошлой весны я работала врачемъ

на хирургическомъ отдѣленіи. До больницы сравнительно близко и много вѣроятія, что мнѣ удастся проскочить. Съ ужасомъ замѣчаю, что улицы уже совсѣмъ почти пустынны: изрѣдка лишь промелькнетъ спѣшащая тѣнь запоздалаго пѣшехода. Надо прибавить шагу...

Забалканскій... Загородный... Вотъ и ворота больницы. Какая досада, онѣ уже заперты на ночь. Впрочемъ, калитка открыта. Но появившаяся въ ней фигура сторожа заставляетъ меня спѣшно отпрянуть въ сторону. Надо выбрать минуту, когда онъ отвернется. Укрываюсь въ тѣни за выступомъ стѣны. Жду. Проходитъ нѣсколько минутъ. Неужели онъ всю ночь такъ и будетъ здѣсь стоять? Еще нѣсколько томительныхъ минутъ. Громко зѣвнувъ, сторожъ почесалъ себѣ затылокъ, затѣмъ медленно повернулся и скрылся за сторожкой. Одно быстрое движеніе, и я во дворѣ. Оглядываюсь — все тихо. Кажется, никто меня не примѣтилъ. Спокойно, безъ излишней торопливости, направляюсь къ главному корпусу; мимо женскаго отдѣленія, мимо урологическихъ бараковъ. Какое все знакомое, родное. Сколько съ каждымъ уголкомъ связано воспоминаній: работа, дежурства, ночные обходы...

Вотъ и маленькая дверь въ хирургическое отдѣленіе. Въ комнатѣ дежурнаго врача по больницѣ свѣтло; жалко, штора спущена, нельзя разглядѣть, кто сегодня дежурный. Впрочемъ, я почти всѣхъ врачей знаю, во всякомъ случаѣ, довольно будетъ назваться... Осторожно окидываю дворъ взглядомъ: всюду тишина, никого не видать. Быстро проскальзываю въ дверь, затѣмъ черезъ темный корридорчикъ и мимо дремлющаго на парадной ночного швейцара. Вотъ и комната врачей.

— Вамъ кого? Сюда нельзя.

Дежурная докторша мало знакомая, изъ терапевтовъ. Объясняю, кто я: врачъ, долго работала на хирургическомъ. По имени она меня, конечно, знаетъ.

— Откуда-же вы? Въ такое время, въ такомъ видѣ?

Правда, я и забыла про платокъ на головѣ, про котомку за плечами.

— Изъ Лондона.

— Что???

Вынимаю нѣсколько оставшихся у меня въ мѣшкѣ англійскихъ бисквитовъ и угощаю ими. Это убѣдительно. Въ Петроградѣ уже много мѣсяцевъ какъ такихъ печеній ни за какія деньги нельзя достать. (Мнѣ потомъ разсказывали, что коллега захватила одинъ бисквитъ домой и долго показывала знакомымъ, какъ нѣкую диковину, заброшенную изъ другого міра).

Съ трудомъ удается снять сапоги съ распухшихъ, до крови растертыхъ ногъ. Всѣ кости ломитъ, каждый маленькій мускулъ болитъ; а глаза слипаются. Растягиваясь на маленькомъ, твердомъ, клеенкою обтянутомъ диванчикѣ въ кабинетѣ главнаго врача, испытываю ощущеніе такой тѣлесной радости, которое по интенсивности своей мало съ чѣмъ можетъ сравниться. Послѣдняя сознательная мысль: что-то принесетъ завтра? Есть предѣлъ физической усталости, послѣ коего никакія психическія тревоги не удержатъ отъ сна. Сорокъ двѣ версты въ одинъ день. Теперь - бы я не смогла! А можетъ быть и не пыталась - бы?

Завтра... Съ утра пускаюсь въ путь. Въ другое время, вѣроятно, дня на три осталась-бы въ постели. Но вѣдь извѣстно, что солдаты въ волненіяхъ битвы не ощущаютъ своихъ раненій. Надѣвая сапо-

ги, вспоминаю сказку Андерсена про русалку, которая по лезвіямъ ножей шагала къ своему принцу. Въ ея время, какъ и сейчасъ, не было ни трамваевъ, ни извозчиковъ...

Какъ странно вновь очутиться въ Петроградѣ. Но я не замѣчаю окружающаго; въ головѣ одна только мысль — что-то ждетъ меня въ бѣломъ домикѣ? Какъ во снѣ прохожу по улицамъ. Вотъ и уголъ Фурштадтской. Старые дома горды, какъ старые аристократы: что-бы ни творилось внутри ихъ, какія-бы страсти ихъ не терзали, лица остаются спокойны и безвыразительны. Такъ и дома наши: хозяевъ выгнали, внутри все переломано, исковеркано, загажено... А фасадъ все тотъ - же. Такой-же какъ всегда стоитъ бѣлый домикъ на Фурштадтской, краска не слиняла, окна не выбиты; развѣ только чуть-чуть потемнѣла штукатурка, слегка потускнѣли окна, да не блеститъ какъ прежде ручка у дверей. А вотъ и старый дворецкій, всю жизнь проведшій при домѣ; стоитъ и что-то хлопочетъ у воротъ.

— Здравствуйте Иванъ Адамовичъ.

— ???

— Не узнаете?

— Ваша свѣтлость!

— Что князь?

Ну вотъ, черезъ секунду все узнаю. Будто однимъ словомъ все поставлено на карту — все, и настоящее, и будущее, счастье и смыслъ жизни. Орелъ или рѣшетка? Красное или черное? Невидимый крупье гдѣ-то прокричалъ «rien ne va plus»... Сердце остановилось.

Отчего онъ медлитъ, можетъ быть боится сказать?

— Ну?..

Старикъ оглядывается, понижаетъ голосъ:

— Петръ Петровичъ въ Москвѣ...

Живъ??? Въ глазахъ зеленые круги, въ ушахъ какой - то ревъ, дома напротивъ зашатались... Живъ!!!

— Что съ вами? Ваша свѣтлость! Вамъ не хорошо?

— Ничего, уже прошло, разсказывайте скорѣе.

Оказывается, П. П. сейчасъ въ концентраціонномъ лагерѣ въ Москвѣ. Съ тѣхъ поръ какъ арестовали его въ іюнѣ, все такъ и сидитъ. Арестовали его въ помѣщеніи Датскаго Краснаго Креста, въ гостиницѣ "Дагмаръ" на Садовой, куда онъ зашелъ за какою - то справкою, не подозрѣвая о засадѣ. Впустить - то впустили, но назадъ его уже не выпустили. Такимъ образомъ задержаны были всѣ посѣтившіе въ тотъ день Датскій Красный Крестъ. Однихъ вскорѣ затѣмъ освободили, другихъ нѣтъ. Въ послѣднюю категорію попалъ и П. П. Сначала его держали на Шпалерной, потомъ увезли въ Москву. Сейчасъ онъ сидитъ въ Ивановскомъ лагерѣ, — бывшемъ Ивановскомъ монастырѣ, обращенномъ большевиками въ тюрьму. Отъ времени до времени приходятъ отъ него письма, на дняхъ еще была открытка. Ни на что не жалуется (точно можно въ открыткѣ жаловаться, точно такой какъ П. П. станетъ жаловаться!).

— Ну, а старая княгиня какъ?

Belle-mère здѣсь. Когда красные солдаты захватили домъ, ей оставили маленькій задній флигель во дворѣ. Одно время въ домѣ была балетная школа, а сейчасъ здѣсь устроились башкиры — красный башкирскій штабъ. Мебель переломали, портретамъ глаза повыкололи, библіотеку пустили подъ цыгарки: все, какъ полагается. Особенно ве-

селились тѣ, что первые сюда забрались, а эти, оашкиры, поскромнѣе. (Со дна души всплываетъ старая горечь: напрасно, значитъ, не уѣхала belle-mère заграницу, напрасно и П. П. рисковалъ свободой и жизнью). Старикъ разсказываетъ медленно, обстоятельно. Прерываю его:

— Княгиня уже встала? Можно къ ней?

— Сейчасъ посмотрю.

Проходитъ нѣсколько минутъ.

— Пожалуйте.

Belle-mère еще въ кровати:

— **Sophy! Toi! Est-ce possible!**

Глухота ея еще усилилась; въ такихъ условіяхъ разговаривать трудно. Она показываетъ мнѣ послѣднія письма отъ П. П.: изысканный французскій языкъ, заботы о матери, а о себѣ почти ничего. Какъ это на него похоже.

— **Et que comptes-tu faire ? As-tu de l'argent ?**

— **Pas beaucoup. Mais il faut avant tout que je trouve où loger.**

Намекъ кажется ясенъ. Отсутствіе у меня бумагъ дѣлаетъ вопросъ пристанища особенно острымъ и связанъ съ опасностью не только для меня, но и для тѣхъ,кто меня пріютитъ. Опасностью далеко не шуточною, особенно въ виду господствующаго сейчасъ военнаго положенія. Знаетъ - ли она, понимаетъ - ли она это?

— **Je t'aurais naturellement offert de te loger chez moi, mais imagine-toi quelle malchance — depuis deux jours la lampe dans la salle-à-manger est cassée. Tu ne peux pourtant pas rester dans l'obscurité.**

— **Evidemment.**

Она, повидимому, дѣйствительно не понимаетъ. Старая, глухая, больная, ото всего отрѣзанная,

одна безпомощная въ своемъ углу; она не отдаетъ себѣ отчета, въ какомъ тупикѣ я сейчасъ нахожусь.

— Il faut, malheureusement, que je vous quitte.

А въ головѣ: куда я теперь пойду?

— Reviens me voir bien vite.

— Dès que je pourrai.

На лѣстницѣ меня нагоняетъ Матильда, которая чуть - ли не сорокъ лѣтъ уже состоитъ при княгинѣ. Но правильно говорить по-русски такъ никогда и не научилась.

— Вашъ сфитлость, вашъ сфитлость, ви развн не у насъ останавливайться?

— Нѣтъ, Матильда, княгиня говоритъ: неудобно — въ столовой лампа не горитъ.

Она сразу все понимаетъ:

— Ничего, вашъ сфитлость, не нада княгинь говорить, ми васъ устроимъ.

— Очень васъ благодарю, но я, право, лучше поищу на сторонѣ.

— Если не найдетъ, приходить къ намъ, ми васъ ошинь карашо устроимъ.

Трогательная старушка. Чего ради она хлопочетъ? Знаетъ - же, что пришедшій въ Петроградъ "оттуда", отъ Юденича, это травленый звѣрь; что если только они нападутъ на слѣдъ — разговоръ будетъ короткій. Мнѣ надо, прежде всего, найти пристанище, затѣмъ легализировать свое положеніе, получить нужныя удостовѣренія, добиться разрѣшенія на проѣздъ въ Москву... Ясно, что безъ посторонней помощи мнѣ не обойтись. Перебираю въ головѣ друзей и знакомыхъ, къ которымъ я моглабы обратиться. Почти никого нѣтъ: погибли, бѣжали заграницу, сидятъ въ тюрьмѣ. Вотъ развѣ что Маріанна Зарнекау? Очень давно ее не видѣла, слыхала стороной, будто она поступила на сцену и

серьезно отдалась своей новой профессіи. Здѣсь - ли она, все на той-же ли квартирѣ, какъ отнесется къ моему появленію? Куда-нибудь, все равно, надо идти; нельзя оставаться на улицѣ. И такъ уже слишкомъ давно здѣсь стою, вонъ на той сторонѣ какой-то подозрительный типъ остановился и меня разглядываетъ.

Когда при мнѣ говорятъ, что всѣ люди сухи, черствы и эгоистичны — у меня всегда готовъ отвѣтъ: Маріанна. Чѣмъ я была для нея? Ни родственницей, ни даже особенно близкимъ другомъ. Вмѣстѣ кутили, вмѣстѣ бывали у цыганъ, — такихъ друзей какъ я, она, навѣрное, насчитывала десятками. Когда я къ ней направлялась въ то ноябрское утро, я даже не собиралась просить у нея пристанища: не могла-же я, въ самомъ дѣлѣ, такъ, здорово живешь, просить человѣка рисковать ради меня всѣмъ, вплоть до собственной жизни. Я шла за совѣтомъ, за указаніями. Квартира ея помѣщалась внизу, — это удобно, можно прямо съ улицы постучать въ окно. Удивленное, заспанное лицо за стекломъ:

— Софья! Шалое ты существо! Откуда? Какими судьбами? Погоди, сейчасъ впущу.

Нѣсколько минутъ спустя сижу у нея на кровати и разсказываю.

— Ну, конечно, ты останешься у меня, будешь спать на кушеткѣ. Это все очень легко устроить — дворника нѣтъ, а съ домовымъ комитетомъ я въ отличныхъ отношеніяхъ.

— Но, Маріанна, ты понимаешь, у меня нѣтъ никакихъ удостовѣреній, никакихъ документовъ... Обыскъ или что, и ты попалась вмѣстѣ со мною.

— Пустяки, я тебя сегодня - же сведу къ Горькому, онъ тебѣ все устроитъ.

— Ты думаешь?

Уговорить меня было не трудно.

Въ эпохи великихъ пертурбацій масштабы мѣняются, героизмъ становится повседневнымъ явленіемъ. Часто пожертвуетъ за другого жизнью тотъ, кто въ иное время отказался - бы одолжить ему сто рублей. (Послѣднее отнюдь къ Маріаннѣ не относится: въ ней размахъ былъ всегда, и какою она была, такою и осталась).

Горькаго я видѣла впервые: яркая личность, необтесанная сила, большое сердце. Меня онъ спасъ. На Горькаго много и жестоко нападали — и какъ на писателя, и какъ на человѣка. Я вовсе не собираюсь выступать въ его защиту. Да ему она и не нужна — только въ басняхъ львы нуждаются въ помощи мышей. Я знаю одно: безъ помощи Горькаго я тогда обречена была на погибель. Благодаря его стараніямъ я получила необходимыя для существованія совѣтскія бумаги, по его хлопотамъ дано мнѣ было нѣсколько дней спустя разрѣшеніе на проѣздъ въ Москву. Частнымъ лицамъ во время революцій ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ не полагается; могли ѣздить лишь совѣтскіе служащіе и лишь съ командировками по государственнымъ надобностямъ. Но трудно однимъ росчеркомъ пера передѣлать годами сложившійся строй жизни. На практикѣ ѣздили всѣ кому хотѣлось; только ругаясь за лишнія хлопоты по раздобыванію "командировки".

Нѣсколько дней до полученія этой самой командировки прошли у меня въ усиленной бѣготнѣ по городу. Добродѣтель, какъ извѣстно, всегда

бываетъ наказана, и я теперь расплачивалась за то, что въ свое время, заграницею, не имѣла духа отказывать обращавшимся ко мнѣ съ просьбами. А такъ какъ никакихъ методовъ транспорта въ тѣ дни въ Петроградѣ не существовало, то все приходилось дѣлать пѣшкомъ, а это, понятно, поглощало много времени. Многія порученія были къ тому - же къ людямъ совершенно мнѣ незнакомымъ и я поступила - бы гораздо умнѣе еслибы вмѣсто хлопотъ по чужимъ дѣламъ занялась приведеніемъ въ порядокъ своихъ собственныхъ. Нѣсколько нарушенныхъ обѣщаній врядъ-ли смогли - бы повліять на мою участь въ день Страшнаго Суда. Впрочемъ, какъ, напримѣръ, было не пойти мнѣ къ г-жѣ Г. сообщить ей, что ея единственный сынъ, видный генералъ у бѣлыхъ, отъ котораго она уже больше года не имѣла вѣстей, живъ, здоровъ и думаетъ о ней. Помню, съ какой опаской открывала мнѣ бѣдная старушка дверь, съ какимъ недовѣріемъ и страхомъ слушала разсказъ неизвѣстной ей дамы, увѣрявшей, что всего три мѣсяца назадъ говорила съ "нимъ самимъ"; какъ ясно промелькнула въ ея глазахъ мысль — ужъ не провокаторша - ли?, и какъ потомъ, когда, наконецъ, убѣдилась и повѣрила, какъ преобразилось ея лицо, какъ залучилась вся она радостью, какъ засыпала меня разспросами и словами благодарности, утирая при этомъ платкомъ непрерывно падавшія изъ глазъ слезы. ...А другой разъ было такъ: въ отвѣтъ на стукъ мой (звонки у дверей рѣдко дѣйствовали), вмѣсто барышни, къ которой я направлялась, появился на порогѣ матросъ со свирѣпымъ лицомъ:

— Вамъ кого?

— Да я... такъ... — А у самой колѣни трясутся: не засада - ли. Потомъ, набравшись храбрости:

— Скажите пожалуйста, кто здѣсь сейчасъ живетъ?

Именъ я, конечно, не называла. Мы уже тогда знали, что nomina не столько "одіозны", сколько по-просту опасны и рискуютъ завести неосмотрительно ихъ произносящаго въ Чека, или въ тюрьму, или еще того дальше.

— Да вамъ кого, спрашиваю, заоралъ на меня матросъ. — Ослѣпла, что-ли, не видишь, что здѣсь клубъ, имени товарища Ленина.

Лепечу, что ошиблась и кубаремъ скатываюсь съ лѣстницы; съ облегченіемъ слышу, какъ надъ головой сердито захлопывается дверь. Что стало съ тою барышней, такъ я никогда и не узнала. Впрочемъ, не разъ случалось, что на звонки, на стукъ мой никто не отворялъ. Такъ и уходила не добившись. Уѣхали? умерли? въ тюрьмѣ? Какъ знать.

На мою квартиру на Англійской набережной я рѣшилась пойти не сразу: парадная дверь, очевидно, заперта, надо будетъ пройти съ Галерной. Въ тѣ дни весь Петроградъ ходилъ "съ чернаго хода". Но въ томъ концѣ Галерной, гдѣ и домъ моего отца, и домъ перваго мужа, меня, не то что каждый дворникъ, а каждая кошка дворника въ лицо знаетъ. Въ настоящихъ условіяхъ это можетъ оказаться опаснымъ. Когда въ ноябрѣ 1918 года я вышла вторично замужъ и переѣхала на Фурштадтскую, въ моей квартирѣ поселился Эсъ-эсъ. Его дипломатическій (или полу-дипломатическій) авторитетъ охранялъ квартиру отъ "уплотненій". Потомъ Эсъ-эсъ уѣхалъ въ Парижъ, а на квартирѣ осталась лишь горничная Наташа съ мужемъ, подъ хрупкой охраной бумажки, которую Эсъ-эсъ уѣзжая прибилъ къ дверямъ; сила бумаги заключалась въ томъ, что неприкосновенность квартиры гарантиро-

валась подписью самого Ленина. Я уѣхала заграницу ровно полгода тому назадъ. Сохранилась - ли квартира? Что дѣлаетъ мой вѣрный другъ Наташа? Окольнымъ путемъ навела справки. И узнала: квартира пустуетъ, а Наташа вскорѣ послѣ моего отъѣзда повѣсилась.

Наташа? Повѣсилась?...

Забывъ всѣ предосторожности, побѣжала я къ жившей этажемъ ниже меня собственницѣ дома, генеральшѣ Бѣловой; отъ нея узнала подробности. Да, Наташа повѣсилась, ночью въ своей комнатѣ, на небольшомъ гвоздикѣ, вбитомъ въ стѣну чуть-чуть повыше человѣческаго роста; чтобы удушить себя ей пришлось подогнуть ноги. Почему? Что заставило ее? — этого никто точно не знаетъ. Все послѣднее время была нервна, въ роковой вечеръ повздорила съ мужемъ, потомъ стучалась къ нему, онъ не открылъ, она пошла къ себѣ и повѣсилась.

— А Михайло какъ? Онъ вѣдь обожалъ ее.

— Да, онъ былъ въ отчаяньи — онъ - же и нашелъ ее тогда; еще теплая была. Такой крикъ поднялъ, нечеловѣческимъ голосомъ ревѣлъ, на весь домъ слышно было. Боялись, какъ-бы съ ума не сошелъ или надъ собою чего не сотворилъ. Послѣ похоронъ сразу въ деревню уѣхалъ, не въ силахъ былъ одинъ въ этихъ комнатахъ оставаться. А недавно слышала стороной, будто за дочь попа изъ сосѣдняго села сватается; пріѣзжалъ оттуда кто-то, разсказывалъ. Да оно, можетъ быть, и не такъ, мало-ли что люди болтаютъ...

Такъ... Бѣдная, бѣдная Наташа. Смутнымъ укоромъ встаетъ передо мною ея блѣдное лицо, съ большими, темными, выразительными глазами. Помню, какъ приходила она ко мнѣ незадолго до моего отъѣзда, жаловалась на невыносимую тоску.

Вѣроятно, я не достаточно внимательно отнеслась тогда къ ея словамъ: кто - же изъ насъ не тосковалъ въ тѣ дни? Кто изъ насъ и сейчасъ не тоскуетъ? Быть можетъ, она избрала лучшій удѣлъ?

Какъ хорошо, какъ тихо на моей квартирѣ. Перебираю свои книги, бумаги, старыя письма. "Прошедшее встаетъ передо мною"... Выплываютъ давно забытыя лица... Тѣ, кого я любила, и тѣ, кто меня любили... "И все такое", какъ поетъ Вертинскій... Съ трудомъ отрываюсь.

Какъ я потомъ жалѣла, что не осталась подольше въ Петроградѣ, не позаботилась о своей квартирѣ, не нашла для охраны ея вѣрныхъ людей. Еще можно было все спасти. А я - то не нашла ничего лучшаго, какъ положиться на подпись Ленина! Что-же, подѣломъ.

Впрочемъ, въ тѣ дни всѣ сокровища міра не соблазнили - бы меня, не то что на нѣсколько дней, а и на нѣсколько часовъ отложить мою поѣздку въ Москву. Поѣздку въ Москву — свиданіе съ П. П.

Изъ Петрограда я послала ему открытку: пусть знаетъ, что я близко, что иду выручать. Открытка всего въ нѣсколько фразъ; но тюремная администрація усмотрѣла въ ней нѣчто предосудительное и П. П. ея не передали. Такимъ образомъ, мое появленіе явилось для него полной неожиданностью. Судьба иногда не хуже профессіональнаго режиссера заботится о подготовкѣ своихъ эффектовъ.

"Какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ", такими словами встрѣтилъ меня Владиміръ Казиміровичъ. Владиміръ Казиміровичъ — тотъ, котораго искалъ и не нашелъ Діогенъ. Встрѣтились

мы на Фонтанкѣ, у Анны Х. Онъ показываетъ мнѣ открытку со стихами, полученную имъ отъ П. П. изъ тюрьмы:

ВЪ ОДИНОЧКѢ.

Надъ восьмеричнымъ «и» нѣтъ мѣста точкѣ.
Десятеричное теперь ушло.
Курю «Сафо» я, сидя въ одиночкѣ,
И, — даже сею, — восхищенъ Сафо.

Какъ Діогенъ, лежавшій въ старой бочкѣ,
Я мыслю: какъ на свѣтѣ все красно!
А тамъ — готовлюсь къ слѣдующей ночкѣ,
Прося у васъ прощенья за письмо.

Очень-бы хотѣлось, когда поѣду въ Москву, захватить съ собою мой лондонскій ящикъ съ провизіей, съ такимъ трудомъ довезенный до Гатчины и оставленный тамъ на храненіе у г-жи Пусевой. Вотъ будетъ радость въ тюрьмѣ! Маріанна мнѣ говоритъ: "Одинъ мой знакомый офицеръ ѣдетъ на автомобилѣ на нѣсколько дней въ Гатчину; онъ можетъ тебѣ привезти все что хочешь". Чего - же лучше! Но, увы! Есть искушенія "свыше нашей силы": ни офицера, ни ящика я больше никогда не видѣла. Какіе незнакомые мнѣ люди наслаждались моимъ сокровищемъ? Будетъ-ли воспоминаніе объ этомъ мучить ихъ на смертномъ одрѣ? Надѣюсь, что да, боюсь, что нѣтъ. Говорятъ —**tout comprendre c'est tout pardonner.** Не знаю. Понять было не трудно, а простить... нѣтъ, я и по сей день не простила.

Тѣмъ временемъ, съ помощью Горькаго получена командировка въ Москву. Въ ней я значусь "инструкторшей по музыкальной части". Это я-то, которая только и умѣю, что "Чижика" однимъ пальцемъ на рояли играть. Бумажка безъ малѣй-

шей запинки проводитъ меня черезъ всѣ контроли и загражденія. Сердечное спасибо Горькому. Черезъ сутки я была въ Москвѣ.

Это уже не то, что пріѣздъ въ Петроградъ. Всѣ удостовѣренія, всѣ бумаги у меня теперь въ порядкѣ и никакой милиціонеръ мнѣ теперь не страшенъ. Говорю милиціонеръ, — чекистъ, понятно, всегда и для всякаго страшенъ.

Прямо съ вокзала отправляюсь на Шереметевскій переулокъ; тамъ, мнѣ сказали, живетъ двоюродный братъ П. П., бывшій директоръ Императорскихъ театровъ, далькрозистъ и писатель, князь Сергѣй Михайловичъ Волконскій. Живетъ не одинъ, ихъ тамъ въ небольшой квартирѣ пять человѣкъ. Я была шестая. Всѣмъ имъ незнакомая, — и Сережу - то я всего два - три раза въ жизни видѣла, — свалилась какъ снѣгъ на голову. Позвонила въ одинъ ненастный день у дверей: "Я пріѣхала выручать Петра Петровича. Можно мнѣ жить у васъ?" — "Конечно". Потѣснились, дали мнѣ комнату, пріютили. Да и куда мнѣ было иначе дѣваться? Гостиницъ не существовало, комнатъ въ наемъ не сдавали. Ни ресторановъ, ни магазиновъ, ничего не было... Дикое время. Кошмарная сказка Уэллса. Жизнь внизъ головой. Тѣ, кто сами на себѣ не испытали, тѣ не могутъ себѣ представить. Даже мы иногда теперь себя спрашиваемъ: неужели все это дѣйствительно было?

Отъ Лизетъ я узнала, что свиданія въ Ивановскомъ лагерѣ бываютъ по воскресеньямъ. Кромѣ того, можно по средамъ передавать для заключенныхъ пищу, но видѣться дозволено только разъ въ недѣлю.

Въ жизни каждаго человѣка имѣются своего

рода кульминаціонные пункты: первый поцѣлуй Джульеты для Ромео, битва при Марнѣ для Жоффра, перелетъ черезъ океанъ для Линдберга...

Задолго до часа, назначеннаго для свиданій, я заняла мѣсто въ длинной очереди, вытянувшейся передъ воротами тюрьмы. Кого тутъ только не было: все бывшіе люди, исхудалые, обтрепанные, надломанные жизнью, терроризированные Дзержинскимъ. Но мнѣ сегодня не до нихъ... Глаза скользятъ разсѣянно по желтымъ, горемъ притупленнымъ лицамъ. Нетерпѣнье тяжелымъ комкомъ спираетъ грудь, а на душѣ и горько, и весело... Медленно ползутъ минуты. Гдѣ - то пробили часы... Наконецъ - то.

Тяжелыя ворота тюрьмы неспѣшно раскрываются; сердце заметалось въ бѣшеномъ ту-стэп-ѣ.

Свиданія происходили въ маленькомъ дворикѣ, подъ наблюденіемъ солдатъ съ винтовками. Заключенныхъ выводили группами по двадцать - тридцать человѣкъ; обгоняя другъ друга и толкаясь, каждый спѣшилъ отыскать своихъ среди общей толпы посѣтителей.

Въ первую секунду я его не узнала: похудѣвшій, съ длинными волосами и незнакомой русой бородкой. Вижу: стоитъ, оглядываетъ толпу, не понимаетъ, кто его вызвалъ. Онъ искалъ глазами Лизетъ или Елену Николаевну. Про меня и мысли не было, я, вѣдь, въ Лондонѣ.

— Hullo!

Оглянулся, посмотрѣлъ, — секундное недоумѣніе, потомъ понялъ. Протянулъ руки:

— But it is absurd!

Что можно сказать другъ другу въ какія - нибудь несчастныя пятнадцать минутъ, стоя на снѣгу, среди шума и гама, и всѣхъ этихъ незнакомыхъ людей, гдѣ каждый торопится высказаться, стараясь перекричать сосѣдей. Что можно сказать? какіе - то обрывки фразъ, отдѣльныя слова... Да и безъ словъ все понятно... Однимъ взглядомъ, однимъ прикосновеніемъ руки сказано все...

Чей - то громкій, грубый голосъ внезапно обрываетъ сказку:

— Граждане, свиданье кончено, прошу не задерживать.

Вырываютъ изъ объятій, торопятъ, гонятъ къ двери. Сразу вспоминаю все то, о чемъ необходимо было переговорить, всѣ тѣ важные практическіе вопросы, которыхъ мы не успѣли и затронуть. И столько всего, о чемъ хотѣла разспросить...

— Скорѣе, гражданка, не слышите, что-ли.

— Goodbye, God bless you, darling.

— До будущаго воскресенья.

И радость, и горе. Радость что добралась, что видѣла, что смогу хоть немного облегчить и помочь. Неужели я, правда, въ Москвѣ? Смѣшной, нелѣпый городъ, такой мало знакомый и вмѣстѣ съ тѣмъ такой родной. Мнѣ страшно того, что впереди, я боюсь неясностей будущаго; вотъ - бы сейчасъ сходить къ Madame de Thèbes. Я боюсь трудностей предстоящей борьбы: я противъ Чека, какъ Давидъ противъ Голіафа. Хотя, по преданію, побѣдилъ Давидъ, но въ современной жизни обычно берутъ верхъ Голіафы. Чѣмъ кончится это единоборство, въ коемъ голова П. П. замѣнитъ традиціонный серебряный кубокъ, подносимый побѣдителю?

Мое появленіе произвело въ тюрьмѣ впечатлѣніе. Чтобы кто-нибудь добровольно вернулся въ Совдепію, это случалось не часто. Но чтобы жена пріѣхала изъ-заграницы выручать мужа, такого случая еще не было. День или два спустя я сидѣла на скамейкѣ въ пріемной комиссара по дѣламъ заключенныхъ Медвѣдева; пришла просить о томъ, чтобы дали мнѣ внѣочередное свиданье съ мужемъ. Рядомъ со мною ожидала женщина, изъ простыхъ. Разговорились. Выяснилось, что ее только сегодня утромъ выпустили изъ Ивановскаго лагеря. Я насторожилась, принялась разспрашивать: какъ кормятъ (или вѣрнѣе не кормятъ), каково начальство и т. д.

— И представьте только, — говоритъ она, — у насъ въ лагерѣ заключенный одинъ, князь, такъ къ нему изъ - заграницы жена пріѣхала.

— Да ну....?

— Ей Богу правда, кого хотите спросите.

Она даже обидѣлась.

Всякому лестно послушать разсказъ о себѣ, особенно когда на вашу долю выпадаетъ роль героини. Точно подслушиваешь у дверей безо всякаго риска нарваться. Я-бы, конечно, не скоро ее отпустила, да въ это время вызвала меня секретарша Медвѣдева. Комиссара самого не было.

Удивительно, сколько злобы можетъ въ себѣ вмѣстить человѣческое сердце.

— Вы почему просите о свиданьи?

— Полгода не видѣлась съ мужемъ.

— Ахъ, бывшій князь. Такъ... такъ... Такимъ полезно посидѣть.

— ???

— Небось, раньше вы не думали о тѣхъ, кого

гноили въ тюрьмахъ? Притѣсняли народъ, а сами радовались!

— Увѣряю васъ, что я никого не притѣсняла...

— Теперь на себѣ испытаете, какъ это пороги обивать. Ни на какія поблажки не разсчитывайте.

Дьяволиха какая-то, аспидъ въ юбкѣ, коммунистическая Баба - Яга. Отъ нея я, конечно, ничего не добилась - бы; на счастье вернулся комиссаръ. Спокойный, выдержанный, онъ поражалъ блѣднымъ аскетическимъ лицомъ и умнымъ выраженіемъ большихъ черныхъ глазъ. Выслушавъ, сразуже распорядился выдать мнѣ ордеръ на свиданіе. Я потомъ не разъ у него бывала въ хлопотахъ о мужѣ. Всегда вѣжливъ, голосъ мягкій, избѣгаетъ лишнихъ словъ. Если - бы всѣ большевики были таковы! Только много позднѣе стало мнѣ извѣстно, что за маской чарующихъ манеръ таилась неумолимость Торквемады и жестокость Чингисхана. Не было случая, чтобы слезы матери или жены его разжалобили, чтобы дрогнула рука, подписывая смертные приговоры. Его боялись даже въ Чека... Нѣтъ, лучше сто издѣвающихся секретаршъ, чѣмъ этотъ одинъ, съ его лицомъ аскета и душою палача.

По пріѣздѣ въ Москву, съ первыхъ - же дней принялась хлопотать объ освобожденіи П. П. Иллюзій я себѣ не дѣлала, знала, что добиться будетъ трудно, но знала также, что не успокоюсь пока не добьюсь. Планъ дѣйствій былъ у меня готовъ: отъ Горькаго я получила бумагу о томъ, что П. П. работалъ во "Всемірной Литературѣ", что онъ его знаетъ и ручается за то, что никакой опасности для совѣтской власти онъ не представляетъ. Какъ извѣстно, "Всемірная Литература" являлась въ пер-

вые мѣсяцы революціи своего рода благотворительнымъ учрежденіемъ, спасательнымъ пунктомъ для всей погибавшей петербургской интеллигенціи. За нее много на томъ свѣтѣ грѣховъ отпустится Алексѣю Максимовичу. Въ числѣ сотенъ другихъ, получалъ оттуда работу и П. П. На его долю выпало переводить Keats'a:

A thing of beauty is a joy for ever.

Но мало радости доставляла намъ прекрасная поэма. Въ погонѣ за ускользающей рифмою, П. П. цѣлыми ночами добросовѣстно пыхтѣлъ надъ работою. И, конечно, совершенно напрасно. На качество стиховъ заказчики не обращали никакого вниманія; по всей вѣроятности, никто и не читалъ ихъ. Да и платили за это гроши; вся сила была въ полученіи "удостовѣренія съ мѣста службы". Куда потомъ дѣлись эти кипы никому не нужныхъ, голодными, замученными людьми исписанныхъ листовъ бумаги? Весьма возможно, что и до сихъ поръ валяются на какомъ - нибудь чердакѣ на Моховой.

Горькій, однако, за столькихъ хлопоталъ, такъ часто заступался за того или иного арестованнаго, что подпись его утратила всякую моральную силу, превратилась въ своего рода **chèque sans provision.** Вотъ Красина подпись, это было - бы повнушительнѣе. Зато и получить ее будетъ труднѣе. Извѣстная надежда на то, что Красинъ не откажетъ, у меня была. Ибо хотя драгоцѣнное письмо отъ Эсъ-эсъ и было мною уничтожено, (этого, милый Н., я вамъ такъ скоро не забуду!), все - же я знала, что въ предстоящемъ моемъ разговорѣ съ Красинымъ, имя Эсъ-эсъ явится въ моихъ рукахъ опредѣленнымъ козыремъ. Въ этомъ я не ошибалась.

Первая трудность состояла въ томъ, чтобы добиться съ нимъ свиданія. Никакіе монархи не укры-

вались за столькими барьерами, какъ вожди побѣднаго пролетаріата: узрѣть лицо Ленина въ предмавзолейный періодъ его біографіи было для простого смертнаго столь - же трудно какъ, напримѣръ, взглянуть въ открытое лицо любимой наложницы какого - нибудь Абдулъ Гамида. Я бѣгала за Красинымъ съ упорствомъ влюбленной старой американки, разузнала гдѣ онъ живетъ, когда и куда ѣздитъ, гдѣ и когда принимаетъ; терпѣливо высиживала полъ - дня въ передней какого-нибудь совѣтскаго учрежденія гдѣ-нибудь на другомъ концѣ города, только для того, чтобы послѣ долгихъ часовъ ожиданія услыхать:

— Сегодня поздно, товарищъ Красинъ больше никого принимать не будетъ.

Ну что-жъ, приду на слѣдующій пріемъ.

Наконецъ - то, удалось застать его рано утромъ въ гостиницѣ Метрополь, переименованной теперь въ "Домъ Совѣтовъ". Поразительно, до чего цѣпки старыя названія: самые грозные декреты безсильны были вырвать ихъ изъ обихода. "Метрополь", несмотря ни на что, оставался "Метрополемъ", вновь окрещенныя улицы упорно держались старыхъ именъ, и даже титулы наши — столь ненавистные большевицкому уху "графъ" или "князь" — нерѣдко въ разговорѣ съ нами непроизвольно слетали съ устъ самаго стопроцентнаго коммуниста. "Что имя? звукъ пустой"... Но вотъ, случается - же иногда, что пустой звукъ оказываетъ болѣе сильное сопротивленіе, труднѣе поддается истребленію, нежели массивныя постройки изъ камня и желѣза!

— Да, товарищъ Красинъ у себя.

Однако внутрь зданія доступъ только по пропускамъ. Нѣсколько минутъ уходятъ на заполненіе

анкетнаго листа, провѣрку документовъ и прочія формальности. Запрашиваютъ Красина по телефону... Выполняютъ пропускъ...

— Можете идти. Комната номеръ такой - то.

Принялъ онъ меня вполнѣ корректно. Разсказала ему, что видѣла Эсъ-эсъ заграницей, что дѣйствую по указанію послѣдняго, въ случаѣ экстренной нужды обращаться къ нему, Красину. Было - де и письмо, да пришлось его уничтожить. Разсказала далѣе, что П. П. вотъ уже пять мѣсяцевъ какъ сидитъ за рѣшеткой, взятъ въ качествѣ заложника, обвиненія ему никакого не предъявлено, суда надъ нимъ не было... Поохалъ, посочувствовалъ, обѣщалъ похлопотать. Знаю я эти обѣщанія "похлопотать". Нѣтъ, хлопоты своимъ чередомъ, а вотъ сейчасъ, не согласится - ли онъ за одно съ Горькимъ подписать ручательство за П. П. Вытаскиваю бумагу.

— Оставьте, я посмотрю. Зайдите опять черезъ нѣсколько дней.

Не отказалъ. И то хорошо. Ухожу, полная самыхъ розовыхъ надеждъ.

Робинзонъ Крузо жилъ на пустынномъ островѣ, Нансенъ много мѣсяцевъ провелъ въ полярныхъ льдахъ; есть такіе, что испытали землетрясеніе въ Мессинѣ, и такіе, что выжили послѣ пяти лѣтъ въ окопахъ; кое - кто спасся съ Титаника... Мы — же прожили зиму двадцатаго года въ Москвѣ. Тѣ, кто сами перенесли, тѣ знаютъ. Другіе, сколько ни разсказывай, по-настоящему никогда не поймутъ. Да, конечно, мы голодали. Не такъ сурово, какъ многіе другіе, ибо ѣли мы каждый день, даже два раза въ день... И все-таки... Безъ мяса,

безъ масла, безъ бѣлой муки, безъ сахара и т. д. Мерзлая картошка, да пшенная каша на водѣ, да немного чернаго хлѣба. Изо дня въ день. Мысль объ ѣдѣ была постоянна, пріобрѣтала характеръ своего рода навязчивой идеи. И какъ всякая манія, глубоко нарушала душевное равновѣсіе. Приходили съ чернаго хода неопредѣленныя личности съ мѣшками за спинами, предлагали кто муки, кто картошку... Торговались шопотомъ, уходили съ оглядкой. Хлѣбомъ почему-то торговали въ подвалахъ Московскаго университета. Бѣгали мы туда подъ вечеръ (благо отъ Шереметьевскаго переулка недалеко), возвращаясь, прятали хлѣбъ подъ пальто. Вотъ - вотъ схватятъ и посадятъ за "спекуляцію". Поди потомъ, выкручивайся. Всѣ мысли, всѣ разговоры вертѣлись вокругъ одного: гдѣ, чего, за сколько. Была операція въ одной изъ городскихъ больницъ: брюшина вскрыта, внутренности выпираютъ, а хирургъ и его ассистентка спорятъ о цѣнахъ на масло. Руки хирурга машинально перебираютъ кишки, ассистентка машинально накладываетъ пинцеты, сестра машинально подаетъ инструменты... А волнующій всѣхъ споръ продолжается. Я сама при этомъ присутствовала; я была ассистенткой.

Страдали мы и отъ холода. И опять-таки, мы были счастливѣе многихъ другихъ: ниже трехъ-четырехъ градусовъ температура въ комнатахъ не опускалась, вода въ умывальникахъ не замерзала даже въ большіе морозы. Съ шубами не разставались: по ночамъ въ нихъ спали, днемъ въ нихъ работали. Трудно шить, когда застывшіе пальцы отказываются держать иглу, трудно читать, когда холодное пощипываніе въ рукахъ и ногахъ мѣшаетъ мыслямъ сосредоточиться. Если становилось

невтерпежъ, шли на кухню, собирались вокругъ тлѣющихъ въ печуркѣ угольковъ; но нерѣдко случалось, что и печурка стояла холодная.

Прислуги въ квартирѣ давно уже не держали; всю работу дѣлали сами. По очереди готовили обѣдъ, по очереди мыли посуду (кромѣ Сережи, цѣлый день занятаго лекціями и уроками, поздно возвращавшагося домой и державшагося нѣсколько въ сторонѣ отъ нашего женскаго муравейника). По очереди - же таскали наверхъ изъ сарая бревна и распиливали ихъ на дрова. Нелегко маленькой домашней пилою разрѣзать толстое, насквозь промерзшее бревно. Во время практическихъ занятій по оперативной хирургіи на четвертомъ курсѣ Медицинскаго Института, профессоръ Сусловъ, демонстрируя намъ на трупѣ технику ампутаціи конечностей, любилъ приговаривать: "Это совсѣмъ просто, то - же движеніе какъ при распиливаніи дровъ". Признаюсь, мнѣ въ тѣ дни никогда еще не приходилось пилить дрова. Но когда теперь пила моя то и дѣло судорожно застревала въ каменныхъ внутренностяхъ мерзлаго бревна, я старалась помочь себѣ воспоминаніями объ операціонномъ столѣ: "То же движеніе какъ при распиливаніи тибіи".

Потомъ, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ, у насъ какъ и во многихъ другихъ домахъ, лопнули канализаціонныя трубы и приходилось, опять - таки по очереди, носить воду ведрами изъ сосѣдняго двора. Это были тяжелые дни: у единственнаго крана всегда очередь, руки мерзнутъ, ноги тоже, — нелегко дотащить до второго этажа тяжелое ведро ледяной воды по узенькой темной лѣстницѣ, покрывшейся отъ расплесканной воды скользкой ледяной корой. И это не одинъ, а два, иногда три раза въ день.

Впрочемъ, чего жалуетесь? Подумайте, каково тѣмъ, кто живутъ въ пятомъ.

Жили мы между собою дружно; ссоръ почти не бывало, а если и возникали, то больше всего по пустякамъ и исключительно среди молодежи. Насъ въ квартирѣ помѣщалось пять женщинъ: Елена Николаевна съ 16-тилѣтней дочерью Ольгой, Лизетъ — племянница Сережи, Надежда Амандовна, оставшаяся оберегать квартиру для прежнихъ владѣльцевъ и, наконецъ, я. Квартира небольшая, жизнь собачья; всѣ полу - голодныя, измученныя, злыя. Не мудрено, что въ такихъ условіяхъ молодежь иногда теряла терпѣніе.

Очень томительны бывали вечера. Электричество во всемъ городѣ гасилось рано; холодъ въ комнатахъ стоялъ невыносимый. Собирались обыкновенно на кухнѣ, сидѣли сжавшись вокругъ догоравшей печурки. Изрѣдка заходилъ кто - нибудь изъ жившихъ по близости знакомыхъ. Темы для разговора давно всѣ исчерпаны; новости дня сводились къ свѣдѣніямъ о послѣднихъ арестахъ, къ слухамъ о послѣднихъ разстрѣлахъ, да новыхъ повышеніяхъ цѣнъ на продукты. Сообщали другъ другу, гдѣ что можно достать, сравнивали качества пайковъ, выдаваемыхъ различными совѣтскими учрежденіями. Очень въ ходу было заниматься составленіемъ воображаемыхъ меню неизвѣстно когда предстоящихъ обѣдовъ: безплодное самоистязаніе, своего рода психологическая флагелляція, коей всѣ мы отъ времени до времени предавались. Споры на отвлеченныя темы давно утратили всякій интересъ, ибо каждый напередъ уже зналъ все, что другой скажетъ. Такъ на войнѣ, въ періоды затишья, изо дня въ день слушали въ передовыхъ краснокрестныхъ отрядахъ однѣ и тѣ - же грамофон-

ныя пластинки. И днемъ и ночью, все одни и тѣ - же надоѣвшіе мотивы, отъ которыхъ иные приходили въ ярость, а другіе впадали въ отчаянье, и слухъ о предстоящемъ сраженіи являлся радостнымъ вѣстникомъ долгожданной перемѣны.

Держать себя въ чистотѣ становилось съ каждымъ днемъ все труднѣе. Страшный сѣрый врагъ — вошь подкрался и ко мнѣ. Первый разъ, помню, и тошнило и хотѣлось плакать. А потомъ привыкла, и хотя отвращеніе осталось, но въ истерику я больше не впадала. Сначала пыталась бороться. Какихъ только средствъ я на себѣ не испробовала! И натиранія, и ладанки на шеѣ, и камфара, и нафталинъ, и еще многое - многое другое. Обливалась по утрамъ ледяною водой, отдавала стирать бѣлье въ китайскую прачешную... Но и наука, и суевѣріе были безсильны, и всѣ мои усилія оставались напрасны. Пришлось покориться. Говорятъ, въ тѣ дни очень распространена была азартная игра: четнымъ или нечетнымъ окажется число насѣкомыхъ, захваченныхъ на тѣлѣ подъ рубашкою однимъ взмахомъ руки. Такого пріятія зла я все таки никогда не достигла. Дѣло дошло до того, что самъ Ленинъ забезпокоился: на улицахъ появились огромные плакаты съ изображеніемъ гигантской вши въ сопровожденіи трогательнаго воззванія: "Товарищи, не дадимъ вши погубить коммунизмъ". И спѣшившіе мимо прохожіе возсылали къ нему молчаливую молитву: "Эхъ, кабы одинъ гадъ съѣлъ другую гадину".

Кромѣ общихъ хозяйскихъ хлопотъ были у каждой изъ насъ и свои собственныя заботы. У меня только одна: забота о П.П. Прежде всего, надо бы-

ло не дать ему умереть отъ голода, ибо ограничиваться только тюремнымъ пайкомъ значило медленно, но вѣрно идти къ смерти отъ истощенія. По воскресеньямъ передача пищи заключенному производилась при личномъ свиданіи; по средамъ передавали черезъ стражу. При передачѣ прилагали списокъ передаваемыхъ вещей; на немъ - же можно было приписать нѣсколько словъ отъ себя. На это смотрѣли сквозь пальцы, а, можетъ быть, по безграмотности просто не замѣчали. То же дѣлалъ и П. П. , возвращая посуду. У меня сохранилось нѣсколько такихъ записокъ, написанныхъ карандашомъ на обрывкахъ грубой, сѣрой бумаги. Привожу дословно:

Первая, это открытка отъ 20-го ноября, нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ Москву:

Среда, послѣ свиданія.

Не добивайте меня, разоряясь еще на мое питаніе. **Всего** слишкомъ много — дай Богъ въ воскресенье увидимся. Но прошу ничего не приносить, развѣ чернаго хлѣба два-три ломтя и м. б. немного для куренья. Привѣтствую Шереметевскій переулокъ и всѣхъ благодарю. (Здѣсь уже въ воскресенье вспоминали «Русскихъ Женщинъ» Некрасова). —

Съ просьбою беречься и съ надеждою,

Секретарь библіотеки*).

Отъ П. П. Волконскаго.

Среда, 10 декабря 1919. Кор. VII кам. 80.

Мѣшокъ сѣтчатый.
Бутылка.
Благодарю.
Питаю организмъ и надежду.
Be well and careful.
До свиданья,

---

*) По распоряженію врача П. П. освобожденъ былъ отъ физической работы и исполнялъ обязанность секретаря тюремной библіотеки.

Отъ П. П. Волконскаго.

Среда, 17 декабря 1919.

Обратная передача.

1) 1 сѣтчатый мѣшокъ.
2) 1 бутылка.
3) Благодарю!
4) Благодарю Лизетъ.
5) Благодарю Елену Николаевну.
6) Благодарю Сережу, сочетавшаго въ воскресной присылкѣ вкусное съ символическимъ. Вообще, Шер. переулокъ — гуманистическій оазисъ въ зоологической плоскости.
7) **Wasn't I clever in guessing Krass. return?**
8) Берегите Зелененькую. М. пр. дискретно узналъ, что ноябрьское письмо дарлинга съ Ш-ою пословицею сюда дошло, но мнѣ здѣшними умницами не выдано... **Au revoir! Poor d.!**

Здѣсь со вчерашняго дня Княжна Мещерская, кузина Ольги О. Взята за Петрика. Узнавъ о твоемъ пріѣздѣ, она удивленно спросила: «Зачѣмъ?»

Отъ П. П. Волконскаго.

Среда, 24 декабря 1919.

Обратная Передача.

1 сѣтчатый мѣшокъ.
1 бутылка.
Чижикъ, чижикъ, гдѣ вы будете?
Скоро-ль Пѣтуха забудете?
Цѣлый мѣсяцъ вы ужъ тутъ:
Лишь - бы не былъ вамъ капутъ.
God bless you, be well and be careful.
Sunday? au revoir d. d.!
Благодарю всѣхъ.

Отъ П. П. Волконскаго.
Корр. VII кам. 80.

Среда, 14января1920.

Обратная Передача.

1 мѣшокъ сѣтчатый.
1 бутылка.
1 куртка и 1 п. кальсонъ, съ просьбою о неспѣшномъ доставленіи мнѣ обратно.

Forgive me last Sunday's behaviour. I was not well and spent in bed yesterday Tuesday. Again right to-day.

Got awfully sad post-card from Mother
(«одиночество и боли меня переломили»)
I wonder whether one could not put her in some hospital.But I'm afraid she would not consent.

Перевалили окончательно въ 1920... Себѣ я не могу желать большаго **счастья**, чѣмъ мнѣ уже дано, — кромѣ еще **радости:** быть подлѣ тебя. Но больно за тебя и за мать. Желаю счастья. Надѣюсь на воскресенье.

Отъ П. П. Волконскаго.
(корр. VII кам. 80).

21 января 1920.

Обратная Передача.

1 мѣшокъ сѣтчатый.
1 горшокъ круглый.
1 бутылка.

Гренки отличные. Можно - ли все гренками, или-же все не - гренками? (Чтобы имѣть однородное: такъ удобнѣе).

Would you like idea of trying to send message to your daughter by applying to the English parson Reverend North, Большой Чернышевскій пер., 8? (Not far from you). I saw letters arrived *from there* that put hardly a month! (Litwinow's channel). *However:* 1) I don't know when the next departure *from here* will take place.

2) There may be *awful* danger (засада etc.); so if you do it, better try it through Valia *) (or after Conу's**) return).

No news from wherever. Thinking constantly and feeling deeply with poor freezing bird. Thanks, au revoir, be careful! Kindest regards to everyone! Hopingly and longingly and lovingly.

P. P. W.

Иногда **«Обратная Передача»** сопровождалась стихами:

Отъ передачъ гастрономическихъ
Трещитъ твой сѣтчатый мѣшокъ,
И цифръ совсѣмъ астрономическихъ
Бюджетный пѣнится потокъ.

Хотѣлъ держать-бы тонъ комическій
Я въ жестахъ, въ мимикѣ, въ письмѣ;
Судьба-же ставитъ штампъ циническій
На маску на моемъ лицѣ.

---

*) Валеріанъ Николаевичъ Муравьевъ.
**) Графъ Константинъ Александровичъ Бинкендорфъ.

Но гримировки сей трагической,
— Какой не ждалъ ни я, ни ты, —
На крыльяхъ ласточки стоической
Пусть не останутся слѣды.

Всѣ его заботы о насъ. О себѣ, о своихъ нуждахъ ни слова. Какъ въ такихъ мелочахъ сказывается качество человѣка; и атавизмъ. А между тѣмъ, жаловаться было на что. Помимо неудобствъ физическихъ имѣлось и другое: разстрѣлы не прекращались. Каждый почти день доходили до насъ слухи о томъ, что того или иного "вывели въ расходъ"; каждый почти день можно было прочесть въ газетахъ списокъ разстрѣлянныхъ. Изъ тѣхъ, что сидѣли въ одной камерѣ съ П. П., многихъ увели безвозвратно: среди нихъ Гудовичъ, Сабуровъ, Саша Долгоруковъ и еще многіе и многіе другіе. Каждый разъ что я подходила къ воротамъ лагеря — сердце замирало: а вдругъ услышу роковое "Волконскаго больше у насъ нѣтъ". Какъ извѣстно, очень часто не говорили прямо "убитъ". Говорили загадками — "его у насъ больше нѣтъ". Понимай какъ знаешь.

Позднѣе, одинъ изъ сидѣвшихъ вмѣстѣ съ П. П. разсказывалъ мнѣ про себя: онъ былъ изъ тѣхъ, кого регулярно никто не подкармливалъ, посылки получалъ рѣдко, рѣдко. И вотъ, когда получитъ такую посылку, въ тотъ - же вечеръ все съѣстъ безъ остатка. Слѣдующіе дни голодалъ. Но слишкомъ была обидна мысль, что вдругъ сегодня ночью разстрѣляютъ и ѣда пропадетъ.

Одно время въ той - же камерѣ что и П. П., находился нѣкій Михаилъ Васильевичъ Оболонскій, воронежскій помѣщикъ. За что сидѣлъ, неизвѣстно. Особенно опасаться за свою участь у него какъ будто не было основаній. Опасность грозила

ему не большая, а, можетъ быть, даже и меньшая чѣмъ многимъ другимъ, такъ какъ ни титула, ни большого положенія, ни обширныхъ помѣстій за нимъ не числилось. И вотъ, однажды ночью за нимъ приходятъ. Вызываютъ по списку:

— Михаилъ Васильевичъ Оболенскій.

— Да я не Оболенскій, я Оболонскій.

— Все одно, забирайте вещи, тамъ разберутъ.

Трепещущими руками сложилъ свои скромные пожитки, побѣлѣвшими губами простился съ товарищами по камерѣ. Другіе заключенные не очень - то за него и тревожились: слишкомъ нелѣпой казалась мысль о расправѣ надъ этимъ столь тихимъ и скромнымъ человѣкомъ. Думали, скорѣе всего, что переводятъ его въ другую тюрьму.

А на слѣдующее утро въ спискѣ разстрѣлянныхъ прочитали: Оболенскій, Михаилъ Васильевичъ, бывшій князь.

Оболенскій... Оболонскій... съ большевицкой точки зрѣнія и разницы - то почти никакой нѣтъ.

Ходасевичъ разсказываетъ въ "Современныхъ Запискахъ", что у Есенина, въ числѣ прочихъ способовъ обольщать дѣвицъ, былъ и такой: онъ предлагалъ дѣвицѣ посмотрѣть разстрѣлы въ Чека, — я, молъ, для васъ легко могу устроить это. Весьма вѣроятно, что Есенинъ только хвасталъ. И все-таки. Смерть близкихъ намъ людей, какъ зрѣлище, которымъ платятъ за ласки проститутки. Какъ - же не удивляться тому, что никто изъ насъ до сихъ поръ еще не стрѣлялъ ни въ Троцкаго, ни въ Сталина, и что Дзержинскій умеръ естественной смертью?

Бывали и эпизоды комическаго характера: Однажды я принесла П. П., не безъ труда мною раздо-

бытый, завернутый въ газетную бумагу кусочекъ мыла. Привыкнувъ ко всевозможнымъ суррогатамъ, къ кушаньямъ самаго неожиданнаго вида и вкуса, П. П. рѣшилъ, что и это съѣдобное. Попробовалъ съ солью, съ сахаромъ, съ чаемъ, — одинаково невкусно. Выручилъ сосѣдъ по камерѣ, англичанинъ: «What are you doing, Prince? Don't you see — it's soap!»

Другой разъ какъ - то, П. П. сообщилъ мнѣ, что у него нервная чесотка. Былъ у тюремнаго врача, тотъ прописалъ бромъ, далъ какую - то мазь. "А насѣкомыхъ у тебя нѣтъ?" — "Не замѣчалъ". Слѣдующую партію полученнаго отъ него для стирки бѣлья, я тщательно просмотрѣла: конечно, вши.

Причемъ - же тутъ бромъ, коллега?

Для полноты картины привожу также и нѣсколько моихъ, случайно сохранившихся записочекъ, сопровождавшихъ "передачи".

Передача П. П. Волконскому. 11. 11. 20.

Каша, хлѣбъ, бутылка молока, папиросы, имѣются благопріятныя свѣдѣнія, но не провѣренныя, не падайте духомъ.

Передача П. П. Волконскому, 18. 11. 20.

Горшокъ съ кашей (прошу отмѣтить, лучше или хуже обычной), хлѣбъ, молоко, папиросы. Кони вернулся, постараюсь притащить его въ воскресенье. Дѣло никакъ не удается столкнуть съ мертвой точки. Обо мнѣ не безпокойтесь. Въ отсутствіи въ домѣ воды или пшена, право, больше комическихъ нежели трагическихъ элементовъ. Нельзя-же на борьбу за существованіе (хотя-бы и чужое) смотрѣть совсѣмъ серьезно.

Передача П. П. Волконскому, 18. 11. 20.

Горшокъ съ кашей, хлѣбъ, бутылка молока, папиросы. Соль. Кони уѣзжаетъ обратно. Написала нѣсколько словъ Гришѣ. Ничего утѣшительнаго сообщить не

имѣю. Мои достиженія, къ сожалѣнію, исключительно въ такой области, которая никакого вліянія на дѣйствія Ч. К. не имѣетъ.

Подписи я на своихъ запискахъ не ставила.

У меня была одна лишь мысль, одна цѣль: добиться освобожденія П. П. Красинъ бумагу подписалъ. Эта бумага съ подписями Красина и Горькаго являлась главнымъ моимъ козыремъ; задача заключалась въ томъ, чтобы наилучшимъ образомъ ее использовать. На помощь мнѣ пришла Елена Николаевна. Она всѣхъ и все въ Москвѣ знала, повсюду имѣла связи. И сразу - же придумала планъ:

— Я немного знаю теперешняго комиссара юстиціи Красикова. Онъ былъ когда - то репетиторомъ въ домѣ моихъ знакомыхъ. Меня онъ навѣрное помнитъ. Давайте, я ему позвоню, приглашу сюда чай пить. Прямо ему и вручите вашу бумагу.

Великолѣпно. Комиссаръ юстиціи — чего - же лучше. Какъ задумано, такъ и сдѣлано. Въ назначенный день на Шереметевскій переулокъ явился Красиковъ: большой, тяжелый, мрачный. Принесъ съ собою въ бумажкѣ нѣсколько кусочковъ сахара: онъ зналъ, что для насъ это по нынѣшнимъ временамъ недоступная роскошь. Елена Николаевна очень ловко повела разговоръ. Красиковъ съ жаромъ принялся защищать совѣтскую власть, доказывать необходимость всѣхъ принятыхъ ими мѣропріятій. Тутъ - то мы его и поймали:

— Вы, Петръ Ананьевичъ, говорите: справедливость; а вотъ мужъ Софьи Алексѣевны уже шесть мѣсяцевъ безо всякой причины сидитъ въ тюрьмѣ; никакого обвиненія ему не предъявлено, ни слѣдствія, ни суда не было. Взятъ въ качествѣ заложни-

ка, присужденъ сидѣть до окончанія гражданской войны. Гдѣ-же тутъ справедливость? За него такіе люди какъ Красинъ и Горькій готовы поручиться, а и они ничего не могутъ сдѣлать. Вѣдь самый институтъ заложниковъ, это какой - то средневѣковой ужасъ. Развѣ это вяжется со всѣмъ тѣмъ, что вы говорите?

Красиковъ нѣсколько опѣшилъ.

— Что-жъ, могла выйти ошибка. Подайте мнѣ бумагу, изложите подробно всѣ обстоятельства. Если дѣло дѣйствительно такъ, какъ вы говорите, мы его пересмотримъ и разберемъ. Невиновныхъ мы не караемъ.

Это-то именно мнѣ и было нужно. Черезъ нѣсколько дней, заручившись пропускомъ въ Кремль, отнесла въ комиссаріатъ юстиціи по всѣмъ правиламъ составленное прошеніе, съ приложеніемъ драгоцѣннаго поручительства, къ которому кромѣ подписей Красина и Горькаго привлекла еще рядъ другихъ, хоть и не столь крупныхъ, но все-же, съ совѣтской точки зрѣнія солидныхъ именъ. Теперь надо ждать. Такія дѣла въ нѣсколько дней не дѣлаются.

Тяжелые дни: холодные, голодные. Какъ унизительно взрослому человѣку спать и видѣть во снѣ сладкіе пирожки. Другихъ сновъ у меня въ то время не было. Какъ унизительно, придя въ гости и случайно попавъ на чай (морковный, конечно) по поводу семейнаго праздника, съ напряженіемъ слѣдить за тѣмъ, предложитъ - ли хозяйка еще кусокъ недопеченнаго, изъ ржаной муки приготовленнаго пирога, и усиліемъ воли удерживать собственную руку, чтобы не забрала самый большой изо всѣхъ нарѣзанныхъ на тарелкѣ кусочковъ.

Людямъ, никогда не голодавшимъ, не знакомо состояніе, когда при чтеніи книги волнуютъ не столько похожденія героевъ, сколько описанія того, что они ѣдятъ. Англійскіе романы лучше избѣгать: въ нихъ слишкомъ много говорится о ѣдѣ, и упоминанія объ обильныхъ брэкфастахъ, лэнчахъ и ужинахъ попадаются черезъ каждыя нѣсколько страницъ. Французская беллетристика въ общемъ безобиднѣе: тамъ все больше о любви. По наблюденіямъ ученыхъ, у голодающихъ собакъ повышается чувство похотливости. Можетъ быть, у собакъ это такъ. Но у людей, насколько я могла судить, голодъ опредѣленно притупляетъ половую возбудимость. До любви - ли, когда глаза возлюбленной мысленно уподобляются не зелени морской волны, а зелени поданнаго на столъ шпината; когда кончикъ просунувшагося изъ - за зубовъ языка пробуждаетъ мысли не о поцѣлуяхъ, а о хорошемъ блюдѣ варенаго бычачьего языка... Гоголя съ его жирными галушками въ сметанѣ, конечно, лучше избѣгать. Зато детективные романы дѣйствуютъ весьма успокоительно: хорошее убійство отлично отвлекаетъ мысли отъ собственнаго пустого желудка. Въ этомъ отношеніи одинаково рекомендуются и Достоевскій и Конанъ - Дойль. Пожалуй, не безполезно было - бы составить сравнительную оцѣнку произведеній міровыхъ классиковъ съ точки зрѣнія голодающаго.

Вечерами Валя Муравьевъ водилъ меня на лекціи И. А. Ильина по философіи Гегеля. Казалось - бы, до Гегеля - ли намъ тогда было. Однако, аудиторія всегда была полна. Нуженъ былъ пафосъ и огненное слово Ильина, чтобы заставить слушателей отрѣшиться отъ печальной дѣйствительности и отдаться тонкостямъ трудно - постижимаго уче-

нія нѣмецкаго философа. Я съ тѣхъ поръ забыла все, чему онъ насъ училъ; не помню даже и названій трудовъ Гегеля. Но я навѣрное никогда не забуду вида той аудиторіи, толпы голодныхъ, закоченѣвшихъ отъ холода студентовъ, ни того пламеннаго энтузіазма, коимъ горѣли ихъ изможденныя лица. Бывала я раза два и на вечернихъ собраніяхъ у Бердяева. Хотя, надо сказать — философія съ трудомъ лишь шла мнѣ тогда на умъ.

Въ числѣ многихъ личностей, къ которымъ я въ то время обращалась за протекціей (а кого только я не тревожила), былъ и французскій коммунистъ Садуль. Въ самомъ началѣ революціи, когда онъ еще носилъ французскій мундиръ, я какъ - то, гдѣ - то разъ съ нимъ встрѣтилась; но въ моей нуждѣ и такого знакомства было достаточно. Разузнала, что онъ живетъ въ Обуховскомъ переулкѣ. Отправилась. Домикъ во дворѣ, на звонокъ отворяетъ горничная; просятъ обождать. Обстановка самая буржуазная, на полкахъ много французскихъ книгъ. А я-то думала, что коммунисты романовъ не читаютъ. Входитъ Садуль: краснощекій, упитанный, веселый. "Они", видимо, не голодаютъ.

— Чѣмъ могу служить?

Разсказываю мое дѣло — можетъ быть онъ своимъ вліяніемъ могъ бы посодѣйствовать освобожденію моего мужа. "О да, конечно, онъ все сдѣлаетъ", — тутъ - же отмѣчаетъ себѣ въ книжку главныя относящіяся къ дѣлу свѣдѣнья.

— **Je verrai Kameneff demain et lui parlerai de cette affaire. Soyez sans crainte.**

— **Comment vous remercier !**

— **Mais de rien, de rien.**

Какой очаровательный человѣкъ! Какъ это я

не догадалась раньше къ нему обратиться. Сижу у него еще нѣсколько минутъ, бесѣдуемъ о томъ о семъ, вспоминаемъ общихъ друзей. Уходя спрашиваю, не одолжитъ ли онъ мнѣ нѣсколько книгъ для чтенія; у него здѣсь цѣлая библіотека, а мнѣ какъ разъ совершенно нечего читать.

— Naturellement, prenez tout ce que vous voulez.

Какъ онъ милъ! Бросаюсь разглядывать заглавія, но слѣдующія его слова меня останавливаютъ: всѣ книги къ моимъ услугамъ, онѣ, вѣдь все равно ему не принадлежатъ. Я понимаю: реквизированная квартира, владѣлецъ либо погибъ, либо бѣжалъ, либо сидитъ въ тюрьмѣ.

— Такъ вамъ благодарна, но знаете, я лучше возьму книги въ другой разъ. Сегодня неудобно.

Говорилъ - ли онъ съ Каменевымъ я не знаю. Весьма возможно, что и говорилъ; Каменеву врядъ-ли было особенно интересно. На судьбѣ П. П. все это нисколько не отразилось.

Отъ времени до времени буржуи призывались на общественныя работы. Помимо этого, каждый домъ долженъ былъ заботиться объ очисткѣ своего участка улицы и тротуаровъ. Въ опредѣленные дни, по постановленію домового комитета, всѣ жильцы (за исключеніемъ совсѣмъ дряхлыхъ и больныхъ) выходили на улицу; вооруженные кирками, метлами и лопатами, мы добросовѣстно скалывали ледъ, сгребали снѣгъ въ кучи, подметали тротуары. Это была работа осмысленная и логичная, и отъ нея никто не отказывался.

Другое дѣло — принудительныя работы для буржуевъ. Разъ пришло на мое имя извѣщеніе: завтра въ восемь утра быть на сборномъ пунктѣ — на-

рядъ по исполненію общественныхъ работъ. Вышла изъ дому въ семь съ половиной: сумрачное декабрьское утро, падаетъ мелкій снѣгъ. Собираемся въ полутемномъ нетопленномъ зданіи бывшаго участка. Барышни въ шляпкахъ, иныя въ тонкихъ чулкахъ и открытыхъ башмакахъ, старики въ потертыхъ пальто, съ отекшими лицами и мутными глазами — всего человѣкъ сорокъ. Ждемъ около часа. Наконецъ, появляются какіе - то господа, дѣлаютъ намъ перекличку, записываютъ имена неявившихся. Выстроили насъ рядами и подъ конвоемъ нѣсколькихъ солдатъ съ ружьями (совсѣмъ какъ арестантовъ) гонятъ черезъ весь городъ на Рязанскій вокзалъ. На вокзалѣ разбиваютъ на группы, выдаютъ лопаты, распредѣляютъ работу. Требуется очистить отъ снѣга какіе - то запущенные станціонные задворки и пустыри. Ясно, что дѣло не въ самой работѣ — выдуманной и никому ненужной, а въ томъ, чтобы лишній разъ показать свою силу и поизмываться надъ побѣжденными. Солдаты наши разсѣлись кругомъ, курятъ папиросы и подгоняютъ работающихъ, отпуская попутно по ихъ поводу всякія шуточки. "Плохо что-то работаете, гражданка. Али не по вкусу пришлась работа?" Молоденькая барышня въ башмакахъ съ высокими каблуками неуклюже тащитъ на лопатѣ глыбу снѣга; поскользнулась и провалилась по колѣна въ сугробъ. Солдаты гогочутъ. Рядомъ старикъ съ землистымъ одутловатымъ лицомъ и темными кругами подъ глазами; въ изнеможеніи прислонился объ стѣну, лопата выпала изъ рукъ. "Эй тамъ, старина, поворачивайся. Да смотри, поживѣе. Довольно всю жизнь баклуши били, теперя вашъ чередъ потрудиться для народа-то".

Если подвергнуть психологическому анализу

человѣческія эмоціи, замѣшанныя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то увидимъ, что всегда почти на лицо сложная комбинація изъ многихъ отдѣльныхъ чувствованій. Въ данномъ - же случаѣ имѣлось одно только чувство, какъ съ ихъ стороны, такъ и съ нашей: чувство ненависти, въ самой чистой и самой интенсивной его формѣ. In statu nascendi, говорятъ химики, ибо въ моментъ своего возникновенія элементы обладаютъ максимальной активностью.

Когда стемнѣло, насъ отпустили. Выдали при этомъ по фунту чернаго хлѣба на человѣка; того неудобоваримаго хлѣба, съ примѣсью опилокъ и соломы, которымъ питалось въ то время все населеніе. Моя первая заработная плата! Расходились физически истощенные, морально униженные и оплеванные. Такъ строился новый міръ побѣднымъ пролетаріатомъ.

Нѣсколько недѣль спустя пришло новое требованіе: отъ каждой квартиры пусть явятся по два человѣка на трудовую повинность — очистка уборныхъ и клозетовъ. Вопросъ, кому изъ насъ идти? Я заявляю, что не пойду. Пусть сажаютъ въ тюрьму, пусть разстрѣливаютъ, мнѣ все равно.

— А если никто не пойдетъ?

— Не знаю и знать не хочу. Что-бы ни случилось, а чистить чужіе клозеты меня не заставятъ.

Не пошла. И ничего не случилось. Ибо въ назначенный день на работы явилось положенное число людей. Троцкій будто - бы сказалъ: объявите обязательную порку и всѣ буржуи выстроятся въ очередь.

А затѣмъ были обыски. Обычно электричество гасло въ девять часовъ вечера. Если не гасло, то во всемъ кварталѣ тревога: это значитъ, что въ од-

номъ изъ домовъ будетъ обыскъ. Развѣ можно забыть то чувство, съ какимъ прислушивались мы по ночамъ къ каждому проѣзжавшему по улицѣ автомобилю: проѣдетъ мимо или остановится? Кромѣ чекистовъ никто по ночамъ на автомобиляхъ не разъѣзжалъ. Приходили обычно часа въ два ночи; громкій стукъ въ дверь, нетерпѣливые крики... все это слишкомъ хорошо извѣстно, не стоитъ и описывать. Къ намъ въ теченіе зимы навѣдывались, помнится,три раза. Процедура всегда одна и та-же. Но по крайней мѣрѣ обходилось безъ арестовъ. А съ утра уже ползли по дому слухи: того-то забрали, да того-то. Выпустятъ? Разстрѣляютъ?...

Много лѣтъ спустя, въ Парижѣ, разбуженная какъ - то ночью стукомъ въ дверь, я въ ужасѣ выскочила изъ постели: обыскъ? И очень этимъ насмѣшила мирно возвращавшуюся изъ Оперы тетушку. Своего рода сочетательный рефлексъ, съ трудомъ поддающійся уничтоженію.

Каждое воскресенье я ходила въ лагерь на свиданье; жила отъ одной недѣли до другой. Наканунѣ уже начинала заготавливать ѣду. Очень было тяжело тащить все на себѣ — до лагеря часъ ходьбы, если не больше. Снаряжала меня Лизетъ: на спину поверхъ шубы прикрѣпляла ремнями тяжелый горшокъ съ кашей; въ одну руку я брала бутылку съ молокомъ, въ другую сѣтчатый мѣшокъ. Плелась медленно, какъ навьюченный оселъ. Придти надо было по крайней мѣрѣ за часъ до назначеннаго времени. Свиданія полагались отъ часа до трехъ; впускали группами. Въ три часа ворота закрывались — если посѣтителей было много, то часть ихъ оставалась безъ свиданій. Приходилось поэтому зара-

нѣе стать въ очередь и стоять на снѣгу часъ, а то и два. Посѣтителей всегда бывало много. На всѣхъ лицахъ одинъ и тотъ - же отпечатокъ. Такія лица бываютъ у спящихъ, видящихъ тяжелый кошмаръ. Такія лица были у губернаторовъ, ставшихъ разносчиками, у генеральшъ, превратившихся въ кухарокъ.

«Должно быть, сквозь свинцовый мракъ
На міръ, что навсегда потерянъ
Глаза умершихъ смотрятъ такъ».

Изъ недѣли въ недѣлю тѣ-же лица стояли впереди меня, тѣ-же позади. Отъ времени до времени одно какое нибудь исчезало, взамѣнъ его появлялось новое. Въ періоды политическаго напряженія хвостъ передъ тюрьмой удлинялся; въ эпохи сравнительнаго затишья — укорачивался. Своеобразный градусникъ, по которому можно было судить о степени нервности, царившей въ средѣ нашихъ правителей.

Нѣкоторыхъ изъ посѣтителей я знала раньше, съ нѣкоторыми перезнакомилась во время долгихъ нашихъ стоянокъ на снѣгу. Была тутъ и жена моряка Д. - Б-го, сидѣвшаго уже больше года и потомъ, кажется, просидѣвшаго еще столько - же; и племянница князя А. Л. Голицина; и жена генерала С-ва, впослѣдствіи разстрѣлянная большевиками въ отместку за смѣлый побѣгъ генерала изъ тюрьмы; и еще многіе другіе. Мы дѣлились между собою указаніями какъ и черезъ кого лучше хлопотать, сообщали другъ другу, кто изъ большевиковъ отзывчивѣе, кого изъ нихъ чѣмъ можно задобрить. Такъ студенты передъ экзаменомъ учатъ одинъ другого, какъ къ какому профессору подойти, запоминаютъ "коньки" каждаго: тому надо разсказать про оперативную фиксацію позвоночника

при спондилитѣ, сердце этого можно тронуть назначеніемъ пивныхъ дрожжей при фурункулезѣ.

На наше горе зима въ двадцатомъ году выдалась холодная: были дни, когда морозъ доходилъ до двадцати градусовъ и больше. Къ моменту свиданія я уже была въ состояніи ледяной сосульки. Мало радости было отъ этихъ пятнадцати минутъ посреди кричащей толпы, подъ неустаннымъ надзоромъ стражи. Всю недѣлю обдумывала я то, о чемъ нужно было намъ переговорить, но въ послѣднюю минуту половина, конечно, улетучивалась изъ головы. Былъ у меня въ запасѣ и рядъ нѣжныхъ словъ... да гдѣ ужъ тутъ. Не до сантиментальностей.

Особенно страдалъ П. П. отъ невозможности прійти на помощь матери и хоть сколько - нибудь облегчить ея участь. Письма ея становились все болѣе трагичными:

«...теперешняя жизнь мнѣ не въ моготу», писала она ему въ открыткѣ отъ 1/14 декабря 1919, «особенно изъ-за моего персонала, которые всѣ безъ исключенія brutals. Я ужъ говорила это Софи, мнѣ просто страшно быть здѣсь одной, итакъ укажите, какъ мнѣ поступить... je crains de succomber si cela dure.

Очень прошу совѣта и отвѣта,до сихъ поръ тебѣ не хотѣла это сообщать. On me tire les cheveux, me bat et me pousse comme on ne le ferait pas avec un chien, c'est hystérique peut-être, mais c'est horrible. Pardon et supplie réponds.

Да сохранитъ васъ и насъ всѣхъ Господь. Старикъ такой - же и лукавый. Прости.

Мама.»

А вотъ открытка отъ 22 декабря, передъ самымъ Рождествомъ, вся мелко мелко исписанная, мѣстами еле разборчивая:

Dimanche soir.

Слава въ Вышнихъ Богу и на землѣ миръ! Въ человѣцѣхъ Благоговоленіе. «Рождество Твое, Христе Бо-

же нашъ, Ангелы поютъ на Небеси и насъ на землѣ сподоби непрестанно Тебя славить».

Дорогой мой, я жива и живу надеждой на свиданье, но я нездорова и очень страдаю, больно во всемъ тѣлѣ, думаю, что это ревматизмъ и истощеніе, я голодна и мнѣ очень холодно. Надѣюсь, что вы скоро обрадуете меня съ Софи доброй вѣстью и что вы возьмете меня подъ свой кровъ. Я не могу больше ничего дѣлать, одиночество и боли меня переломили, а персоналъ только и ждетъ de se débarrasser de moi. Perche demande un espèce de testament, et la petite dit que certainement cela serait heureux que je disparaisse puisque je suis assez vieille. Tout cela on me le dit à moi. Le vieux est grossier au delà de toute expression, que le bon Dieu le leur pardonne, ils ne savent ce qu'ils font. Маруся et Ольга Андр. te le diront. Ecrivez-moi et consolez-moi, il y a si longtemps que tu ne m'as pas écrit, les dernières nouvelles étaient de Sophy du 15-28 et de Lisette du 17-30. Que Dieu vous garde ainsi que nous tous. Je bénis et j'embrasse toi et Sophy tendrement. J'implore des nouvelles.

Даже злѣйшему своему врагу не пожелаю я никогда получить такое письмо отъ матери. Что мы могли сдѣлать? Она просила крова у П. П., сидѣвшаго въ тюрьмѣ, искала поддержки у насъ, которые больше нея терпѣли всевозможныхъ лишеній. Мы были безсильны помочь, но слова ея "я голодна и мнѣ очень холодно" кошмарнымъ лейтъ-мотивомъ легли на нашу жизнь.

Прошло Рождество, прошелъ Новый Годъ. Что-же Красиковъ? Забылъ?

Но Красиковъ свое слово сдержалъ. Въ первыхъ числахъ января я получила извѣщеніе: на такомъ - то засѣданіи ВЦИК'а было разсмотрѣно дѣло арестованнаго П. П. Волконскаго. Постановлено: предложить В. Ч. К. Волконскаго освободить.

Ура! Ура! Ура! Сомнѣній быть не можетъ: чернымъ по бѣлому написано — о-с-в-о-б-о-д-и-т-ь!

На сердцѣ пташки поютъ, весь міръ окрасился въ розовый цвѣтъ. Бѣгаю отъ одного къ другому, всѣхъ тормошу: "Слыхали? П. П. освобождаютъ". Въ радостномъ сумбурѣ проходитъ день. Завтра онъ будетъ съ нами.

Но проходитъ еще одинъ день, потомъ еще день... Что же это такое? Почему его не выпустили? Сомнѣнія терзаютъ меня. Смущаетъ и нѣсколько двусмысленная формулировка постановленія: почему "предложить В. Ч. К."? почему не просто "выпустить"? Хотя, съ другой стороны, когда высшая инстанція "предлагаетъ" низшей, это по существу равносильно приказанію. Теоретически-то оно такъ, но такъ- ли на практикѣ?

Рѣшаюсь пойти справиться въ Чека.

— Когда выпустятъ Волконскаго?

— Намъ ничего неизвѣстно.

— Какъ неизвѣстно? Вѣдь ВЦИК постановилъ его освободить.

— Это насъ не касается.

Не можетъ этого быть. Навѣрное, просто междувѣдомственная волокита и постановленіе ВЦИК'а до нихъ еще не дошло. Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитетъ — высшая власть въ странѣ. Какъ - же они могутъ говорить "не касается"? Ясно, что тутъ какое-то недоразумѣніе!

Но дни проходятъ одинъ за другимъ и я вынуждена сдаться передъ очевидностью. ВЦИК постановилъ, а Чека до этого нѣтъ дѣла. И все.

Итакъ, приходилось все начинать сначала. Прежде всего надо было повидать Енукидзе, секретаря ВЦИК'а. Принималъ онъ въ Кремлѣ, а раздобыть пропускъ въ Кремль само по себѣ уже цѣлая исторія. Впрочемъ, о связанныхъ с этимъ улов-

кахъ лучше не распространяться: чего добраго еще подведешь кого-нибудь изъ тѣхъ, что остались по ту сторону. Такъ или иначе, а на пріемъ къ Енукидзе я попала:

— Вѣдь было - же постановленіе ВЦИК'а объ освобожденіи Волконскаго.

Онъ не отрицаетъ. Обѣщаетъ, что они дѣла такъ не оставятъ. Слова... слова...

Вновь обращаюсь къ Красикову, обращаюсь къ Каменеву, Калинину. Выслушиваютъ, пожимаютъ плечами. Что они могутъ сдѣлать? Чека сильнѣе каждаго изъ нихъ отдѣльно и всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ.

Кто-то посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ Е. П. Пѣшковой. Приняла она меня сухо и офиціально, сама вся черная, холодная, индифферентная. Молча выслушала, отмѣтила имя и адресъ. И все. Какъ странно, что это первая жена Горькаго. И какъ жалко, что это предсѣдательница Политическаго Краснаго Креста. Мнѣ потомъ объяснили: учрежденіе это заботится лишь о лѣвыхъ и соціалистахъ; судьба "бывшаго князя" нисколько ихъ не интересуетъ.

Обращалась, безо всякаго результата, и къ Михаилу Львовичу Винаверу на Фурманный переулокъ, и къ Маріи Федоровнѣ Андреевой на Воздвиженку.... Сережа пообѣщалъ мнѣ хлопотать черезъ Луначарскаго, Кони Бенкендорфъ черезъ Воровскаго. Еще кто-то черезъ еще кого-то.

Приходитъ ко мнѣ какъ-то вечеромъ М. Онъ служитъ у большевиковъ, у него тамъ сильныя связи. "Если-бы вашъ мужъ согласился поступить на службу въ Комиссаріатъ Иностранныхъ Дѣлъ, то его, конечно, освободили-бы".

— Врядъ ли онъ согласится.

При ближайшемъ свиданіи передаю П. П. этотъ разговоръ. Онъ только засмѣялся. Крѣпко сидитъ въ немъ вѣра въ старую формулу — Noblesse oblige.

Однако-же, и въ самой большевицкой партіи стали все сильнѣе раздаваться голоса противъ произвола Чеки. 15-го января вышелъ декретъ: отнынѣ разстрѣлы будутъ производиться только по постановленію суда. Объ этомъ напечатано въ газетахъ, расклеено по всему городу. Если закрою глаза, и сейчасъ еще вижу предъ собою уголъ улицы, гдѣ я стояла и читала новый декретъ. Кто-то рядомъ со мною утиралъ слезы, кто-то другой украдкой осѣнилъ себя крестнымъ знаменемъ. Точно камень съ души свалился. Теперь можно будетъ спать спокойно.

Смѣшно подумать, до чего мы были наивны! Неужели мы никогда не постигнемъ истинную природу нашихъ враговъ? Не трудно было - бы и тогда уже догадаться, что всѣ эти прекрасныя слова по существу ничего не значатъ. И что Чека, какъ разстрѣливала раньше, такъ будетъ продолжать разстрѣливать и впредь. Единственнымъ дѣйствительнымъ результатомъ декрета было то, что въ ночь наканунѣ его опубликованія многихъ изъ сидѣвшихъ по тюрьмамъ взяли и поспѣшно прикончили. Сколько именно жертвъ погибло въ ту страшную ночь, такъ и осталось невыясненнымъ: одни говорили нѣсколько десятковъ, другіе говорили нѣсколько сотенъ...

А на слѣдующій день послѣ объявленія декрета, П. П. писалъ мнѣ при обратной передачѣ:

> Люди въ моемъ положеніи не представляютъ болѣе ни малѣйшаго интереса, вслѣдствіе вчерашняго устраненія Дамоклова меча. Не удивительно - ли, что

состоялось вчера, а третьяго дня я просилъ о молитвахъ.

Поэтому, всѣмъ кто мнѣ дорогъ, а зелененькой въ первую очередь, могу только желать: ѣхать, ѣхать, — и памятовать, что здѣсь остается благодарный, не теряющій надежды на будущее,

П. П. В.

Прекрасныя чувства. Но вѣдь зналъ-же онъ, что нѣтъ на свѣтѣ такой силы, которая заставила-бы меня уѣхать, оставивъ его одного въ большевицкой тюрьмѣ.

Въ той-же запискѣ кстати сообщалось, что въ тюрьмѣ объявился сыпнякъ и, что самъ тюремный врачъ въ числѣ заболѣвшихъ.

Въ февралѣ - же вселили къ намъ въ квартиру двухъ коммунистовъ — мужа и жену. Люди сравнительно приличные, но... коммунисты. И безъ нихъ намъ приходилось тѣсно. Большевики въ сосѣдней комнатѣ были той знаменитой горошиной, которая всю ночь не даетъ сомкнуть глазъ, той соринкой въ глазу, которая одна застилаетъ собою цѣлый горизонтъ. Что можетъ быть непріятнѣе общей кухни съ совершенно чужими, принципіально враждебно по отношенію къ вамъ настроенными людьми? И стѣснительнѣе невозможности у себя-же дома между собою разговаривать: "Берегись, закрой дверь, говори тише, а то коммунисты услышатъ". Булавочные уколы? Да, конечно. Но въ атмосферѣ повышеннаго нервнаго напряженія, страха, недоѣданія, холода — эти булавочные уколы становились болѣзненными ножевыми ранами.

Я начинала отчаиваться. Всѣ пути были испробованы, всѣ связи пущены въ ходъ, а дѣло не дви-

галось. П. П. по прежнему сидѣлъ подъ замкомъ и надеждъ на его освобожденіе съ каждымъ днемъ становилось все меньше. Разъ Чека не считается даже съ постановленіями ВЦИК'а, то кто-же можетъ на нее воздѣйствовать? Мнѣ оставалось лишь надѣяться на всемірную революцію, со всеобщею по этому поводу амнистіей заключеннымъ. Въ ожиданіи чего имѣлся одинъ послѣдній ходъ.

Какъ разъ въ это время заключенъ былъ мирный договоръ между Совѣтской Россіей и Эстоніею. Волконскіе съ давнихъ временъ владѣли землею въ Эстоніи — извѣстнымъ Schloss Fall подъ Ревелемъ, гдѣ еще въ дни Николая I-го, шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ любилъ отдыхать отъ своихъ трудовъ. Въ текстѣ мирнаго договора имѣлся пунктъ, по которому подданнымъ обѣихъ державъ предоставлялась возможность вернуться въ свою страну. А такъ какъ "подданнымъ" страны считался, или во всякомъ случаѣ имѣлъ право считаться всякій къ ней приписанный, то этимъ самымъ опредѣлялась линія, по которой мы могли хлопотать о разрѣшеніи на выѣздъ; а въ связи съ этимъ и объ освобожденіи П. П. Всѣ необходимыя формальности съ Эстонской стороны могъ провести старшій его братъ, жившій въ Фаллѣ. Оборотная сторона этого плана заключалась въ длинѣ и сложности всей процедуры и неувѣренности въ конечномъ исходѣ. А тѣмъ временемъ П. П., значитъ, такъ и будетъ сидѣть въ своемъ Ивановскомъ лагерѣ. Много и много мѣсяцевъ.

Ко всѣмъ прочимъ невзгодамъ прибавлялся теперь еще и вопросъ матеріальный. Вскорѣ послѣ переѣзда въ Москву я получила отъ одного знакомаго лица изъ Петрограда извѣщеніе о томъ, что мою квартиру заняли матросы. Книги, бѣлье, вещи

— все пропало. Вотъ вамъ и охранная грамота за подписью самого Ленина. Можно - бы кажется знать, что такой подписи грошъ цѣна. А я - то положилась. Вотъ теперь и наказана. Не стоило терзать себя поздними упреками, зачѣмъ во-время не позаботилась о квартирѣ. Но мучительно было думать, что продавая понемногу вещи я могла - бы еще долгое время прокормить и П. П., и мать его, и себя. А теперь? Средства мои приходили къ концу, на скорое освобожденіе П. П. надеждъ было все меньше. Что-же дѣлать?

Съ такими мрачными мыслями возвращалась я однажды изъ тюрьмы, когда встрѣтила на улицѣ графа П. Поздоровались. Онъ меня спрашиваетъ: "Какъ дѣла?"

— Плохо, нельзя хуже.

— Что Пѣтухъ?

— Сидитъ.

— А вы пробовали обращаться къ Богуславскому?

— Нѣтъ, первый разъ слышу это имя.

Со всегдашней своей горячностью, жестикулируя и размахивая руками, П. принялся объяснять: Богуславскій — это таинственная личность, "старый морской волкъ"; у него связи съ Чека, онъ на близкой ногѣ съ самимъ Дзержинскимъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ очень сердечно относится къ бывшимъ людямъ, многихъ уже спасалъ изъ тюрьмы. П. какъ разъ на этихъ дняхъ долженъ у него быть; если я хочу, онъ попроситъ Богуславскаго похлопотать за моего мужа.

— Милый, сдѣлайте это, вѣкъ за васъ буду Бога молить.

Записалъ нѣкоторыя подробности.

— За успѣхъ не ручаюсь, но попробую.

Предупредилъ, что съ этимъ могутъ быть связаны нѣкоторые расходы, но это меня не пугаетъ: не знаю какъ, но деньги найдутся.

Была еще одна мелочь, которая, какъ это ни смѣшно, а являлась лишнимъ препятствіемъ въ дѣлѣ освобожденія П. П. Въ самомъ началѣ, вскорѣ послѣ его ареста, всей партіи арестованныхъ дѣлали перекличку. Вызвали и П. П.:

— Волконскій?

— Я.

— Князь?

— Свѣтлѣйшій.

Вотъ этого "свѣтлѣйшій" они не могли забыть; это было для нихъ еще однимъ добавочнымъ аргументомъ противъ его освобожденія. За минутную фанфаронаду приходилось дорого расплачиваться.

Параллельно этому, другой случай. Не такъ давно, въ Парижѣ, зашелъ ко мнѣ князь Н-въ, сидѣвшій въ Ивановскомъ лагерѣ одновременно съ П. П., и разсказывалъ мнѣ подробности своего ареста:

— Вызываютъ меня на допросъ и первымъ дѣломъ спрашиваютъ: Вы князь такой - то? А я, понимаете-ли, не растерялся и отвѣчаю: Такой - то да, но не князь. Дворянинъ, но не князь. Такъ они никогда навѣрняка и не узнали, князь я или нѣтъ. Только благодаря этому я и спасся.

Курьезно бываетъ отмѣтить, какъ при идентичныхъ условіяхъ у двухъ индивидумовъ могутъ получиться совершенно противоположныя реакціи. Конечно князь Н-въ былъ тысячу разъ правъ. Нѣтъ позора въ томъ, чтобы прибѣгнуть къ хитрости, когда имѣешь противъ себя жестокаго и безпощаднаго врага. Но я не могу представить себѣ П. П., отрекающимся отъ имени предковъ, даже въ

томъ случаѣ, если это необходимо для спасенія собственной головы. Удивительное отсутвіе приспособляемости.

Свиданія въ тюрьмѣ становились чѣмъ дальше, тѣмъ все безотраднѣе. П. П. зналъ, что я сдѣлала все, что было въ моихъ силахъ, и безрезультатно. Не оставалось ничего другого, кромѣ хрупкой надежды на Эстонію, то есть долгихъ мѣсяцевъ хлопотъ съ весьма сомнительнымъ исходомъ. Впереди тюрьма, тюрьма и тюрьма. Мы храбрились другъ передъ другомъ, а на сердцѣ кошки скребли. Въ связи съ этимъ и тонъ нашихъ "передачныхъ" записокъ становился все минорнѣе. Вотъ, напримѣръ, записка П. П. отъ 11-го февраля:

Отъ П. П. Волконскаго (кам. 65, корр. VI).
11 февраля 1920.

Обратная передача.

1. Одинъ горшокъ.
2. Одна бутылка изъ - подъ молока.
3. Одинъ мѣшокъ сѣтчатый.
4. Конечно, ты лишаешь себя многаго, чтобы питать меня. Берегите себя!
5. Не позволитъ - ли примѣч. къ ст. 4-ой тебѣ и матери повидать Фалль?
6. М. б. оттуда легче повліять на мою судьбу. Авось не умру: дѣло вѣдь идетъ къ веснѣ...
7. **Love and hope.** Скучно безъ васъ. **Kiss.**

Коцебу очень благодаренъ.

А вотъ моя передача отъ 22-го февраля:

Простите за плохую сегодняшнюю передачу: Горшокъ съ кашей, къ сожалѣнію, слишкомъ жидкой, бутылка съ молокомъ, кусокъ хлѣба и увы! пакетъ махорки. Пріятныхъ новостей никакихъ. Не признаете-ли цѣлесообразнымъ дать мнѣ въ воскр. письмо къ матери, прося ее прислать мнѣ (оказію я найду) ея эстонскія бумаги и, если возможно, чтобы Сепперъ постарался выцарапать твои? Можно и нѣсколько словъ

Гришѣ. — Все, что сейчасъ происходитъ есть провѣрка на практикѣ теоріи, что «это все не важно». И важно, чтобы теорія побѣдила. Временами бываетъ ощущеніе, что и вы не вы и я не я.

Имѣется такая теорія Ланге-Джемса о происхожденіи эмоцій. Она учитъ, что эмоціи суть субъективныя состоянія, сопутствующія извѣстнымъ физическимъ реакціямъ и не порождаютъ, а лишь сопровождаютъ таковыя. Мы не оттого плачемъ, что намъ грустно, а намъ грустно оттого, что мы плачемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно искусственнымъ смѣхомъ разсѣять душевную скорбь. Но хотѣла бы я видѣть Ланге или Джемса на моемъ мѣстѣ въ февралѣ 1920 года; думаю, они внесли-бы въ свою теорію нѣкоторые коррективы.

Приходилось мнѣ признать себя побѣжденной.

Въ среду 25-го февраля я, какъ и каждую среду, принесла въ тюрьму провизію. Сдаю пакетъ солдату у воротъ, стою, ожидаю "обратную передачу". И вдругъ слышу изъ - за воротъ голосъ П. П.:

— Меня освободили.

— Какъ??? Какъ...

Да, я уже получилъ бумагу.

— Такъ выходи скорѣе!

— Нѣтъ, мнѣ сразу неудобно, надо сложить вещи, проститься съ остальными. Приходи обратно сюда въ два часа, да захвати съ собою ручныя салазки.

Для меня это до сихъ поръ одна изъ самыхъ удивительныхъ вещей за всею революцію. Я не могу понять, какъ можетъ человѣкъ послѣ девяти

мѣсяцевъ тюрьмы не воспользоваться первымъ-же мгновеніемъ свободы, и къ тому-же еще при большевицкихъ порядкахъ, когда каждую минуту могли отмѣнить, раздумать, не выпустить... Въ этой мелочи сказалась вся натура П. П.

Безъ четверти два я опять стояла у воротъ. Былъ яркій морозный день. Снѣгъ сверкалъ ослѣпительно. А въ воздухѣ уже ощущались первыя неопредѣленныя вѣянія весны. Никогда еще солнце не свѣтило такъ весело. Никогда жаворонки не пѣли такъ радостно. Казалось, вся природа торжествуетъ со мною. Сегодня — всѣмъ днямъ день. Такой день развѣ можетъ повториться?

Ровно въ два часа ворота раскрылись и П. П. вышелъ. Милый Коцебу помогъ намъ погрузить вещи на салазки. П. П. уходилъ, онъ оставался.

Въ 25-омъ году въ Парижѣ, на рю Дарю, кто-то меня окликаетъ. Смотрю: Коцебу.

— Помните?

— Помните!

ГЛАВА IV.

Я сегодня, гражданинъ,
Плохо спалъ.
Душу я на керосинъ
Обменялъ.

В. Зоргенфрей.

П. П. свободенъ. Прежде всего домой и ванну.

Когда П. П. нѣсколько пришелъ въ себя (а было отъ чего: его тюремное заключеніе продолжалось ровно девять мѣсяцевъ), — онъ отправился благодарить всѣхъ тѣхъ, кто принимали участіе въ его судьбѣ и такъ или иначе старались объ его освобожденіи. Одинъ изъ первыхъ визитовъ былъ къ Богуславскому. Тотъ съ первыхъ же словъ оборвалъ П. П.:

— Не благодарите никого. Вашимъ освобожденіемъ вы всецѣло обязаны вашей женѣ.

— Какъ такъ?

Богуславскій объяснилъ: когда я обратилась къ нему черезъ графа П. съ просьбою помочь, онъ отправился къ Дзержинскому: "Феликсъ Эдуардовичъ, вы читали Некрасова?" Дзержинскій не далъ ему договорить: "Знаю, знаю, вы хотите говорить о "Русскихъ Женщинахъ" и о княгинѣ Волкон-

ской". И тутъ-же подписалъ указъ объ освобожденіи П. П.

Правда-ли это такъ было или нѣтъ, какъ провѣрить? Богуславскій съ тѣхъ поръ разстрѣлянъ*), Дзержинскій умеръ. Рыцарскій жестъ этотъ плохо вяжется съ нашими понятіями о чекистахъ, которыхъ мы обычно рисуемъ себѣ въ видѣ сто - процентныхъ злодѣевъ, никогда не испытавшихъ простого человѣческаго чувства милосердія.

Когда я теперь съ чѣмъ - нибудь пристаю къ П. П., (а есть-ли на свѣтѣ жена, никогда не изводящая собственнаго мужа?), онъ говоритъ: "Это нравственный шантажъ: Спасла меня изъ тюрьмы и знаетъ, что я ни въ чемъ не могу ей отказать".

Съ освобожденіемъ П. П. передъ нами возникала слѣдующая задача — выѣзда заграницу. Мы знали, что уѣхать теперь, это значитъ надолго оторваться отъ Россіи. Можетъ быть даже, навсегда. Но выбора не было. Нельзя жить въ странѣ, гдѣ на васъ смотрятъ, какъ на враговъ и обращаются, какъ со злодѣями. У насъ отняли все. Большинство изъ насъ готово было съ этимъ примириться. Но быть заодно съ тѣми, кто безправіе, тиранію и убійство возводили въ принципъ, мы не могли. Не могли мы становиться въ ряды людей, которые слово "джентльменъ" обратили въ ругательство.

Если - бы рѣчь шла только о П. П. и обо мнѣ, выбраться изъ Совдепіи было - бы не такъ ужъ трудно. Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, находились люди, что за извѣстную мзду переправляли нелегальнымъ образомъ черезъ границу. Путь

---

*) О причинахъ гибели Богуславскаго ходятъ разные слухи. Не буду ихъ здѣсь касаться, ибо не располагаю достаточными данными, чтобы судить о ихъ достовѣрности.

этотъ сопряженъ былъ съ рискомъ, но думаю, что имѣлось приблизительно 50 процентовъ шансовъ на благополучный исходъ. Многіе попадались; попались, напримѣръ, Голицыны, Фелейзены, Ермоловы... и еще многіе другіе. Особенно нелѣпымъ образомъ попалась чета Е. Они бѣжали съ фальшивыми документами, подъ чужимъ именемъ. Часть пути предстояло совершить по желѣзной дорогѣ. На вокзалѣ вещи ихъ были подвергнуты осмотру и въ чемоданѣ нашли коробочку со старыми его визитными карточками, на которыхъ стояло не только его настоящее имя, но также и придворное званіе: "Камергеръ Высочайшаго Двора". Отрицать было безполезно. Оба они на долго попали въ тюрьму (такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ это все разсказывали). Намъ, впрочемъ, не стоило надъ этимъ задумываться: belle-mère нельзя было ни посадить въ трясучую крестьянскую телегу, ни загримировать подъ финляндскую молочницу, ни, гѣмъ паче, заставить пройти нѣсколько верстъ по лѣсамъ и болотамъ, — ее, которая не могла изъ спальни въ столовую перейти безъ посторонней помощи. Намъ оставалось только одно: добиваться разрѣшенія на выѣздъ въ качествѣ эстонскихъ оптантовъ.

Первымъ дѣломъ П. П. спѣшилъ поѣхать въ Петроградъ, чтобы повидаться съ матерью. Письма ея становились все подавленнѣе и П. П. очень безпокоился.

Получить разрѣшеніе на проѣздъ въ Петроградъ помогъ намъ все тотъ же Богуславскій, собственноручно выправивъ П. П. командировку въ качествѣ "лектора университета Балтфлота".

— Такъ вѣдь такого университета вовсе не существуетъ?

— Велика важность.

— А если меня спросятъ?

— Скажите, что университетъ помѣщается въ Староконюшенномъ переулкѣ, номеръ такой-то, и Богуславскій назвалъ домъ и номеръ собственной квартиры.

Ложь въ большомъ масштабѣ бываетъ часто безопаснѣе маленькой лжи. Фиктивное назначеніе или фиктивная командировка скорѣе могли вызвать подозрѣнія, нежели цѣлый вымышленный университетъ. Именно въ чудовищности выдумки и была ея сила.

Не безъ грусти прощалась я съ Москвой. Вмѣстѣ прожитая зима въ Совдепіи сближаетъ людей больше даже, чѣмъ совмѣстное путешествіе вокругъ свѣта на Цеппелинѣ. Мы первые покинули квартиру въ Шереметевскомъ переулкѣ; полгода спустя и остальные всѣ уже разбрелись каждый въ свою сторону. На старомъ мѣстѣ, какъ вѣрный часовой на своемъ посту, оставалась лишь одна Надежда Амандовна. Елена Николаевна и Сережа выѣхали заграницу, Ольга поступила на художественные курсы въ Петроградѣ, а Лизетъ, красавица Лизетъ, порвала съ семьей и вышла замужъ (по большевицки) за коммуниста.

«Ахъ, Монна Лиза, васъ изъ рамки
Теперь ужъ некому украсть.
Вы промѣняли родъ и замки
На вулканическую страсть».

Такъ писалъ онъ ей.

Каждый бракъ есть прыжокъ въ неизвѣстность. Все зависитъ отъ качествъ вашего парашюта. Благоразумные не ввѣряютъ своей судьбы одному лишь хрупкому элементу страсти.

Мы ихъ видѣли нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ Петроградѣ. Она тогда была еще очень влюблена: "политика" ее не интересовала.

Счастлива - ли Лизетъ теперь? Не знаю. Когда она была нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ, она къ намъ не пришла. Отреклась отъ всего прошлаго и не хочетъ бередить старыя раны? Или боялась, что мы не поймемъ? Или - же просто, въ парижской сутолокѣ не хватило времени добраться до Клиши? Какъ знать? Слѣдующій разъ, Лизетъ, ты можетъ быть къ намъ придешь?

Изъ Москвы до Петрограда ѣхали со всѣми удобствами, въ то время доступными: Анюта Оболенская, ѣхавшая въ одинъ день съ нами, сумѣла какимъ - то образомъ обворожить секретаря ВЦИК'а и получить въ свое распоряженіе цѣлое купе въ международномъ вагонѣ. Нижнее мѣсто она уступила мнѣ. П. П. — же спалъ на полу.

При контролѣ документовъ въ Петроградѣ, удостовѣреніе П. П. вызвало нѣкоторое недоумѣніе. Задержать его не рѣшились, но на всякій случай пригрозили: "Смотрите, если ваша командировка фиктивная, мы до васъ доберемся". Обѣщаніе это обошлось мнѣ въ цѣлую коробочку снотворныхъ.

Куда дѣваться въ Петроградѣ? Такъ странно въ своемъ родномъ городѣ не имѣть пристанища. Но домъ на Фурштадтской, гдѣ мы прожили съ П. П. прошлую зиму, теперь занятъ башкирами; моя квартира захвачена матросами; домъ моего отца на Галерной обращенъ въ музей; квартира моей матери разграблена и кто тамъ сейчасъ хозяйничаетъ, неизвѣстно. А наше положеніе такъ ненадежно,

такъ легко можетъ случиться, что при малѣйшемъ невѣрномъ шагѣ мы попадемъ подъ арестъ или въ тюрьму; всѣ наши помыслы, всѣ наши усилія должны быть направлены на то, чтобы ничѣмъ не привлекать къ себѣ вниманія властей. Всякое выступленіе съ нашей стороны съ требованіемъ о предоставленіи намъ комнаты было-бы и безполезно, и рисковано.

Спасла насъ изъ затрудненія одна извѣстная писательница. Долгъ платежемъ красенъ. Когда-то, въ добрыя старыя времена, она жила у меня на Англійской набережной; теперь, когда мы очутились безъ крыши, она уступила намъ комнату, которую ей предоставили въ Домѣ Искусствъ, и которая ей самой была не нужна.

Домъ Искусствъ на Мойкѣ, это бывшій домъ Елисѣева. Теперь въ немъ жили литераторы и поэты: Корнѣй Чуковскій, Андрей Бѣлый, Акимъ Львовичъ Волынскій, г-жа Султанова, Пястъ... Намъ дали комнату наверху, въ третьемъ этажѣ — бывшій рабочій кабинетъ хозяина дома, гдѣ на стѣнахъ висѣли улыбающіяся, вражеской рукой еще не сорванныя, фотографіи былыхъ хозяевъ и всего многочисленнаго семейства Елисѣевыхъ. Рядомъ съ кабинетомъ помѣщалась большая туалетная комната, со всевозможными (иными довольно неожиданными) гигіеническими и гимнастическими приспособленіями. Для насъ лучшаго убѣжища нельзя было-бы придумать. Подъ крылышкомъ совѣтскаго учрежденія мы чувствовали себя въ сравнительной безопасности.

Belle-mère мы нашли въ печальномъ состояніи. Ужасная зима, холодъ, недоѣданье, одиночество сломили и здоровое ея тѣло и крѣпкій ея духъ. Что осталось отъ былой красавицы, равно

избалованной и людьми и судьбою, никогда ни въ комъ не встрѣчавшей ничего кромѣ поклоненія и послушанія? Совершенно глухая, больная, съ ногами, отекшими отъ недостаточнаго питанія (вотъ когда мы воочію увидали какъ "люди съ голоду пухнутъ"), она все почти время проводила въ кровати; самостоятельно передвигаться она уже не могла. Въ томъ, что вокругъ нея происходило, разбиралась плохо. Можетъ быть, это и къ счастію — слишкомъ ужъ разителенъ былъ контрастъ послѣднихъ двухъ лѣтъ со всѣмъ тѣмъ, къ чему она привыкла въ теченіе семидесяти предыдущихъ. Такъ, не могла она до конца понять, что драгоцѣнности ея — ея знаменитые жемчуга, ея брилліантовое колліе и т. д., и т. д., пропали для нея безвозвратно. Она тѣшила себя иллюзіей, что эти неизвѣстные ей люди въ черныхъ курткахъ, пришедшіе ночью и все у нея забравшіе, что они гдѣ-то эти вещи для нея хранятъ. **«On m'a dit qu'ils ont mis tout ça dans un endroit sûr».**

Мы не возражали. Организмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользуется затуманиваніемъ собственнаго сознанія какъ своего рода защитнымъ аппаратомъ: амнезіи, иллюзіи, бредовыя идеи, сумасшествіе пускаются въ ходъ тогда, когда мысль не въ силахъ вынести ужаса реальной жизни. Такъ въ древности люди будто - бы ослѣпляли самихъ себя, чтобы не взглянуть на голову Медузы: ибо взглянуть, значило погибнуть.

Порою, жалкимъ старческимъ лепетомъ жаловалась намъ **belle-mère** на то, что всѣ ее покинули, на то, что горничная Матильда расчесывая рветъ ей волосы... Но порою просыпались въ ней вспышки прежняго властнаго характера: она уже не жаловалась, она требовала, и даже П. П., со

всей его многолѣтней тренировкой дипломата, не въ состояніи бывалъ въ такіе дни ее образумить. И все-же, въ этомъ немощами и лишеніями разбитомъ тѣлѣ по прежнему яркимъ огнемъ горѣло пламя вѣры; по прежнему ежедневно читала она слабѣющими глазами Евангеліе; по - долго молилась, съ трудомъ, распухшими ногами становясь на колѣни передъ иконами; и по прежнему говорила намъ: **«Il faut croire en la miséricorde de Dieu!»**

Первыя недѣли мы жили продажею сохранившихся у меня простынь. Никто въ мірѣ не ощущаетъ такъ сильно обаяніе хорошаго бѣлья, какъ француженки. Не такъ давно судьба забросила насъ въ богатую усадьбу въ сѣверной Нормандіи. Глядя на то, съ какой любовью хозяйка сама складывала и перекладывала эти кипы отъ прадѣдовъ доставшихся скатертей, салфетокъ и простынь, я вспоминала наше собственное небрежное равнодушіе къ бѣлью, лежавшему въ шкапахъ на попеченіи горничныхъ и экономокъ. Вещи умѣютъ мстить. Я это поняла тогда, когда несла продавать эти нѣсколько, случайно, чужими заботами, сохранившихся простынь, — жалкіе остатки прошлаго изобилія. Каждая изъ нихъ означала теперь недѣлю жизни для П. П. и меня.

Деньги наши улетучивались съ быстротой, которая легко побила-бы всѣ міровые рекорды на скорость. Черезъ короткое время и простыни стали подходить къ концу, и будущее ничего кромѣ голодной смерти намъ не сулило. Выручила опять Анюта Оболенская: она какъ - то развѣдала, что въ библіотечной комиссіи сидятъ очень милые люди. Если къ нимъ обратиться, то они готовы фиктивно

реквизировать вашу библіотеку и помогутъ вамъ вывезти книги изъ конфискованнаго дома. Затѣмъ можно эти книги понемногу продавать, ибо по какому - то капризу судьбы нѣкоторыя книжныя лавки все еще торговали. Не стоило искать логики въ дѣйствіяхъ нашихъ властителей, но можно было этимъ воспользоваться.

Свѣдѣнія Анюты оказались правильными. Было и нелѣпо и безконечно грустно, когда мы съ П. П., въ качествѣ помощниковъ юркаго посланца изъ библіотечной комиссіи, отправились на Англійскую набережную реквизировать мою библіотеку. Во мнѣ мало сантиментальности. Но видѣть, какъ у меня, въ моихъ комнатахъ, хозяйничаютъ чужіе люди, распоряжаются моими вещами, бьютъ мою посуду, спятъ на моей кровати, — все это задѣвало за живое. Чувство собственности выращивалось въ насъ поколѣніями, и обратный процессъ потребуетъ, надо полагать, приблизительно столько - же времени. Если не больше.

Квартиру мою "краса и гордость революціи" содержала хорошо: всюду чисто, всюду прибрано, на столахъ разставлены фотографіи моей дочери. Къ нашему появленію они отнеслись недружелюбно (кто мы на самомъ дѣлѣ, было имъ конечно неизвѣстно). Но ордеръ былъ у насъ въ порядкѣ и помѣшать намъ реквизировать и увезти книги они не могли. Только когда я попыталась пробраться къ письменному столу, гдѣ хранились всѣ наиболѣе дорогія моему сердцу письма и воспоминанія, они воспротивились: бумаги-де всѣ сожжены, а столъ запертъ; ключъ-же унесъ съ собою одинъ изъ товарищей. Настаивать я, конечно, не рѣшилась.

Въ горлѣ щекотало и глаза застилало тума-

номъ, когда, окончивъ работу, я въ послѣдній разъ спускалась по знакомой лѣстницѣ. Увижу - ли я когда - нибудь опять Англійскую набережную, комнаты мои съ окнами на Неву, гдѣ такъ часто сидѣли мы въ сумеркахъ, глядя на зажигавшіеся одинъ за другимъ огоньки на Васильевскомъ Островѣ, на ярко выдѣлявшіяся на фонѣ темнаго неба стройныя очертанія императорскихъ яхтъ и на медленно скользившія внизъ по рѣкѣ черныя тѣни тяжелыхъ дровяныхъ баржъ? Или такъ и помру въ маленькомъ домѣ на грязной уличкѣ одного изъ Парижскихъ предмѣстій, съ вѣчно пьянымъ старикомъ угольщикомъ напротивъ, да рабочими, пьющими аперитивы въ бистро на углу?

«И, легкимъ облакомъ скользя,
Встаетъ все то въ душѣ тревожной
Чего вернуть, увы, нельзя,
И позабыть что невозможно».

На книги прожили мы, само собой, не долго. Въ разгаръ революціи книга не въ цѣнѣ; всѣ мои прекрасныя медицинскія изданія пошли за гроши. За свои услуги услужливый господинъ изъ библіотечной комиссіи отобралъ себѣ всего нѣсколько томовъ: «The Rape of the Lock» съ иллюстраціями Beardsley, «Die Andere Seite» Kubin'a да "Исторію Тѣлесныхъ Наказаній" Евреинова. Скромность его была мною глубоко оцѣнена. Онъ вѣдь могъ взять рѣшительно все, что хотѣлъ.

Продавать больше было нечего. Оставалось только одно, самое крайнее средство: использовать мой врачебный дипломъ. Я - бы несомнѣнно давно уже взялась за медицинскую работу, не будь одного привходящаго обстоятельства, а именно декрета, по которому всѣ врачи, подъ страхомъ

самыхъ грозныхъ наказаній до разстрѣла включительно, обязаны были явиться на регистрацію, причемъ всѣ, кто были моложе сорока лѣтъ (какъ мужескаго, такъ равно и женскаго пола) немедленно командировались на фронтъ. До сорока мнѣ въ ту пору было еще далеко, на фронтъ я ѣхать не хотѣла и ни на какую регистрацію не пошла. Казалось-бы, что на этомъ моя медицинская карьера должна была оборваться. Но нашлись друзья... Одинъ устроилъ меня врачемъ въ красноармейскій лазаретъ, другой взялъ помощницею въ одну изъ общинъ. Имѣлось совѣтское постановленіе по которому, ввиду недостатка въ медицинскомъ персоналѣ, каждый врачъ обязанъ былъ имѣть одновременно три разныхъ мѣста службы. Далекія разстоянія, отсутствіе обычныхъ способовъ сообщенія, перегруженность работой, все вмѣстѣ весьма затрудняло выполненіе этого требованія. Но власти съ такими подробностями не считались. Моя третья служба была при Петрокоммунѣ, гдѣ я завѣдывала отрядомъ по предохранительнымъ противо - тифознымъ и противо - холернымъ прививкамъ служащимъ петроградскихъ булочныхъ.

Какъ и всѣ жители столицы, мы были приписаны къ одной изъ общественныхъ столовыхъ. Наша столовая помѣщалась въ самомъ Домѣ Искусствъ и въ ней кормились всѣ тѣ, кто нѣкогда составляли блестящій міръ Петербургской богемы. Сейчасъ не было больше ни блеска, ни богемы — той веселой, беззаботной богемы, о коей мы привыкли судить по первому акту Пуччиніевой оперы. Была ободранная голодная толпа, съ жадностью набрасывавшаяся на жидкій супъ съ плавающей въ немъ головой воблы и на безцвѣтные куски вываренной въ водѣ пшенной каши. Я дошла до того,

что не могла больше выносить вида этой каши; меня тошнило отъ одного ея прѣснаго, склизкаго запаха... Ну, а вобла была, конечно, еще во много разъ хуже.

Какъ разсказать европейцамъ, у которыхъ слово "рыба" привычно ассоціируется съ представленіемъ о sole frite или turbot au vin blanc, что такое вобла? Какую найти аналогію, какое подобрать сравненіе, чтобы передать всю вкусовую, обонятельную и даже зрительную отвратительность этой самой послѣдней изо всѣхъ представительницъ рыбнаго царства? Смѣсь гнилого яйца съ касторкой, асафетиды съ собачьей желчью... нѣтъ, все это слабо, вяло, даетъ только далекій намекъ на тотъ тошнотворный ужасъ, который навсегда связанъ для меня со словомъ "вобла". И теперь еще случается мнѣ въ кошмарахъ по ночамъ ощущать ея рѣзкій, ни съ чѣмъ не сравнимый, отвратительный запахъ. Многимъ, вѣроятно, покажется смѣшнымъ, что можно на ряду со страшными переживаніями тѣхъ дней говорить о такой мелочи, какъ невкусная рыба. На это трудно возразить. Ибо тѣ, кто сами на себѣ не испытали подобнаго режима, врядъ-ли повѣрятъ, что трагика супа изъ гнилой рыбы можетъ при ежедневномъ повтореніи въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, затмить собою даже трагику гильотины.

Хлѣба столовая не выдавала. Хлѣбъ, равно какъ и сахаръ и рядъ другихъ необходимыхъ предметовъ, выдавался по карточкамъ. Лица, приписанныя къ третьей категоріи, — то есть бывшіе буржуи, получали, помнится, одну восьмую фунта хлѣба въ день. (О низкомъ качествѣ этого продукта распространяться не приходится; слишкомъ все это хорошо извѣстно). Мнѣ, какъ врачу, полагался

фунтъ хлѣба въ день. Думаю, что только благодаря этому мы и выжили.

По той - же врачебной карточкѣ я разъ въ мѣсяцъ получала кусокъ мыла и десятокъ леденцовъ; приблизительно разъ въ полгода небольшой отрѣзокъ матеріи, мотокъ нитокъ, иногда еще что-нибудь неожиданное. Но все это лишь при условіи, что у васъ хватало времени и терпѣнія обѣгать тричетыре совѣтскихъ учрежденія и потерять нѣсколько дней на стояніе въ очередяхъ. Періодъ этотъ будетъ, вѣроятно, отмѣченъ въ исторіи какъ примѣръ величайшаго абсурда, до котораго когда-либо доводило людей неправильное толкованіе и нелѣпое примѣненіе абстрактной идеи.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ такихъ условіяхъ возникло цѣлое множество злоупотребленій. Одно время въ Петроградѣ много смѣялись надъ декретомъ о невѣстахъ, по которому всякая выходившая замужъ женщина имѣла право получить отъ государства приданое, въ видѣ нѣсколькихъ аршинъ матеріи на платье. Идея прекрасная: не будетъ больше ни бѣдныхъ, ни богатыхъ невѣстъ, браки будутъ заключаться только по любви. Но составители декрета упустили изъ вида одно обстоятельство, а именно ту легкость съ какою заключались и расторгались совѣтскіе браки. Въ скоромъ времени возникъ цѣлый классъ женщинъ, единственной профессіею которыхъ было заключеніе браковъ и продажа на рынкѣ полученной каждый разъ въ видѣ приданаго матеріи. Кончилось тѣмъ, что декретъ пришлось отмѣнить.

П. П. заработкомъ не занимался. Онъ всецѣло посвятилъ себя наиболѣе для насъ важному вопросу — хлопотамъ по устройству выѣзда нашего въ

Эстонію. Если насъ не выпустятъ, мы вѣдь рано или поздно все равно обречены на погибель.

Само собой понятно, что общій кавардакъ долженъ былъ отразиться и на жизни городскихъ больницъ. И здѣсь пролетаріатъ вступилъ въ свои права, и голосъ сидѣлки имѣлъ порою больше вѣса нежели голосъ врача. Нерѣдки были случаи вмѣшательства низшаго персонала въ чисто медицинскія дѣла, что приводило къ результатамъ и трагическимъ, и нелѣпымъ. Помню случай, со слезами на глазахъ разсказанный мнѣ однимъ коллегою. Ему предстояло совершить экстренную операцію надъ однимъ изъ служащихъ больницы. Все уже было приготовлено, больной лежалъ на столѣ, наркозъ начатъ и хирургъ взялъ въ руки скалпель... какъ въ операціонную ворвалось нѣсколько сидѣлокъ, съ предсѣдательницей больничнаго комитета санитаровъ и сидѣлокъ во главѣ. "Мы, дескать, постановили операцію не допускать". Больной на столѣ былъ санитаромъ, и товарищи его, обсудивъ вопросъ, пришли къ заключенію, что операція ему не нужна. Напрасно врачъ убѣждалъ, просилъ, доказывалъ что операція спѣшная, что проволочка въ нѣсколько часовъ можетъ оказаться роковой, — сидѣлки стояли на своемъ:

— Комитетъ постановилъ. Если не отвезете больного сейчасъ въ палату, мы вызовемъ остальныхъ и возьмемъ его силою.

Какъ-бы въ подтвержденіе этихъ словъ, въ дверяхъ показалась группа взволнованныхъ, кричащихъ людей въ халатахъ санитаровъ. Коллегѣ не оставалось ничего другого, какъ покориться. Пока онъ обращался къ властямъ, пока тѣ разбирали дѣло — больной умеръ.

Требовалась незаурядная сила духа, чтобы въ

тогдашнихъ условіяхъ работать такъ же, какъ и раньше. Такіе люди были. Мы всѣ знаемъ имя великаго ученаго, который и въ эту страдную пору, отрѣшившись отъ мелкихъ земныхъ горестей, съ успѣхомъ разрабатывалъ крупные научные вопросы. Честь ему и слава. Я-же, увы! не изъ породы героевъ. Свое дѣло я исполняла спустя рукава, къ больнымъ относилась невнимательно, удѣляла на работу возможный минимумъ времени.

Въ началѣ революціи я была врачемъ въ одной изъ главныхъ психіатрическихъ больницъ города. Потомъ въ столицѣ начался голодъ и вся огромная больница наполнилась дикимъ ревомъ голодныхъ звѣрей: "дайте ѣсть". Служители, сами голодные, сами озлобленные, понявъ, что авторитету врачей пришелъ конецъ, скоро тоже превратились въ звѣрей. Дѣлая неожиданный обходъ по палатамъ, я находила больныхъ привязанными къ кроватямъ, безжалостно скрученными ремнями, вплоть до отековъ, до застоя крови въ конечностяхъ, съ синяками на тѣлѣ и слѣдами побоевъ на лицахъ. Я кричала на служителей, требовала немедленнаго освобожденія больныхъ, ходила жаловаться старшему врачу. Служители нагло улыбались мнѣ въ глаза, объясняя, что "больные - де передрались между собою, развѣ можно тутъ за всѣми услѣдить", знали, что я ни слову ихъ не вѣрю и смѣялись надъ моимъ безсиліемъ. Приказанія мои еле исполнялись, и только я отвернусь, принимались за старое. Старшій врачъ въ отвѣтъ на мои жалобы разводилъ руками; что онъ могъ сдѣлать? Сознавая полную свою безпомощность, я бросила психіатрію и вернулась къ первому своему увлеченію — хирургіи. **On revient toujours à ses premières amours.**

Петроградскіе врачи написали въ тотъ періодъ

много интересныхъ работъ о дѣйствіи голода на человѣческій организмъ. Матеріалъ для наблюденій былъ обильный. Каждый день пріемные покои заполнены были человѣческими существами во всѣхъ стадіяхъ голоданія, часто не имѣвшими уже силъ ни двинуться, ни подняться съ пола. Это была богатая почва для всевозможныхъ эпидемій и число умиравшихъ ежедневно отъ сыпняка, дизентеріи и прочаго достигало рекордныхъ цифръ. Лекарствъ въ аптекахъ почти что не имѣлось, да и какой-же смыслъ былъ прописывать рецепты, когда нечѣмъ было больныхъ подкормить. На операціи не экстренныя, больныхъ принимали только въ тѣхъ случаяхъ, когда родственники обязывались, что будутъ послѣ операціи приносить паціентамъ пищу изъ дома. А то получалось такъ, что операція прошла блестяще, а больной умираетъ у васъ на рукахъ отъ недоѣданія: рана не затягивается, швы расползаются... Сколько у насъ такихъ было.

Одно время, за неимѣніемъ хлѣба и другихъ продуктовъ, власти стали выдавать по продовольственнымъ карточкамъ сырой овесъ. Населеніе обрадовалось и тѣ, кто не имѣли возможность подвергнуть овесъ обработкѣ, принялись поѣдать его въ томъ самомъ видѣ въ какомъ получали, т. е. просто сырыми зернами, безъ какихъ либо предварительныхъ манипуляцій въ видѣ очистки или варки. Больницы очень скоро переполнились. Я собственными глазами видѣла людей, у которыхъ весь кишечникъ сверху до низу былъ закупоренъ непереваренными зернами овса; сырыми зернами съ шелухою. Врачи стали въ тупикъ: въ учебникахъ такіе случаи не упоминались. Пробовали дѣлать промыванія желудка, давали слабительныя, ставили клизмы: результатовъ никакихъ. Очень интересный

докладъ прочла намъ докторъ Брицке на очередномъ собраніи хирурговъ въ Маріинской больницѣ: "О механическихъ способахъ очищенія прямой кишки при кишечныхъ закупоркахъ сырымъ овсомъ". Нечего и говорить, что процентъ смертности среди этой категоріи больныхъ былъ весьма высокій; погибали къ тому - же въ страшныхъ мученіяхъ. Черезъ нѣкоторое время власти прекратили выдачу овса: должно быть, запасъ весь вышелъ.

Однимъ изъ послѣдствій голодовки было почти повальное прекращеніе менструацій у женщинъ. Въ связи съ чѣмъ колоссально упала и статистика рождаемости. Не плохо, какъ мѣра предотвращенія зачатія. Куда проще, чѣмъ возиться потомъ съ абортами.

Еще нѣсколько эпизодовъ изъ моей больничной практики того періода.

Однимъ изъ раннихъ совѣтскихъ мѣропріятій была отмѣна права наслѣдованія; всякаго наслѣдованія вообще. Такимъ образомъ всѣ вещи, которыя оставались въ больницахъ отъ умершихъ, поступали въ собственность государства. Придетъ этакая простая старушка, приведетъ тяжело больного сына. Шансовъ на выздоровленіе паціента мало. Прямо такъ огорошить старуху не рѣшаемся; а только уговариваемъ ее никакихъ вещей не оставлять. И одежду больного тоже пусть лучше заберетъ съ собою. "Почему-же?", добивается она, "вѣдь одежа-то понадобится ему, какъ поправлятьсяся будетъ?" — "Ну, вотъ тогда и принесете обратно. А сейчасъ лучше не разспрашивайте и дѣлайте, какъ вамъ говорятъ". Или-же еще: придетъ жена навѣстить мужа, а онъ, оказывается, послѣ операціи неожиданно померъ. Женщина плачетъ, убива-

ется: "Хоть часы его мнѣ верните, да кольцо обручальное. Изверги вы, покойника ограбили". — "Нельзя, матушка, законъ не позволяетъ". Вотъ уже дѣйствительно "дура лексъ".

Была я какъ-то дежурной по лазарету. Около девяти часовъ вечера вызываютъ къ телефону:

— Это дежурный врачъ? Приходите, пожалуйста, сейчасъ по такому-то адресу, у меня сынъ заболѣлъ.

— Дежурный врачъ не имѣетъ права отлучаться изъ лазарета.

— А я требую, чтобы вы немедленно явились, дѣло спѣшное.

— Повторяю, я не могу оставить госпиталь. Если хотите, приведите ребенка сюда, я его посмотрю.

— Я комиссаръ такой - то и предупреждаю, что если вы не послушаетесь моего вызова, я сумѣю принять противъ васъ мѣры.

Это уже хуже: я менѣе всего на свѣтѣ хочу влетѣть въ какой нибудь скандалъ.

— Подождите, я поговорю съ комендантомъ лазарета.

Комендантъ, простой и милый человѣкъ, тоже не имѣлъ желанія ссориться съ вліятельнымъ комиссаромъ:

— Знаете, вы лучше пойдите, авось безъ васъ тутъ ничего не приключится.

Какъ и слѣдовало ожидать, у сына комиссара оказалась какая-то чепуха: не то насморкъ схватилъ, не то объѣлся чѣмъ-то — въ точности не припомню.

Одною изъ непріятностей положенія врача были вѣчныя просьбы больныхъ о назначеніи имъ усиленнаго питанія. Съ медицинской точки зрѣнія

въ немъ нуждались поголовно всѣ; но на практикѣ количество пайковъ было весьма ограничено. Приходилось скрѣпя сердце отказывать. Особенно запомнился мнѣ одинъ больной: на почвѣ аппендицита у него образовался общій перитонитъ. На операціонный столъ онъ попалъ слишкомъ поздно и на спасеніе его не было ни малѣйшей надежды. Больной это зналъ. Но послѣ мѣсяцевъ и мѣсяцевъ голодовки слишкомъ обиднымъ казалось ему умирать какъ разъ тогда, когда мечта о насыщеніи, наконецъ, становилась досягаемой. Голодъ его не былъ физическимъ: измученное тѣло его не нуждалось въ пищѣ, да онъ врядъ - ли бы и прикоснулся къ ней, даже еслибы просьба его и была исполнена. А онъ умолялъ: "Дайте поѣсть. Вѣдь все равно помирать. Такъ пожалѣйте, дайте хоть передъ смертью одинъ разъ поѣсть вволю. Огурчиковъ-бы соленыхъ, да гречневой каши съ масломъ".

На всемъ свѣтѣ нѣтъ врача, который разрѣшилъ - бы такой обѣдъ перитонитному больному. Есть правила, какъ жить и есть правила, какъ умирать. Но мы въ Совѣтской Россіи дошли до того, что даже передъ лицомъ смерти не было у насъ другихъ помысловъ, другихъ вожделѣній, какъ только объ ѣдѣ.

Въ большомъ ходу были въ тѣ дни всевозможные наркотики. Кокаиномъ пользовались, главнымъ образомъ, матросы, чекисты и учащіеся кинематографическихъ студій. Продавался онъ почему-то большею частью въ парикмахерскихъ и даже, какъ это ни странно, безъ особенно большой примѣси соды или сахара. Подруги открыто угощали

другъ друга: на улицѣ не стѣсняясь вытаскивали зеркальце, сыпали на ноготь большого пальца щепотку бѣлаго порошка... Не разъ угощали и меня.

Медицинскій персоналъ, въ общемъ, оказывалъ предпочтеніе морфію. Уходишь вечеромъ изъ больницы, а сестра, смѣясь, протягиваетъ коробочку съ ампуллами: "Хотите конфетку?"

Мнѣ, впрочемъ, и тутъ не повезло: отъ кокаина у меня дѣлается сердцебіеніе, а отъ морфія тошнитъ. Трубки-же съ опіемъ, — этого дѣйствительнаго дара боговъ страждущему человѣчеству, — въ обращеніи не имѣлось. Приходилось искать утѣшенія въ иномъ. Но въ чемъ было его найти?

А тѣмъ временемъ разсказывали, что на Невскомъ мальчишки открыто продаютъ "сыпно - тифозныхъ" вшей; т. е. вшей взятыхъ отъ сыпно - тифознаго больного и способныхъ заразить здороваго человѣка. Эпидемія сыпного тифа была тогда въ разгарѣ; смертность около пятидесяти процентовъ. Но никого не поражало то, что находились желающіе заразиться страшной болѣзнью, поражало только легковѣріе покупателя. Какъ въ самомъ дѣлѣ убѣдиться, дѣйствительно - ли вошь взята отъ больного, или - же только сейчасъ поймана этимъ самымъ мальчишкой подъ собственною рубашкой? А что болѣзнь могла явиться желаннымъ выходомъ изъ многихъ положеній, это было понятно: уклониться отъ мобилизаціи, скрыться отъ грозящаго ареста... Или мало-ли тамъ что.

Въ моихъ передвиженіяхъ по городу мнѣ часто случалось бывать на Литейномъ проспектѣ и проходить мимо небольшого особняка, въ которомъ теперь помѣщался комиссаріатъ Литейной части. Здѣсь полтора года тому назадъ, въ грязной, накуренной комнатѣ заключенъ былъ мой бракъ

съ П. П. Формальности были сведены до минимума: подписали заявленіе о желаніи вступить въ бракъ, помѣтили на бланкѣ наши имена, возрастъ, занятіе — и готово; онъ про себя написалъ "филологъ", я — "домашняя хозяйка". Стоялъ на бланкѣ и вопросъ, какимъ именемъ мы хотимъ впредь именоваться: жена могла взять имя мужа, мужъ могъ взять имя жены, каждый могъ сохранить свое. Такимъ образомъ П. П. могъ при желаніи стать "Долгорукимъ" по имени моего перваго мужа или "Бобринскимъ", по имени моего отца. Странно, до чего такая комбинація представляется намъ нелѣпой.

Когда мы уходили изъ комиссаріата, П. П. обратилъ мое вниманіе на большую красную ленту, гирляндою протянутую черезъ залъ; на лентѣ виднѣлась надпись: "Она ждетъ его".

— Какъ это трогательно, — воскликнулъ П. П., — это, вѣроятно, относится къ невѣстѣ, ожидающей жениха.

Мы подошли ближе. "Буржуй хочетъ гильотины. Она ждетъ его", гласила надпись. Подъ этой эмблемой положено было начало нашей совмѣстной жизни.

Медленно, медленно, съ упорствомъ отчаянья, добивался П. П. того, чтобы насъ выпустили изъ Россіи. "Ну, какой-же вы эстонецъ?" довольно резонно возражали ему въ комиссаріатѣ. Но П. П. не сдавался. Чаще всего приходилось ему обращаться въ комиссаріатъ на Дворцовой площади (переименованной теперь въ площадь Урицкаго) и помѣщавшійся въ зданіи бывшаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Съ этимъ зданіемъ у П. П.,

какъ у дипломата, особенно много связано было воспоминаній. Отсюда въ октябрѣ 17-го года ушелъ онъ вмѣстѣ съ остальными служащими министерства, послѣ захвата зданія большевиками. Позднѣе, лѣтомъ 18-го года (еще до нашей свадьбы) хлопоталъ онъ здѣсь о полученіи заграничнаго паспорта. (Мы тогда думали о томъ, чтобы уѣхать вмѣстѣ и вѣнчаться заграницей. Но судьба рѣшила иначе). Исторія этого паспорта и связаннаго съ нимъ перваго ареста П. П. настолько сама по себѣ занимательна, что хотя она и не имѣетъ прямого отношенія къ описываемымъ сейчасъ событіямъ, все-же заслуживаетъ того, чтобы быть приведенной въ качествѣ небольшого отступленія. Излагаю ее словами самого П. П.:

ИСТОРІЯ ПЕРВАГО АРЕСТА П. П.

"Въ концѣ іюля 1918 г. я началъ хлопотать о полученіи заграничнаго паспорта, мотивируя это необходимостью упорядочить имущественный вопросъ въ Вѣнѣ, гдѣ былъ до самой войны первымъ секретаремъ посольства и гдѣ оставилъ квартиру со всей обстановкой. Результатомъ моего заявленія, поданнаго мною въ Комиссаріатъ Внутреннихъ Дѣлъ Сѣверной Коммуны, было то, что на слѣдующій день ко мнѣ явились съ обыскомъ изъ Чека. Меня въ то время не было дома. Вернувшись и убѣдившись, что при обыскѣ у меня забрали большое количество писемъ и бумагъ, я тотчасъ протелефонировалъ въ Чека, спрашивая у нихъ объясненія случившемуся и прося ихъ дать мнѣ отвѣтъ относительно паспорта. Мнѣ сказали зайти въ Чека. Я немедленно, какъ былъ, отправился на Гороховую. Меня попросили къ слѣдователю, который въ корректной формѣ допросилъ меня относитель-

но моей предполагаемой поѣздки. По окончаніи разговора онъ мнѣ заявилъ, что я арестованъ. Меня отвели въ большую комнату, гдѣ находилось уже человѣкъ семьдесятъ арестованныхъ. Никакихъ коекъ не было, спали на чемъ попало, я ночевалъ на столѣ. На слѣдующій день меня перевели въ сосѣднюю, меньшую размѣромъ камеру, гдѣ я нашелъ нѣсколько знакомыхъ. Здѣсь меня продержали три дня. Составъ арестованныхъ постоянно мѣнялся. Въ послѣднее утро привели великаго князя Павла Александровича; я давно его не видѣлъ и былъ пораженъ его больнымъ, усталымъ видомъ. Онъ и въ этой обстановкѣ держался съ обычнымъ спокойствіемъ, съ обычной любезностью; вспоминалъ со мною старыя времена, прежнія встрѣчи заграницею. Въ тотъ - же вечеръ меня перевели въ одиночную тюрьму на Шпалерной, куда вскорѣ затѣмъ перевели и великаго князя. Тамъ же я встрѣтилъ и вел. князя Николая Михайловича. До сихъ поръ храню его записку, въ которой онъ рекомендуетъ мнѣ имѣющіяся въ тюремной библіотекѣ французскія книги и подписываетъ: **«l'un des avant-derniers Romanoff»**.

Десять дней я провелъ въ одиночкѣ. На одиннадцатый, поздно вечеромъ повезли меня опять на Гороховую. Заставили ждать часа полтора. Около полуночи меня, вмѣстѣ съ десятью другими заключенными, повели на допросъ къ Урицкому, предсѣдателю Петроградской Чеки. Меня онъ допрашивалъ послѣднимъ.

Началъ съ вопроса:

— Вы эстляндецъ?

— Не въ большей мѣрѣ чѣмъ лифляндецъ, курляндецъ, саратовецъ, бессарабецъ... — перечислялъ я губерніи, гдѣ семья моя приписана къ мѣ-

стнымъ дворянствамъ. Урицкій объявилъ мнѣ, что за меня, какъ за эстляндца, хлопотало германское консульство. (Такое неожиданное заступничество явилось результатомъ обращенія барона А. Ф. Мейендорфа въ Балтійскій комитетъ въ Петроградѣ).

— Ничего объ этомъ не зналъ, совершенно искренно отвѣтилъ я Урицкому.

Послѣ короткой паузы онъ, пытливо глядя на меня, спросилъ:

— Вы, конечно, монархистъ?

— Я интегралистъ теократическаго начала, — отвѣтилъ я заранѣе обдуманною формулой.

— Объясните вашу мысль подробнѣе.

— Покойный Торквемада, покойный Побѣдоносцевъ, тѣ старались. А я не стараюсь.

— Ну, положимъ, Побѣдоносцевъ насаждалъ не теократію, а грубое русское самодержавіе.

Неожиданно для меня, всевластный предсѣдатель Чеки оказывался недюжиннымъ полемистомъ. Разговоръ коснулся позиціи, занятой буржуазіею по отношенію къ совѣтской власти.

— Вѣдь вы сами принадлежите къ буржуазіи, замѣтилъ я Урицкому.

— Да, я, пожалуй, болѣе буржуй чѣмъ нѣкоторые изъ этихъ офицеровъ, — отвѣтилъ онъ, жестомъ показывая на группу арестованныхъ, сидѣвшихъ въ углу и терпѣливо дожидавшихся конца моего допроса, — но мы солидаризировались съ пролетаріатомъ.

— Вы Донъ Кихотъ, но не Сервантеской платформы.

— Нѣтъ, Донъ Кихотъ сражался съ мельницами, а мы реальные политики, — и въ видѣ примѣра Урицкій заговорилъ о пополненіи военныхъ кад-

ровъ офицерами новой формаціи. Въ отвѣтъ на это я привелъ ему слова, сказанныя мнѣ когда - то моимъ бывшимъ коллегою, впослѣдствіи нѣмецкимъ министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, Рихардомъ Кюльманомъ:

«Glauben Sie mir, Fürst Wolkonsky, Kriege und Siege werden am grünen Tisch entschieden».

«Nein, nein, nicht am grünen, am rothen Tisch», возразилъ Урицкій и пальцемъ постучалъ о красное сукно стоявшаго передъ нимъ стола... Во всей этой оригинальной бесѣдѣ курьезно было и то, что представитель отмѣнившей титулы совѣтской власти, обращаясь ко мнѣ, называлъ меня "князь".

— Разговоръ нашъ очень интересенъ, но другіе арестованные ждутъ, — сказалъ я Урицкому, видя усталыя лица моихъ товарищей по заключенію. Часы показывали второй часъ. Допросъ былъ конченъ.

— А какъ мнѣ быть насчетъ паспорта? спросилъ я.

— Это вамъ скажутъ наверху.

— Кому - же мнѣ себя вручить?

— Пойдите наверхъ, тамъ скажутъ.

Часъ спустя я былъ свободенъ.

Ровно черезъ недѣлю я пошелъ въ бывшее Министерство Иностранныхъ Дѣлъ за паспортомъ. Войдя съ маленькаго подъѣзда со стороны Мойки, я направился по хорошо мнѣ знакомымъ служебнымъ корридорамъ къ паспортному отдѣлу, помѣщавшемуся во второмъ этажѣ. Подойдя къ двери, я увидѣлъ, что отдѣлъ закрытъ. Въ то-же время я увидѣлъ кучки людей, толпившихся въ корридорѣ, увидѣлъ взволнованныя лица, услыхалъ обрывки фразъ: "убитъ... умираетъ..." — спросилъ, въ

чемъ дѣло. Оказывается, только что на служебномъ подъѣздѣ стрѣляли въ Урицкаго. Онъ еще лежитъ внизу умирающій. Зданіе оцѣпляютъ, при выходѣ требуютъ пропуска. На мое счастье подвернулся старый служащій.

— Голубчикъ, какимъ-бы путемъ мнѣ отсюда лучше выбраться?, — обратился я къ нему.

— Черезъ Мойку лучше будетъ, Ваша Свѣтлость, — и старикъ, совершенно мнѣ незнакомыми закоулками, провелъ меня къ незнакомому выходу. По улицѣ уже носились чекисты на велосипедахъ въ погонѣ за Каннегиссеромъ. Начиналась первая страшная полоса террора".

ГЛАВА III.

Вода камень точитъ. Капля за каплей, день за днемъ ходилъ П. П. изъ одного совѣтскаго учрежденія въ другое, писалъ одному, другому, третьему, спорилъ, доказывалъ, составлялъ какія - то бумаги. Получены были наши свидѣтельства изъ Ревеля: на роскошной бумагѣ, съ гербами Эстляндскаго Дворянства, за большими печатями, за подписью предводителя фонъ Лиліенфельдта удостовѣрялось, что такой-то "принадлежитъ къ внесенному въ Эстляндскій дворянскій матрикулъ роду свѣтлѣйшихъ князей Волконскихъ". Неужели такую бумагу предъявить въ комиссаріатъ? Неужели при видѣ ея не содрогнется отъ негодованія вся площадь товарища Урицкаго, не попадаютъ въ обморокъ дактилистки, не разразится громовымъ раскатомъ избранныхъ ругательствъ товарищъ Залкиндъ и не погибнетъ въ самомъ своемъ зачаткѣ наша хрупкая надежда на полученіе "разрѣшеній для выѣзда въ Эстонію"? Въ парадоксальное время поражаетъ не парадоксъ, поражаетъ норма. И рабоче-крестьянское правительство, отмѣнившее и титулы, и дворянство, и даже самое Россію, преклонилось передъ высокопарной бумагой господина Фонъ Лиліенфельдта и включило насъ въ списокъ эстонскихъ репатріантовъ. Первый и самый

крупный шагъ былъ сдѣланъ. Теперь приходилось ждать нашей очереди въ отъѣзжавшихъ два раза въ мѣсяцъ бѣженскихъ эшелонахъ. Въ принципѣ мы уже были свободны.

Отъ времени до времени въ Домѣ Искусства устраивались вечеринки. Своего рода скромненькій "пиръ во время чумы". Народу собиралось довольно много. На одной изъ этихъ вечеринокъ познакомилась я съ Гумилевымъ, разстрѣляннымъ годъ спустя; тамъ - же познакомилась и съ княземъ Ухтомскимъ, тоже разстрѣляннымъ, "за то, что сообщалъ заграницу свѣдѣнія о русскихъ музеяхъ". Такъ и было офиціально напечатано въ совѣтскихъ газетахъ. Какой-то совершенно особый холодокъ пробѣгаетъ по спинѣ, когда вспоминаешь друзей своихъ и знакомыхъ, погибшихъ насильственной смертью. Не тѣхъ, конечно, что рыцарски пали на полѣ брани съ пулею во лбу, а тѣхъ, кого въ темныхъ подвалахъ чрезвычайки коснулась холодная рука палача. Точно тѣнь отъ этихъ послѣднихъ минутъ отбрасывается далеко назадъ, ложится на всю прожитую ими жизнь. Почему никогда, подчеркиваю — н и к о г д а, не могу подумать объ Иванѣ О., веселомъ, забавномъ толстякѣ Иванѣ, чтобы не встала передъ глазами сцена того, какъ послѣ цѣлой ночи пытокъ въ рукахъ озвѣрѣлой черни, онъ съ презрѣніемъ говорилъ наводившимъ на него ружья солдатамъ: "Мерзавцами были, мерзавцами и остались". Почему княгиню М. Г. Щербатову, которую я знала съ дѣтства, я не вспоминаю иначе, какъ выходящей изъ своего дома въ Немировѣ съ евангеліемъ въ рукахъ и падающей тутъ-же у подъѣзда подъ ударами толпы, отовсюду, какъ на

праздникъ, сбѣжавшейся на расправу съ помѣщицею: съ нею, которая всю жизнь посвятила заботамъ о своемъ имѣньи и своихъ крестьянахъ. И тутъ-же рядомъ Сандра, красавица Сандра, погибшая нѣсколько минутъ послѣ матери, и братъ ея Дима, котораго зарубилъ топоромъ лѣсникъ, укрывшій его въ своемъ домѣ отъ преслѣдованій толпы. Развѣ вся предыдущая ихъ жизнь не важнѣе этихъ нѣсколькихъ предсмертныхъ мгновеній? Или, дѣйствительно, на все наше земное существованіе слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на подготовленіе къ таинству смерти, и правы были древніе со своимъ нашумѣвшимъ изреченіемъ **memento mori**, что, какъ извѣстно всѣмъ окончившимъ классическую гимназію, въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ — "не забудь умереть".

Въ моментъ землетрясенія люди, поддавшись самому непреложному изъ всѣхъ истинктовъ — инстинкту самосохраненія, бросаютъ всѣ свои занятія и въ паникѣ убѣгаютъ. Но когда землетрясеніе вмѣсто нѣсколькихъ минутъ продолжается мѣсяцами и даже годами, старыя привычки понемногу берутъ верхъ, и на колеблющейся почвѣ возстанавливается какое - то подобіе привычнаго существованія. Иногда мы ходили въ гости, иногда гости приходили къ намъ. Изъ тѣхъ, съ кѣмъ приходилось въ то время встрѣчаться, нѣкоторыя фигуры особенно рѣзко сохранились въ памяти. Вотъ, напримѣръ, Андрей Бѣлый, такой нездѣшній, неземной, неуловимый, что къ нему неприложимы были общіе людскіе критеріи; и все яснѣе обозначавшійся уклонъ его въ сторону большевиковъ вызывалъ чувство не упрека, а лишь тягостнаго недоумѣнія. Развѣ намъ дано право судить?

Вечерами нерѣдко заходилъ къ намъ Пястъ,

голодный, несуразный, съ пустымъ взглядомъ человѣка, вѣчно стоящаго на грани дѣйствительнаго и своего призрачнаго міра, и временами эту грань переступающаго. Мы угощали его жидкимъ морковнымъ чаемъ съ сахариномъ, въ то время какъ онъ читалъ намъ послѣднія главы своего неизданнаго романа, столь-же путаннаго, столь-же трудно постижимаго, какъ и сама душа автора; до тѣхъ поръ пока, утомленная работой и напряженіемъ истекшаго дня, я тутъ-же, слушая его, не засыпала...

Иногда навѣщали мы старую княгиню Салтыкову, тихо угасавшую въ двухъ маленькихъ комнаткахъ, единственныхъ изо всего дома уцѣлѣвшихъ отъ реквизиціи. Кто изъ петербуржцевъ не помнитъ большого краснаго дома между Марсовымъ Полемъ и Дворцовой набережной? Красный домъ, куда въ дѣтствѣ возили насъ смотрѣть съ балкона на первомайскіе парады. Красный домъ, въ которомъ позднѣе бывала я на пріемахъ англійскаго посольства. Красный домъ, гдѣ... но здѣсь не мѣсто предаваться сантиментальнымъ воспоминаніямъ. Забудемъ лучше о красномъ домѣ надъ Невою, — его, къ тому - же, навѣрное давно уже перекрасили.

Видались мы и съ пожилою четой, графомъ и графиней Бенкендорфъ. Братъ нашего посла въ Лондонѣ, оберъ - гофмаршалъ Высочайшаго Двора, онъ былъ однимъ изъ немногихъ, оставшихся послѣ революціи при Государѣ. Общеизвѣстный фактъ, что изо всѣхъ флигель - адъютантовъ одинъ только — полякъ графъ Адамъ Замойскій явился въ первые дни революціи въ Царское Село, чтобы предоставить себя въ распоряженіе Императрицы, (не надо, однако, забывать, что большинство дру-

гихъ находилось въ тѣ дни со своими полками на фронтѣ). Во всей Россіи едва нашлось нѣсколько человѣкъ, готовыхъ ради старыхъ порядковъ принести себя въ жертву. Причина этому кроется, главнымъ образомъ, въ простомъ невѣжествѣ: еслибы мы знали о существованіи на свѣтѣ нѣкоего Владиміра Ильича Ленина и могли себѣ отдать отчетъ въ томъ, чѣмъ это грозитъ міру, мы бы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, отдали жизнь хотя-бы даже за царя Іоанна Грознаго. Бѣда въ томъ, что никто изъ насъ этого не зналъ.

Дядя Павлинъ Бенкендорфъ былъ высокій, красивый, худощавый старикъ, до конца сохранившій и изысканную прелесть манеръ, и какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю свою безукоризненность. А она... но что можно сказать о матери, только что трагически потерявшей обоихъ своихъ сыновей? Младшій былъ разстрѣлянъ въ Екатеринбургѣ, куда отправился вмѣстѣ съ Государемъ, старшій, послѣ долгихъ мѣсяцевъ заключенія въ московскихъ тюрьмахъ, внезапно исчезъ. "Его у насъ больше нѣтъ", заявили матери въ тюрьмѣ. Его нѣтъ — и больше никакихъ объясненій. Цѣлый годъ добивалась старая графиня: "Скажите гдѣ онъ, живъ или разстрѣлянъ? Скажите только правду, больше ни о чемъ не прошу". Хлопотала черезъ Горькаго, писала Ленину. Ничего не добилась. Цѣлый годъ лелѣяла надежду.Цѣлый кошмарный двадцатый годъ, со всѣми его физическими лишеніями, съ регулярно повторявшимися у нихъ обысками, съ неоднократными арестами. Весною, къ довершенію всего, ихъ выселили изъ квартиры. Когда графиня убѣдилась, что нѣтъ никакой надежды на то, что сынъ еще въ живыхъ, когда очевидной стала безполезность дальнѣйшаго выжиданія, — Бенкендорфы на-

чали хлопотать о разрѣшеніи на выѣздъ заграницу. Два замученныхъ старика. Казалось - бы, что даже у большевиковъ не подымется на нихъ рука.

Вы думаете? Вы плохо знаете большевиковъ.

Мѣсяцами и мѣсяцами длились переговоры: вѣчная исторія — бѣготня изъ одного учрежденія въ другое, бумаги, хлопоты... Въ началѣ февраля 21-го года ихъ, наконецъ, выпустили. Переѣхавъ эстонскую границу, старый графъ заболѣлъ и тутъ же въ карантинной больницѣ въ три дня скончался. Въ тотъ самый моментъ, когда послѣ всѣхъ вынесенныхъ мукъ открывалась предъ нимъ долгожданная свобода. Похоронили его на семейномъ кладбищѣ въ Фаллѣ.

Тѣ, кто дѣлаютъ революціи, не могутъ позволить себѣ роскошь имѣть простое человѣческое сердце.

А баронесса В. И. Икскуль говорила намъ въ то время, что "празднуетъ свою серебряную свадьбу съ Чрезвычайкой". Это значило, что у нея въ домѣ наканунѣ произведенъ былъ двадцать пятый обыскъ.

Особенное удовольствіе доставляла мнѣ моя работа въ Петрокоммунѣ:прививка противо-тифозныхъ и противо - холерныхъ вакцинъ служащимъ городскихъ булочныхъ. Прививки были обязательны для всѣхъ служащихъ и въ ихъ и безъ того каторжной жизни являлись еще одною лишней, съ ихъ точки зрѣнія совершенно ненужною мукой. У нѣкоторыхъ прививки вызывали значительную реакцію, съ рѣзкимъ повышеніемъ температуры, общимъ недомоганіемъ и выраженными кишечными

явленіями. Прививки повторялись одному и тому - же лицу два или три раза, съ перерывами въ нѣсколько дней, причемъ отъ работы онѣ, какъ правило, не освобождали. Вся злоба, вся ненависть, накопившаяся въ душахъ этихъ людей противъ опостылѣвшей имъ совѣтской власти, направлена была теперь противъ меня, какъ представителя этой самой власти; недоброжелательство чувствовалось и въ неохотныхъ движеніяхъ, какими они раздѣвались, и въ холодныхъ ихъ взглядахъ, и въ короткихъ отвѣтахъ. Никогда не думала, что быть объектомъ ненависти можетъ доставить удовольствіе. Кромѣ того, отъ каждой булочной я и обѣ мои помощницы получали каждая по цѣлому каравaю хлѣба.

Послѣ многихъ недѣль исключительно холодныхъ умываній, все настоятельнѣе стала ощущаться потребность хотя - бы разъ вымыться по настоящему. Общественныхъ бань, конечно, давно уже не существовало, но черезъ кого-то я узнала, что при Александринскомъ театрѣ имѣется разъ въ недѣлю баня для артистовъ и работниковъ театра. Послѣ нѣкоторыхъ хлопотъ, при помощи нѣкоторыхъ про текцій раздобыла себѣ билетъ на одно посѣщеніе бани.

Никогда раньше я въ банѣ не бывала. И отъ души надѣюсь, что никогда больше не попаду. Маленькая комната, насыщенная паромъ и человѣческими испареніями и вся тѣсно заполненная голыми женскими тѣлами. Крики, визгъ, брань, скользкій мокрый полъ, усѣянный плевками, обрывками кровавыхъ тряпокъ; куча мусора и гнойныхъ повязокъ въ углу. Посреди комнаты нѣсколько мокрыхъ деревянныхъ скамеекъ, на которыхъ нѣтъ ни одно-

го свободнаго мѣста; безформенная толкотня возлѣ единственнаго крана съ горячей водой. Куда ни повернешь глаза, человѣческое уродство всѣхъ видовъ, всѣхъ возрастовъ: худосочныя тѣла, плоскія отвислыя груди, ноги кривыя, ноги съ колоссальными отеками, ноги съ глубокими, по всей голени расползающимися язвами, съ толстыми узлами надувшихся варикозныхъ венъ, какъ синими червями извивающимися подъ кожей; огромныя плоскія ступни, съ вогнутыми внутрь подъ острымъ угломъ большими пальцами (hallux valgus), тѣла, истыканныя гноящимися чирьями, исчерченныя красными полосами чесотки, посыпанныя розовой пудрой сифилитическихъ розеолъ, невинно проглядывающихъ изъ - подъ сѣрой пленки мѣсяцами накапливавшейся грязи и вшей. Если есть на томъ свѣтѣ адъ, онъ будетъ похожъ на эту баню при Александринскомъ театрѣ.

П. П. былъ избавленъ отъ подобнаго испытанія: одна его знакомая, извѣстная артистка Петербургскаго балета, пригласила его къ себѣ и приготовила для него на кухнѣ нѣсколько ушатовъ горячей воды. Во время революцій полезно бываетъ знаться съ балеринами!

Нелѣпый большевицкій опытъ приводилъ къ тому, что всякая мелочь нашего существованія, которая въ нормальныхъ странахъ совершается сама собою, безо всякаго усилія, требовала здѣсь огромной работы и затраты энергіи.

Несмотря на всѣ постановленія о запрещеніи торговли, вокругъ старыхъ рынковъ ежедневно собиралась толпа продавцовъ и покупателей. Торговали подъ ежеминутной угрозой облавы и ареста; но какъ - нибудь надо - же было жить. Я разъ чуть такимъ образомъ не попалась. Подходя къ Сѣнно-

му рынку увидѣла, какъ неожиданно со всѣхъ сторонъ появились солдаты и открыли стрѣльбу. Стрѣляли - ли они въ воздухъ или въ толпу, я не знаю: безо всякаго стыда признаюсь, что я тотчасъ-же повернула и опрометью побѣжала домой.

Слѣдующій маленькій эпизодъ служитъ характерной иллюстраціею къ нашей тогдашней жизни: П. П. и я шли по Каменноостровскому проспекту; впереди насъ на нѣкоторомъ разстояніи шелъ человѣкъ съ большимъ кулемъ картофеля на спинѣ. Неловкое движеніе, и изъ мѣшка выкатываются двѣ крупныя картофелины; прямо въ грязь, на мостовую. Неужели пройти мимо, оставить пропадать эти двѣ картошки? Искушеніе слишкомъ сильно: поднимаю ихъ, обтираю платкомъ. Человѣкъ съ мѣшкомъ уже далеко... Догнать его, вернуть? Смотрю на П. П., но лицо его не выражаетъ ничего. — Спокойно кладу картошку себѣ въ карманъ.

Когда мы теперь ссоримся, П. П. любитъ попрекать меня этими краденными картошками. Да, я знаю, онъ - бы умеръ съ голода, но чужого добра не взялъ - бы. И не поднялъ - бы ничего изъ пыли на улицѣ. Въ этомъ его сила. И моя слабость.

Belle-mère угасала съ каждымъ днемъ. Прежде ясный умъ запутался въ окружающей неразберихѣ. Когда П. П. пришелъ ей сообщить радостную вѣсть о томъ что нами въ принципѣ получено разрѣшеніе уѣхать и что, дастъ Богъ, она черезъ нѣсколько недѣль будетъ въ Фаллѣ, — ея первый вопросъ былъ:

«Et Mathilde?»

И когда узнала, что горничная Матильда, какъ финляндка, не можетъ быть приписана къ эстонскому эшелону, а должна будетъ поѣхать отдѣльно,

черезъ Финляндію, — негодованію ея не было предѣла.

— Comment ! Tu veux faire voyager ta vieille mère sans femme de chambre ! Un bon fils n'aurait jamais fait cela. Penses-tu que papa l'aurait jamais permis ?

Papa — покойный ея супругъ, вотъ уже тридцать лѣтъ какъ въ могилѣ. П. П. - же искренно страдалъ и отъ упрековъ матери и отъ полнаго своего безсилія ей въ данномъ случаѣ помочь.

Истощеніе, отеки, слабость довели belle-mère до того, что она еле держалась на ногахъ; ходить, безъ посторонней помощи, давно уже не могла. Но несмотря ни на что, живъ еще былъ въ ней старый духъ. Каждый день, когда позволяла погода, старый дворецкій вмѣстѣ съ Матильдою выносили ее въ креслѣ на дворъ; часъ - полтора она сидѣла на свѣжемъ воздухѣ. Домъ весь по - прежнему занятъ былъ башкирами, и мимо нея по двору то и дѣло проходили взадъ и впередъ солдаты. Они привыкли къ виду этой печальной руины въ высокой старомодной шляпѣ, въ черной шелковой мантильѣ вышитой бисеромъ, и не обращали на нее никакого вниманія.

Это было незадолго до нашего отъѣзда. Уже назначенъ былъ день, когда эшелонъ нашъ будетъ погружаться въ вагоны. Belle-mère, какъ обычно, сидѣла послѣ завтрака въ своемъ дворикѣ. Вдругъ движеніе: пришли какіе-то люди, открыли сарай, выкатываютъ изъ него старыя кареты, тѣ, въ которыхъ она еще до войны, до революціи, ѣздила по Петербургу съ выѣзднымъ въ ливреѣ на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ.

— Что такое?

— Ваша свѣтлость, не извольте безпокоиться,

кричитъ ей въ ухо дворецкій. — Пришли реквизировать кареты.

Зачѣмъ они пришли, кому могли понадобиться эти столь "несозвучныя эпохѣ" старомодныя кареты — совершенно было непонятно; развѣ что выставить въ историческомъ музеѣ. Но въ belle-mère что-то проснулось.

— Не имѣютъ права! Я теперь эстонка, они не смѣютъ трогать мои кареты. Матильда, пойдите наверхъ, принесите сюда мою эстонскую бумагу.

Ей эти кареты были абсолютно не нужны: о томъ, чтобы ихъ продать или увезти съ собою, не могло быть и рѣчи. Черезъ нѣсколько дней онѣ все равно будутъ брошены на произволъ судьбы. Но это былъ вопросъ принципа.

— Ваша свѣтлость, оставьте, лучше съ ними не разговаривать, могутъ выйти непріятности...

Куда тамъ!

— Матильда, дѣлайте то, что я вамъ говорю.

Явившіеся реквизировать кареты были очень удивлены неожиданнымъ сопротивленіемъ. Правда, эстонцы имѣли право увозить съ собою извѣстное количество имущества. Но эти огромныя, громоздкія кареты! Вѣдь не воображаетъ - же она, что ей позволятъ взять ихъ съ собою въ вагонъ?

Но belle-mère и слушать не хотѣла. Впрочемъ, она по глухотѣ своей, дѣйствительно, ничего почти не слыхала изъ того, что ей говорили.

— Мои кареты. Не имѣете права!

Поспорили, поругались, потомъ махнули рукою и ушли. Кареты остались въ сараѣ.

Du ridicule au sublime il n'y a qu'un pas.

День отъѣзда приближался. Трудно было этому повѣрить, все казалось, что вотъ - вотъ что ни-

будь случится, что въ послѣднюю минуту они раздумаютъ и не выпустятъ насъ. Неужели, дѣйствительно, уѣдемъ? Неужели не сорвется?

Чуть-чуть не сорвалось. Два раза мы были на краю пропасти. Первый разъ, дней за десять до отъѣзда, когда я внезапно заболѣла дизентеріей. Сейчасъ это звучитъ не страшно, но тогда въ городѣ ежедневно нѣсколько человѣкъ отъ этого умирало. Докторъ Зильберталь сразу - же заявилъ П. П., что шансовъ на мое выздоровленіе мало, разсказалъ, какъ еще третьяго дня хоронилъ одну коллегу, умершую отъ дизентеріи. Лучше не дѣлать себѣ иллюзій. Посовѣтовалъ принять касторку.

Какъ вещи мстятъ! Касторка — злѣйшій врагъ всего моего дѣтства. Могла - ли я предполагать, что буду когда - нибудь безнадежно о ней мечтать? П. П. обѣгалъ всѣ аптеки, но ни въ одной изъ нихъ нельзя было достать и самой маленькой дозы касторки. Изъ этого не слѣдуетъ, что весь Петроградъ боленъ былъ разстройствомъ кишечника. Но за неимѣніемъ коровьяго масла несчастные жители столицы пустили въ ходъ касторовое. Достаточно, казалось - бы, одной мысли объ обѣдѣ на касторовомъ маслѣ, чтобы навсегда внушить чувство отвращенія ко всякимъ революціямъ.

Милая докторъ Наполшина! Если вамъ когда-нибудь попадутся на глаза эти строки, знайте, что я не забыла и всегда буду помнить скляночку съ драгоцѣннымъ слабительнымъ, которое вы гдѣ-то раздобыли и мнѣ принесли. Я и по сей день вашъ неоплатный должникъ.

Касторка - ли помогла или просто не пробилъ еще мой часъ, но черезъ нѣсколько дней я была опять на ногахъ.

Какъ въ комнатѣ тяжело - больного боишься

сдѣлать лишнее движеніе, произнести громкое слово, такъ мы въ эти послѣдніе дни передъ отъѣздомъ жили какъ-бы на цыпочкахъ, въ непрерывномъ страхѣ какимъ - нибудь неловкимъ движеніемъ нарушить теченіе событій и вызвать неожиданную катастрофу. И чѣмъ ближе приближались мы ко дню, назначенному для отъѣзда, тѣмъ напряженнѣе было наше состояніе. Таковы, должно быть, послѣдніе нѣсколько шаговъ для акробата, переходящаго на канатѣ черезъ Ніагару. Передъ самымъ концомъ разразился инцидентъ, чуть было всѣхъ насъ не погубившій.

Я уже упоминала о томъ, что работала врачемъ въ одномъ красноармейскомъ лазаретѣ. Больныхъ на моемъ попеченіи было сравнительно немного, человѣкъ около двадцати, изъ нихъ всего два-три тяжелыхъ. Въ лазаретъ я попадала обычно подъ вечеръ и по окончаніи работы, состоявшей въ обходѣ больныхъ, назначеніи лекарствъ и перевязкахъ, — спѣшила домой. Разъ въ недѣлю бывалъ обходъ палатъ со старшимъ врачемъ. Съ остальными врачами госпиталя я почти что не встрѣчалась; съ нѣкоторыми не была даже знакома.

Однажды я задержалась въ лазаретѣ дольше обыкновеннаго. Окончивъ работу, я второпяхъ забѣжала въ комнату для врачей, собираясь по обыкновенію снять тамъ докторскій халатъ и забрать свои оставленныя въ шкапу вещи; но очень была поражена, увидѣвъ, что шкапъ этотъ, въ которомъ хранились моя шляпа и портфель, — запертъ. Крикнула сидѣлку: "Маша, отчего шкапъ запертъ?"

— Не знаю, барыня, это докторша Собсовичъ заперли, ключъ взяли съ собою въ перевязочную.

— Такъ бѣгите, пожалуйста, поскорѣе, попро-

сите ключъ у Собсовичъ, мнѣ надо взять свои вещи изъ шкапа.

Сидѣлка убѣжала и черезъ нѣсколько минутъ вернулась съ ключемъ въ рукахъ. Я надѣла шляпу, забрала портфель, заперла опять шкапъ и отдала Машѣ ключъ:

— Отнесите обратно доктору Собсовичъ.

Подумала при этомъ, что не мѣшало - бы возбудить вопросъ о неудобствѣ, возникающемъ для всѣхъ остальныхъ врачей, когда одинъ изъ нихъ позволяетъ себѣ запирать общій шкапъ и класть ключъ себѣ въ карманъ. Съ Собсовичъ мнѣ до тѣхъ поръ встрѣчаться еще не приходилось.

Изъ лазарета прямо отправилась домой (домой, т. е. въ рабочій кабинетъ господина Елисѣева). Надѣла туфли, легла съ книжкой на диванъ. Не прошло и четверти часа, какъ раздался стукъ въ дверь. П. П. открылъ, и увидѣлъ передъ собою красноармейца и женщину — высокую, жгучую, довольно полную брюнетку. Она говоритъ:

— Я докторъ Собсовичъ, со мною товарищъ Федоровъ, комендантъ лазарета; мнѣ нужно поговорить съ коллегою Волконской.

— Пожалуйста.

Онъ вводитъ ее ко мнѣ, а самъ остается съ комендантомъ въ сосѣдней комнатѣ. Я прошу Собсовичъ присѣсть.

— Со мною случилась большая непріятность, — начинаетъ она, — у меня пропали брилліанты.

— Ахъ, какъ это ужасно! — сочувственно восклицаю я. — Какъ-же это могло случиться?

— Это случилось въ лазаретѣ. Они у меня были въ портфелѣ и исчезли.

Я все еще не понимаю, куда она клонитъ. Немного страннымъ кажется то, что она пришла из-

ливать свое горе именно мнѣ, которую никогда раньше не видѣла въ глаза, но отъ души выражаю ей свое сочувствіе: мало-ли какіе нелѣпые поступки можетъ совершить человѣкъ, на голову коего свалилось такое несчастье! Нѣсколькими словами она ставитъ точки на і:

— Да, коллега, и я подозрѣваю, что вы ихъ взяли.

— Что???

Можетъ быть, предо мною сумасшедшая? Приглядываюсь — не похоже. Зову тогда П. П. изъ сосѣдней комнаты. Она и при немъ совершенно спокойно повторяетъ свое обвиненіе.

— Вы дама, поэтому я не теряю своего самообладанія, — говоритъ ей П. П. Но Собсовичъ этимъ не проймешь. Она объясняетъ, что уже позвонила по телефону въ угрозыскъ, и требуетъ, чтобы П. П. и я пошли съ нею обратно въ лазаретъ. Другого ничего не остается, какъ согласиться. По дорогѣ обдумываю все происшедшее. Странная и нелѣпая исторія. Начать съ того, что давно уже былъ опубликованъ декретъ, по которому всѣ брилліанты, равно какъ и другія драгоцѣнности частныхъ лицъ, подлежали реквизиціи и за укрытіе ихъ грозили самыя суровыя кары. Между тѣмъ, Собсовичъ не смущаясь, во всеуслышаніе заявляетъ, что у нея въ портфелѣ лежали брилліанты. Странно. Это разъ. Что-же касается обвиненія меня въ кражѣ, то оно само по себѣ совершенно не выдерживаетъ критики. Портфель, въ которомъ по ея словамъ находились брилліанты, лежалъ въ запертомъ шкапу, тамъ-же, гдѣ были и мои вещи. По ея предположенію я должна была присвоить драгоцѣнные камни въ тѣ нѣсколько минутъ, когда, получивъ ключъ отъ сидѣлки, я вынимала свои ве-

щи изъ шкапа. Ею не принималось въ соображеніе, что сидѣлка стояла при этомъ рядомъ со мною, что ни доктора Собсовичъ, ни ея портфеля я никогда раньше не видала, а, слѣдовательно, не могла и подозрѣвать о томъ, что она въ немъ хранитъ; что открыть чужой портфель, обыскать его, и захватить находящіеся въ немъ камни, все это на глазахъ тутъ-же стоящей сидѣлки, да такъ, чтобы послѣдняя ничего не замѣтила, было дѣломъ фактически невозможнымъ. Странно и то, что она немедленно позвонила въ Чека, не поговоривъ даже со старшимъ врачемъ лазарета. Очень даже странно. Нормальный обыватель ничего на свѣтѣ такъ не боится, какъ контакта съ Чекою; въ какой - бы то ни было формѣ. Ясно, что у Собсовичъ имѣются какія - то свои особыя связи съ этимъ учрежденіемъ. И тутъ-же ясная, опредѣленная мысль: провокація. Провокація со стороны Чека.

Тѣмъ временемъ мы подошли къ лазарету. Чекисты уже были тамъ. Насъ провели въ пустую комнату и подвергли обыску. И П. П., и меня, каждаго въ отдѣльности; его осматривали мужчины, меня женщины. Заставили раздѣться и всю одежду ощупывали въ поискахъ яко-бы пропавшихъ брилліантовъ.

Можно, конечно, пытаться убѣдить самого себя въ томъ, что дикій быкъ, загнавшій васъ въ помойную яму, что бѣшеная собака, отъ которой приходится спасаться бѣгствомъ, что чекистка, заставляющая васъ раздѣваться — всѣ равно безсильны васъ оскорбить. Многое можно стараться себѣ внушить. Но увѣрена, что самъ профессоръ Куэ, творецъ ученія о самовнушеніи, въ данномъ случаѣ не сумѣлъ - бы достигнуть желаемыхъ результатовъ. Даже и по сей день, даже послѣ столь-

кихъ лѣтъ, дрожь униженія пробѣгаетъ у меня по кожѣ, когда представляю себѣ самое себя, стоящею полуголой подъ взглядами тѣхъ женщинъ. А когда вспомню о томъ, какъ раздѣвали П. П., рука моя невольно тянется къ револьверу...

Обыскавъ насъ, чекисты отправились въ Домъ Искусства и принялись обыскивать нашу комнату. Обыскъ продолжался четыре часа — отъ десяти вечера до двухъ утра. Собсовичъ принимала въ немъ самое дѣятельное участіе. Я, конечно, не боялась что они у насъ что - нибудь найдутъ: никакихъ денегъ, никакихъ драгоцѣнностей у насъ давно уже не было. Но, когда имѣешь дѣло съ чекистами, надо быть готовыми ко всевозможнымъ сюрпризамъ, и я какъ могла зорко слѣдила за каждымъ ихъ движеніемъ. Въ два часа ночи обыскъ закончился: все вскрыли, все перерыли вверхъ дномъ, перешарили все до послѣдняго уголка. Думали, что готовясь къ отъѣзду въ Эстонію, мы припрятали у себя несмѣтныя богатства. И — ничего.

— А все-таки, гражданка, я долженъ васъ арестовать, — обратился ко мнѣ чекистъ, руководившій обыскомъ; на видъ ему было не больше девятнадцати.

— Почему-же, разъ вы ничего не нашли?

— Да вотъ, гражданка (жестъ въ сторону Собсовичъ) васъ обвиняетъ. Значитъ у нея имѣются основанія.

Послѣднія сомнѣнія относительно провокаторской роли Собсовичъ отметены. Но я такъ легко не сдаюсь:

— Послушайте, вѣдь то, что вы говорите, не выдерживаетъ критики. Да и самое ваше обвиненіе абсурдно: при имѣвшихся условіяхъ выкрасть

изъ портфеля какіе - то брилліанты было фактически невозможно.

— Ну знаете, при большой ловкости рукъ оно, пожалуй, и было возможно.

Но тутъ вступился за меня комендантъ госпиталя. Хотя и коммунистъ, онъ все-же былъ, повидимому, честнымъ человѣкомъ, и во всю эту исторію оказался втянутымъ невольно. По его настоянію ограничились пока тѣмъ, что взяли съ меня подписку о невыѣздѣ изъ Петрограда до окончанія слѣдствія.

Мы все еще находились на волоскъ отъ пропасти. Спасла та исключительная сердечность, съ которой вступились за меня всѣ — и знакомые, и мало — и даже совсѣмъ незнакомые мнѣ люди. Въ ту - же ночь, только чекисты ушли, собрались у насъ въ комнатѣ большинство жителей Дома Искусствъ. По собственной иниціативѣ, безъ всякой съ нашей стороны просьбы, они составили заявленіе на имя начальника уголовнаго розыска, въ которомъ горячо протестовали противъ взведенной на меня клеветы. Заявленіе было длинное и красиво написанное, — какъ и подобаетъ литераторамъ: "Подозрѣвать всѣми нами уважаемую Софію Алексѣевну Волконскую столь - же нелѣпо какъ заподозрить Владиміра Галактіоновича Короленко въ кражѣ серебряныхъ ложекъ"... Я была глубоко растрогана.

Такое-же негодованіе вызвала приключившаяся со мной исторія и въ общинѣ: подъ протестующимъ заявленіемъ въ уголовный розыскъ подписались не только врачи и сестры, но и сидѣлки, и низшіе служащіе. Наконецъ, и въ самомъ злополучномъ лазаретѣ весь рѣшительно персоналъ ополчился противъ Собсовичъ; и оттуда полетѣла

въ угрозыскъ бумага въ мою защиту. Я думаю, Чека не ожидала такого единодушнаго отпора. Всего одинъ разъ вызывали меня на допросъ. И первое лицо, на которое я тамъ въ корридорѣ наткнулась, была Собсовичъ; увидѣвъ меня, она поспѣшила скрыться. Больше меня не безпокоили. Въ результатѣ, Собсовичъ пришлось уйти изъ лазарета — этого потребовали всѣ другіе работавшіе тамъ врачи. Никто не хотѣлъ имѣть дѣла съ обнаруженной провокаторшей, да къ тому - же всякій опасался, какъ-бы въ одинъ прекрасный день съ нимъ самимъ не приключилась такая - же исторія какъ со мной. На общемъ собраніи врачей лазарета, на которомъ присутствовали какъ я, такъ и Собсовичъ, главный врачъ въ лицо высказалъ послѣдней то, что онъ о ней думаетъ. Нисколько при этомъ не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Большаго нравственнаго удовлетворенія я - бы не могла получить. Въ ту минуту мнѣ почти что стало жаль Собсовичъ. Но только почти. Мнѣ еще далеко до всепрощающаго христіанскаго идеала.

А докторъ Аренштейнъ въ своей записной книжкѣ помѣтилъ:

«**Cave** Собсовичъ!"

Когда вся шумиха улеглась, П. П. не вытерпѣлъ: "А теперь признайся, гдѣ ты спрятала брилліанты?

День, наконецъ, насталъ. День нашего отъѣзда. Чтобы довезти **Belle-mère** до станціи, удалось какими-то хитростями раздобыть автомобиль. Къ счастью старый дворецкій, съ женою и дочерью, будучи эстонцами, могли ѣхать однимъ эшелономъ съ нами. Какъ ни смѣшно, а для П. П. и меня тоже нашелся автомобиль: и не простой автомобиль, а одинъ изъ тѣхъ, что принадлежали самому морско-

му комиссару; раздобыли - же намъ его окольными путями, черезъ знакомыхъ Ларисы Рейснеръ. Два бравыхъ матроса, сидѣвшихъ впереди придавали ему весьма воинственный видъ, и если повстрѣчалъ насъ на улицѣ кто - либо изъ друзей нашихъ, навѣрное рѣшилъ, что мы арестованы. Въ совѣтской Россіи внѣшность еще болѣе обманчива, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

На вокзалъ забрались спозаранку. У одной изъ боковыхъ платформъ стоялъ длинный товарный поѣздъ: это и былъ нашъ эшелонъ. Со всѣхъ сторонъ стекались сюда эстонцы со своимъ скарбомъ. Нѣтъ зрѣлища печальнѣе и некрасивѣе, чѣмъ эшелонъ переселенцевъ: весь тотъ хламъ, что годами накапливался въ разныхъ темныхъ углахъ дома, залеживался на чердакахъ, плѣсневѣлъ въ подвалахъ, теперь безжалостно вытащенъ на солнечный свѣтъ. Чего тутъ только не было: сломанная клѣтка попугая рядомъ съ продавленнымъ грамофоннымъ рупоромъ; съѣденная молью мѣховая шуба, на которой безносый пьерро раскидалъ обрубки своихъ когда-то длинныхъ рукъ; тазы съ облупившейся эмалью, стулъ безъ спинки, зонтикъ безъ ручки... О людяхъ, находившихся при этихъ вещахъ, лучше и не говорить: три года большевицкой власти превратили нѣкогда нормальныхъ, жизнерадостныхъ людей въ то жалкое, физически и духовно исковерканное, униженное, терроризированное подобіе человѣческихъ существъ, что именуются "совѣтскими гражданами". Тѣ иностранцы, которые видѣли поѣзда съ переселенцами изъ Россіи, не спрашивали больше съ удивленіемъ, какъ можетъ сто - сорока - милліонный народъ терпѣть тиранію кучки коммунистовъ. Они поняли. При этомъ, не надо забывать, что переселенцы были са-

мые, чтобы не сказать единственные, счастливые люди во всей Россіи: на нихъ палъ выигрышный билетъ, болѣе драгоцѣнный чѣмъ выигрышъ любого ирландскаго свипстейка — возможность уѣхать изъ Совдепіи. Никогда, нигдѣ не видѣла я такой жгучей зависти, какъ въ глазахъ друзей, съ которыми мы прощались передъ отъѣздомъ. Если бы можно было спастись изъ страны, подобно тому какъ во время войны самострѣломъ спасались съ фронта — вся Россія осталась - бы безъ пальцевъ. Но увы! за рѣдкими исключеніями спастись можно было только рискуя головой.

Belle-mère на рукахъ вынесли изъ автомобиля и въ креслѣ донесли до вагона. Съ величайшимъ усиліемъ, при помощи десятка постороннихъ рукъ, удалось поднять кресло въ товарный вагонъ. Въ углу вагона на полу разостланъ былъ резиновый воздушный матрацъ; покрыли его одѣялами, подушками и уложили больную. Въ темномъ мѣховомъ пальто и большой старомодной шляпѣ на головѣ, съ изможденнымъ желтымъ лицомъ, безжизненнымъ взглядомъ и трясущимися руками... Какъ ни привыкъ совѣтскій человѣкъ къ зрѣлищамъ полнымъ ужаса, а взглянувъ на нее прохожихъ пробирала жуть; отворачивали глаза и спѣшили мимо.

Много часовъ томительнаго ожиданія. Когда двинутъ поѣздъ — никто точно не знаетъ. П. П. нервно ходитъ взадъ и впередъ по платфрмѣ. Его взвинченное состояніе передается и мнѣ; вспоминаются разсказы о томъ, какъ чекисты въ послѣднюю минуту снимали людей съ поѣзда и волокли въ тюрьму. Пока не переѣдемъ границу, не можетъ быть на душѣ спокойствія.

Насталъ вечеръ, а мы все еще стоимъ. Госпо-

ди, когда-же? Стемнѣло, пошелъ дождикъ. Все ждемъ. Ни мыслей, ни чувствъ, одно тупое ожиданіе. Неужели никогда не наступитъ этому конецъ?

Кто - то пробѣжалъ по платформѣ... Кто - то крикнулъ... какіе - то люди засуетились... Чья - то команда, свистокъ, и поѣздъ медленно трогается. Медленно, медленно, потомъ быстрѣе. Поѣхали. Теперь кажется взаправду выбрались.

Но радость наша была преждевременна. Судьбѣ-ли показалось, что мы слишкомъ дешево отдѣлались, дьяволъ - ли выпросилъ у Бога разрѣшеніе наслать намъ одно послѣднее испытаніе? Проѣхавъ версты четыре, поѣздъ замедлилъ ходъ, потомъ остановился. Что такое? Дождикъ льетъ какъ изъ ведра, не видать ни зги. Стоимъ въ полѣ; тусклый свѣтъ отъ вагона освѣщаетъ рядомъ съ полотномъ глубокую канаву. Со стороны паровоза бѣгутъ люди, у одного изъ нихъ въ рукахъ фонарь. Тотъ что съ фонаремъ кричитъ:

— Послѣдніе десять вагоновъ отцѣпляются, дальше не пойдутъ. Всѣмъ кто въ нихъ — перебраться въ передніе вагоны.

Не сразу понимаемъ въ чемъ дѣло. Не сразу проникаетъ въ сознаніе мысль: нашъ вагонъ предпослѣдній. Это катастрофа. Мы знаемъ, что всѣ передніе вагоны переполнены. Какой - нибудь уголокъ для насъ очевидно нашелся - бы, втиснули - бы и вещи, благо ихъ у насъ не много. Но перетащить belle-mère въ томъ видѣ, въ какомъ она тогда находилась, не имѣя ни кресла, ни носилокъ высадить ее изъ высокаго товарнаго вагона въ темноту, въ дождь, въ глубокую канаву — это было невозможно. Просто невозможно. Оставаться въ вагонѣ значило быть отвезенными обратно въ Петроградъ, гдѣ комнаты наши теперь уже заняты

другими, гдѣ продовольственныя карточки наши сданы, гдѣ мы очутимся безъ денегъ, безъ пристанища, съ belle-mère на рукахъ, гдѣ все съ такими невѣроятными усиліями отвоеванное придется добывать сначала. Мы погибли.

За всю нашу совмѣстную жизнь я никогда не видѣла П. П. въ такомъ состояніи, какъ тогда. Какъ былъ, безъ шляпы, выскочилъ онъ изъ вагона и бросился къ коменданту поѣзда. Милый эстонецъ радъ былъ - бы помочь, но дѣло зависѣло не отъ него: паровозъ оказался слишкомъ слабъ, поѣздъ слишкомъ длиненъ, полученъ приказъ десять вагоновъ отцѣпить. П. П. пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, умолялъ, доказывалъ, заклиналъ эстонца именемъ его собственной матери... Отчаяніе подсказывало ему слова. Онъ убѣдилъ. Эстонецъ куда-то побѣжалъ, съ кѣмъ-то посовѣтовался, получилъ отъ кого-то разрѣшеніе и вернувшись сообщилъ, что нашъ вагонъ войдетъ въ составъ поѣзда. П. П. вернулся къ намъ весь мокрый отъ дождя, весь дрожащій отъ пережитаго волненія. Началось сложное маневрированіе вагоновъ. Съ затаеннымъ страхомъ вглядывались мы въ темноту, стараясь угадать смыслъ маневра: вдругъ еще разъ перерѣшатъ и насъ оставятъ? Секунды казались часами. A belle-mère все не могла успокоиться: «Petia, Petia, que se passe-t-il? Qu'est-ce que vous regardez là tous les deux?»

Въ послѣдній разъ протащили нашъ вагонъ, сначала назадъ, потомъ впередъ. Вотъ стукнули буфера, вотъ теперь насъ прицѣпили, теперь поѣхали... Поѣздъ давно уже катился непрерывно по направленію къ Ямбургу, а мы все еще боялись вѣрить: можетъ быть это только всего маневръ? Каждое замедленіе хода таило въ себѣ угрозу оста-

новки, каждый свистокъ казался вѣстникомъ новой катастрофы.

Путешествіе до границы длилось около сутокъ. Нервы напряжены до крайняго предѣла. **Belle-mère** все время безпокоится:

— **Petia ! Petia !**

— **Que veux-tu, Maman ?**

— **Combien de degrés y a-t-il dehors ?**

— **Je ne sais pas, il fait assez frais.**

— **Il n'y a pas de thermomètre à la fenêtre ?**

— **Mais non, voyons, Maman, tu sais bien que nous sommes dans un wagon de marchandises.**

Все это нужно кричать во весь голосъ: за шумомъ колесъ она окончательно ничего не слышитъ. Только П. П. приляжетъ или возьметъ книжку, раздается голосъ:

— **Petia, Petia, viens ici...**

Терпѣніе его было неизсякаемо... А она была очень стара, очень больна и, какъ большинство людей въ ея положеніи — очень требовательна.

На слѣдующій день мы пріѣхали въ Ямбургъ; здѣсь предстоялъ таможенный осмотръ и провѣрка бумагъ. Послѣдній этапъ нашего страднаго пути. Всѣ мы знали о томъ, какъ часто людей возвращали обратно съ границы, какъ легко было за малѣйшее нарушеніе таможенныхъ правилъ угодить въ тюрьму. И даже безо всякаго нарушенія правилъ. Надо быть готовыми ко всему.

Личный осмотръ происходитъ со сниманіемъ сапогъ, вспарываніемъ подкладокъ, распусканіемъ волосъ. На скамейкѣ сидитъ женщина и реветъ: у нея нашли драгоцѣнные камни, запрятанные въ каблукѣ. Другая въ сосѣдней комнатѣ громко споритъ съ чиновникомъ, истерически силится въ чемъ-то его убѣдить. Меня осмотръ не пугаетъ —

на мнѣ ничего не запрятано. Мнѣ нечего больше прятать. Belle-mère оставили въ вагонѣ: даже чекисты при видѣ ея испугались. Въ видѣ исключенія позволили П. П. остаться при ней. Прислали въ вагонъ чекистку для производства обыска; но и у той видимо не поднялись руки на такую больную. Послѣ самаго поверхностнаго осмотра ее оставили въ покоѣ. Только значительно позднѣе узнали мы, что на груди у себя, подъ платьемъ belle-mère запрятала три золотыя монеты: всю свою жизнь она имѣла обыкновеніе въ день Престольнаго праздника въ Фаллѣ жертвовать эту сумму священнику на благотворительныя нужды и не допускала, чтобы что-либо, хотя-бы даже революція, могло заставить ее измѣнить традиціи. Врядъ- ли она отдавала себѣ отчетъ, врядъ - ли и задумывалась надъ тѣмъ, какой опасности подвергала этимъ и себя и насъ.

Осмотръ конченъ, бумаги провѣрены. У насъ все прошло гладко. Насъ пропустили. Безконечно мучительно тянутся минуты ожиданія. Ни читать, ни думать, ни разговаривать мы не въ состояніи. Послѣдняя ставка поставлена. Мы стоимъ у послѣдней черты. Перейдемъ - ли? Подсудимый врядъ - ли можетъ разсказать о томъ, какія у него были въ головѣ мысли въ то время, какъ въ комнатѣ присяжныхъ рѣшался вопросъ о его жизни. Должно быть, и мыслей никакихъ не было, только одно напряженное ожиданіе, одинъ трепещущій вопросъ: да или нѣтъ? Да или нѣтъ — выпустятъ или задержатъ?

Всякая пытка приходитъ къ концу. Долгожданный толчокъ — поѣздъ трогается. Медленно, медленно, ближе и ближе къ границѣ...

Маленькая грязная рѣчка. Нѣсколько солдатъ съ ружьями. Мостикъ... Смотрю на П. П., но онъ не

смотритъ на меня: его глаза устремлены туда — назадъ — въ Россію... Вотъ онъ перекрестился. Мы въ Эстоніи.

Падаю на колѣни, лицомъ на сундукъ. Рыданія подступаютъ къ горлу. А изъ угла доносится взволнованный старческій голосъ:

— **Petia ! Petia ! Sommes-nous arrivés ?**

ПОСЛѢСЛОВІЕ

А что - же дальше, спроситъ любопытный читатель. Дальше? Дальше Европа, большія надежды, еще большія разочарованія... Собственная глупость, чужая недобросовѣстность... Деньги, разореніе, нищета... Преподаваніе гимнастики, ухаживаніе за больными въ Ниццѣ, кинематографическія съемки въ роли статиста, чтеніе вслухъ слѣпому банкиру, экзаменъ на шоффера - такси въ Парижѣ...

И тоска, тоска безконечная.

Конецъ